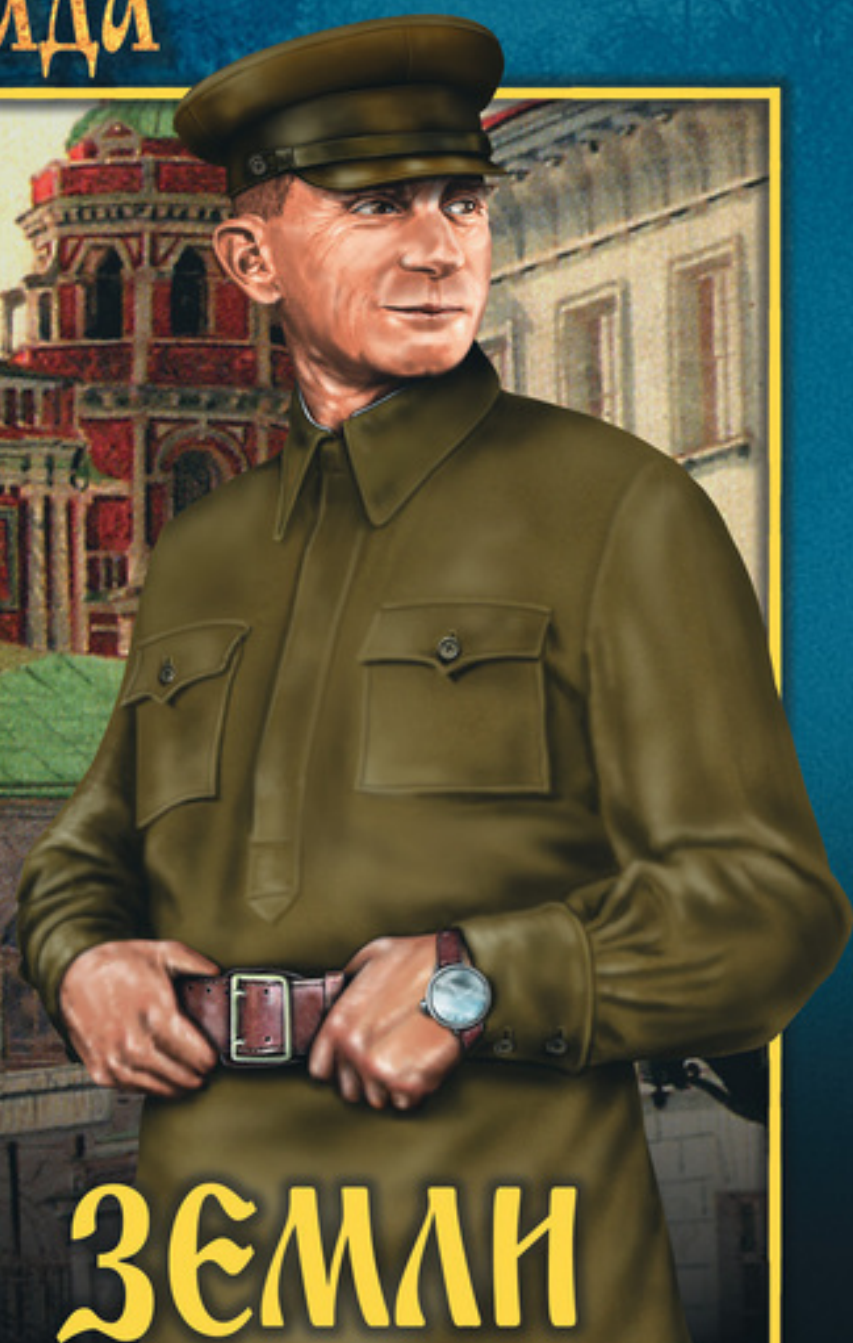

ГЕОРГИЙ МАРКОВ

ОИБИРИАДА

ГОЛЬ ЗЕМЛИ

Строговы

Георгий Марков

Соль земли

«ВЕЧЕ»

1949-1959

Марков Г. М.

Соль земли / Г. М. Марков — «ВЕЧЕ», 1949-1959 — (Строговы)

ISBN 978-5-4467-1736-1

В 1954–1960 Георгий Мокеевич Марков написал продолжение истории семьи крестьян-сибиряков Строговых – роман «Соль земли» (кн. 1–2), где подробно проследил судьбу детей и внуков Матвея, уже изменивших свой социальный статус, ставших учеными, служащими, партийными работниками – не столько «сеятелями», сколько преобразователями послевоенной Сибири. Вполне в духе времени в романе появляется и образ молодого бунтаря с характером «шестидесятника» – аспиранта Алексея Краюхина. Роман был с успехом экранизирован и заслуженно снискал зрительские симпатии.

ISBN 978-5-4467-1736-1

© Марков Г. М., 1949-1959

© ВЕЧЕ, 1949-1959

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвертая	35
Глава пятая	51
Глава шестая	59
Глава седьмая	68
Глава восьмая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Георгий Марков

Соль земли

© Марков Г.М., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Весна запаздывала. Морозы держались стойко наперекор календарю. В марте по ночам еще звонко лопался над озерами и реками лед. Метели бесновались без передышки по нескольку суток. В логах и на косогорах сугробы снега поднимались выше черемуховых кустов. Казалось, что зиме не будет конца.

Но в середине апреля солнце прорвалось сквозь низкое свинцовое небо, и в Улуюлье наступила весна. Под снегом заколобродили неслышные ручьи, потом с Яров и гор ринулись в таежные речки потоки талых вод, лесистые заломы и каменистые перекаты огласились буйным шумом вешнего половодья. Неохватная ширь поднебесья покрылась живыми серыми пятнами: то двигались с просторов юга несметные стаи перелетных птиц. И хотя весна запаздывала, все на улуюльской земле происходило так, как и год, и десять, и сто лет назад. Только люди не могли и не хотели повторять прожитого. Весна этого года не походила у них ни на какую другую, пережитую когда-либо раньше...

Книга первая

Глава первая

1

В окно громко постучали. Анастасия Федоровна встревоженно взглянула на Максима. Стук повторился. Звон стекла выразительно передал чье-то нетерпение. Анастасия Федоровна быстро встала.

– Кто же это?

– Сиди, Настенька, я открою.

Максим поднялся из глубокого кресла и, направляясь к двери, посмотрел на часы, висевшие над письменным столом. Было два часа ночи.

Анастасия Федоровна проводила мужа взглядом. Шестой день Максим жил дома, и шестой день им не удавалось поговорить по-настоящему. С раннего утра до позднего вечера шли родственники, друзья, соседи...

На террасе слышался незнакомый голос, и вслед за Максимом в комнату вошел человек в длинном глянцевом-черном плаще. Плащ был мокрый, и струйки воды стекали на пол.

– Распишитесь за «молнию», Максим Матвеевич, – проговорил почтальон, осторожно подавая телеграмму с красной наклейкой, обозначающей, что доставить ее надлежало в любое время дня и ночи.

Максим принял телеграмму и по-фронтовому на ладони расписался на отдельном продолговатом листочке.

– Благодарю вас, товарищ. – Он проводил почтальона и вернулся с нераспечатанной телеграммой.

Анастасия Федоровна стояла в такой позе, которая без слов говорила: «Ну скорей же! Не томи!»

Максим развернул телеграмму, прочитал вслух:

– «Областной комитет партии просит вас срочно прибыть Высокоярск по вопросу вашей дальнейшей работы. Выезд телеграфируйте. Секретарь обкома Ефремов».

– Да они что там? Столько лет человек воевал, не знал ни сна, ни отдыха, приехал к жене и детям, не успел еще как следует выспаться – и опять куда-то! Нет, нет, это немыслимо! – Анастасия Федоровна взяла Максима за руку, прижала ее к своему лицу и затихла. Максим обнял жену, бережно усадил на диван, сел рядом.

За стеной свистел ветер. Упругие струйки дождя стучали в стекла высоких окон. Но как бы наперекор ненастью, стоявшему на дворе, где-то близко с задором горланили петухи.

– Ишь ведь как стараются! – сказала Анастасия Федоровна.

– Хороший, солнечный день чувят, Настенька, – вполголоса отозвался Максим.

И они опять замолчали, не решаясь говорить о том, что несла их жизни телеграмма, доставленная в глухой ночной час.

– Значит, едешь? – спросила наконец Анастасия Федоровна.

– Еду, Настенька.

– И когда?

– С первым поездом.

– Утром... – Она опустила голову.

Максим встал, расправил плечи, пригладил густые волосы. Надо бы как-то по-хорошему утешить жену, но нужных слов не находилось. Максим подумал о себе с острым неудовольствием: «Вояка! Разучился говорить с самым близким человеком».

Он прошелся по комнате широкими медленными шагами.

– Это что-то очень важное, Настенька. Ефремов – человек чуткий. Он не позвал бы без крайней надобности.

– Чуткий? По-настоящему чуткий должен был и о твоей семье подумать.

– С государственной вышки виднее.

– Не оправдывай. Ты отвык от нас. Тебе лихо сидеть на одном месте...

Максим сдержался, чтобы не ответить резко, и, помолчав, подчеркнуто спокойно сказал:

– На войне, Настенька, я от многого отвык... А ставить свой покой превыше всего я никогда не привыкал.

Анастасия Федоровна вскочила.

– Что?..

– Ссориться не будем, Настенька.

– Нет, будем! Будем, если ты думаешь, что мы жили тут в свое удовольствие!

– Можно послать Ефремову телеграмму, попросить отсрочку дня на три.

Она поняла, что он делает ей уступку, и с горячностью сказала:

– Ни в коем случае!

Анастасия Федоровна подошла к шкафу с книгами и принялась что-то искать.

Она стояла к Максиму вполоборота, и он видел ее высокий лоб, прямой нос, плотно сомкнутые губы, придававшие ее лицу энергичное, волевое выражение, и мягко очерченный тенью от лампы точеный подбородок. Именно такой – строгой и до бесконечности нежной – виделась Максиму она в долгие фронтовые годы.

– Нашла! – сказала Анастасия Федоровна, вытаскивая из большой книги потерянный листок бумаги. – Возьми и прочитай вслух.

Максим бережно принял из ее рук листок ученической тетради, не узнав вначале своего почерка.

– Читай!

– «Настенька! Все получилось очень глупо, и эту глупость мы должны поделить с тобой поровну. Ты не поняла меня, а я не хотел понять тебя. Ты уехала... И вот теперь, когда тебя нет, я вижу, что, где бы ты ни была, куда бы ни уносила ты свою гордую душу, все равно ты вернешься, и мы будем вместе. В нашем тяготении друг к другу есть что-то необоримое. Маленькие таежные ручейки, сливаясь воедино, умножают свои силы. Так и мы с тобой. Кто бы ни вставал на нашем пути, какие бы преграды ни воздвигались перед нами – все рухнет от силы нашей любви. В жизни так много больших, настоящих дел, что, ей-богу, не время размениваться на мелкие чувствешки. Максим».

Анастасия Федоровна и Максим посмотрели друг другу в глаза вначале строго, как бы говоря: «Вот какие мы были!» – потом с нежностью. Эта короткая записка, свидетель их юности, растворила горький осадок.

– Ты помнишь, когда это было написано? – спросила Анастасия Федоровна.

– Еще бы не помнить! Мы поссорились тогда с тобой из-за какого-то пустяка и чуть-чуть не испортили себе всю жизнь.

– Это было, Максим, пятнадцать лет тому назад.

– Ну что ж, я готов подписаться под этим посланием вновь. В нашей жизни, Настенька, действительно было много хорошего, а будет еще больше. Будет!..

Они опять сели рядом. Максим поцеловал жену, взял ее гибкую, сильную руку и не выпускал ее из своей руки.

– Никогда не забуду, Максим, дни боев под Сталинградом. От тебя три месяца – ни строчки. Временами казалось, что тебя уже нет в живых. В такие часы я брала эту записку, и она возвращала мне веру, давала силы для жизни...

Анастасия Федоровна говорила тихо, доверчиво. Максим сидел с закрытыми глазами. И он ведь тоже в трудные часы своей фронтовой жизни перечитывал ее старые письма, черпая в них силы, в которых нуждалась его душа.

Ночь истекала. Дождь прошумел, омыв землю щедрыми струями, и затих, уступая место разгорающемуся рассвету.

2

Максим Строгов был назначен заведующим отделом промышленности Высокоярского областного комитета партии. Вначале это предложение удивило его. Он имел степень кандидата философских наук и считал себя ближе к пропагандистской и научной работе, чем к хозяйственной деятельности. Максим высказал свое сомнение первому секретарю обкома Ефремову. Тот принялся горячо разубеждать:

– Именно потому, что вы философ и пропагандист, мы и решили выдвинуть вас на этот пост. Нам нужен не хозяйственник, а партийный работник, тем более что у вас за плечами опыт секретаря горкома, директора политехнического института, командира полка. Что же касается специальных вопросов, то вы их освоите в процессе работы. Главное в промышленности у нас – лес. Центральный Комитет партии и правительство серьезно критикуют нас за состояние лесной промышленности. Перспективы же для развития этой отрасли хозяйства в нашей области безграничны. Думается, что вы сумеете повести дело энергично, с учетом наших больших возможностей.

Ефремов вопросительно посмотрел на Максима, и глаза его, затаив добрую усмешку, говорили: «Да ты же согласен, я вижу, что согласен, и зря тянешь, зря упрямисься».

– Ну что же, обкому виднее, какую работу мне дать, – сказал Максим.

– Вот это по-партийному.

– Когда приступить к работе?

– Как можно скорее. Местами уже начался сплав. Кроме того, Центральный Комитет и правительство приняли решение о разворачивании в нашей области новых леспромхозов. Работу эту надо начинать без промедления.

Помолчав, Ефремов заговорил другим тоном:

– Обком не забудет, что вы не отдыхали. Ордер на квартиру можете получить сегодня же. Телеграфируйте семье о переезде. Жену вашу также не оставим без дела.

– Я хотел бы, Иван Федорович, прежде всего выехать в районы, посмотреть, как живут люди. Не хочется начинать работу с кабинета.

– Поезжайте. Советую в Притаежный район. Там у нас крупный леспромхоз «Горный». Кстати, и брата повидаете. Вы еще не виделись с ним?

– Несколько лет не встречались.

3

И вот Максим ехал в Притаежное. Снег недавно стаял, и земля курилась под солнцем розоватой испариной. Лес не успел еще зазеленеть и стоял голый. Поля были бурыми, неуютными. Зеленели только бугры да загоны озимых.

Дорога в Притаежное пролегла через лога, холмы, речушки, сердито бурлившие под старыми непрочными мостами. Ехали осторожно.

– Тут справедлива пословица: «Тише едешь, дальше будешь», – говорил Максим, сидя рядом с шофером.

Связь Высокоярска с Притаежным районом поддерживалась преимущественно речным путем. Летом на пароходах завозили в район товары, горючее, машины. Почта доставлялась либо самолетами, либо на автомобилях, а в распутицу на лошадях.

На половине пути от Высокоярска до Притаежного машина Максима нагнала одинокого путника. Он шел не торопясь, не по дороге, а возле нее (там меньше было грязи), опираясь на суковатый посох. Заслышав рокот мотора, он оглянулся, но не остановился, не поднял руку, а продолжал шагать дальше.

– Вы глядите, Максим Матвеич, какой гордый, даже подвезти не просит, – заметил шофер.

– А он сейчас на Талиновский выселок свернет, – сказал Максим.

Но человек с посохом в сторону не свернул, а продолжал идти по большой дороге.

Когда машина обгоняла человека, Максим оглядел его. Это был высокий сутулый старик. Морщинистое лицо его обросло кудрявой длинной бородой. Ветер трепал седины, ерошил их.

– Надо все-таки подвезти!

Старик охотно принял приглашение. Он снял с плеч котомку, расстегнул суконное пальто и, втолкнув вначале посох, залез на заднее сиденье «эмки».

– Спасибо, добрые люди, а только я бы и своими ногами дошел, – сказал старик певучим голосом.

– А ехать все-таки лучше, папаша, – засмеялся шофер.

– Конечно, лучше, но и дойти можно, – убежденно сказал старик.

– Вы что же, местный или откуда-нибудь приехали? – спросил Максим, когда старик отдышался.

– Сейчас я издалека, а в прошлом был местный.

– Когда это – в прошлом?

– Из этих мест я ушел ровно сорок лет тому назад, а пришел сюда шестьдесят лет назад. И до того я жил на свете двадцать лет.

– По виду вам столько не дашь.

– На здоровье пока не в обиде. А все же всему есть мера.

Старик замолчал. Максим обернулся и увидел, что выцветшие глаза его спутника стали грустными.

– А кто вы будете, добрые люди? – оживляясь, спросил старик.

Максим сказал, что едет в Притаежное из Высокоярска по заданию обкома партии.

– От власти, значит, по государственным делам едете, – сделал заключение старик и, помолчав, усмехнулся: – Раньше я от властей хоронился, теперь с властями в одной машине еду.

– Вы, вероятно, из беглых каторжан были? – спросил Максим.

– Из них, добрый человек... Такое дело было. Служил я у тамбовского помещика Гранова. А у помещика жил в Петербурге сын – поручик. Что отец, что сын – не люди были, а звери. Как приедет сын к родителям на побывку, нашим девушкам житья нету. Обесчестит и бросит. Две наших девушки руки на себя наложили. Затаил я лютую злобу против молодого Гранова, стал сам не свой. А тут, как на грех, приезжает он опять и велит прийти вечером в хозяйский сад Марфуше. А у нас с ней все уже договорено было: собирались осенью обвенчаться. Ну, идет Марфуша в сад, а я уже там в кустах прячусь. В тот вечер и порешил его. Поймали меня, судили. Дали десять лет каторжных работ и вечное поселение на Сахалине. Марфуша пошла за мной. Не доходя до Томска, сбежал я. С той поры до семнадцатого года исколесил всю

Сибирь. В двенадцатом году попал на Ленских приисках под расстрел, пули вокруг свистели, в трех местах одежду продырявили, а сам остался цел и невредим. Пока царское лихолетье было, двадцать фамилий переменял. Каких только кличек не носил: Залетный, Косач, Червонный, Петух, Скряга! Когда прогнали царя и богачей, вернулась ко мне родительская фамилия, стал я опять Мареем Добролетовым, с той поры на севере обитался, людям новые тропы торил.

Максим слушал затаив дыхание. Трудно было поверить, что одна человеческая жизнь может вместить столько лиха.

– А как дальше жить думаете? – спросил Максим.

– Похожу, посмотрю, добрый человек. Свое гнездо вить не стану. Долго ли жить-то осталось? Дела вот кое-какие управлю – и на покой, годы мои немалые.

– А какие же у вас дела могут быть?

– Есть кое-какие дела, есть, – уклонился от прямого ответа старик и попросил шофера: – Остановись, добрый человек, у свертка. Вам прямо, а мне налево.

– А память у вас хорошая. Даже повороты на дороге помните! – удивленно воскликнул Максим.

– Да ведь как их забудешь, если сам туг все тропы торил, – объяснил старик. – Лесок вот местами гуще и выше стал. А так мало что изменилось. Местность, добрые люди, меняется от человека. А человек, видать, рук своих тут еще не приложил.

Машина нырнула в лог, с ревом поднялась на косогор и остановилась.

– Вот и сворот твой, дедушка, – сказал шофер.

Старик вылезал из машины долго и неловко. Он был такой большой, что в дверцах «эмки» ему пришлось сгибаться почти вдвое.

– Сто коробов вам добра и счастья, добрые люди! – почти пропел старик, выйдя наконец из машины.

– Счастливой дороги, отец! – от души пожелал ему Максим.

4

Не доехав до Притаежного километров сорок, машина свернула в сторону. Здесь неподалеку от тракта был расположен один из крупных леспромхозов Улуюлья – «Горный».

«Думаю, что секретарь райкома Артем Матвеевич Строгов не будет на меня в особой претензии за проникновение в низы “без ведома районных властей”, – с усмешкой подумал Максим.

За годы пребывания в армии Максим отвык от «гражданки», и теперь ему хотелось без всякого промедления столкнуться с жизнью, посмотреть, как живут простые люди, узнать их думы. Кроме того, места, лежавшие от тракта к востоку, к реке Горной, были знакомы Максиму по детству и юности. Здесь он бывал с отцом на охоте в чернотропье (со второй половины сентября до снегопада). Но особенно часто Максиму приходилось бывать в селах и деревнях Улуюлья, когда он работал инструктором уездного комитета комсомола.

Дорога от тракта к леспромхозу шла через лес. Снеговые воды размыли колею, обнажили корни кедров и сосен. Машина часто подпрыгивала, остервенело гудела, колеса то и дело буксовали, яростно разбрызгивая грязь.

Максим сидел молча, и казалось, что он не замечает всех неудобств пути. Жадно всматривался он в распадки, поросшие густым кедровником, прислушивался к шуму, с которым катились через перекааты и валежник ручьи.

Все тут стало теперь как-то по-иному: проще и обыкновеннее. Суковатые в два-три обхвата деревья, поражавшие тогда его своей высотой, будто вросли в землю. Неподступные хребты тоже как бы уменьшились. Максим пожалел, что этот лес, эта дорога, это небо не вызывают в нем прежних чувств. Правда, был один момент, когда он как бы перенесся в детство:

машина пересекала лог. По берегам ручья, протекавшего в логу, буйно рос черносмородинник. Объезжая рытвину, шофер направил машину в кустарник. Под колесами захрустели ломкие ветви смородины, и воздух наполнился густым терпким запахом. Запах этот был родным и близким Максиму. Ему живо представилось, что вокруг не весна, а осень. Деревья уже подернулись багрянцем, небо опустилось и стало свинцовым. Он, Максимка, идет по лесу. Впереди бежит собака, она обнюхивает деревья и землю и, поглядывая на него, увлекает все дальше от стана. День уже клонится к вечеру, а он с утра еще ничего не ел. Он заходит в смородинник. Терпковатый, вкусный запах разжигает аппетит. В мешке, перекинутом через плечо, лежит кусок черного хлеба. Он вытаскивает хлеб, подходит к кусту, усеянному гроздьями ягод, и ест их с хлебом.

Автомобиль подпрыгнул, налетев на пенек. Максим подскочил на сиденье, втянул голову в плечи, опасаясь удара.

– Ну и дорога, ни дна ей, ни покрышки! – выругался шофер. – Как они тут только в ненастье ездят? Вы их пристыдите хорошенько, Максим Матвеич.

– Придется.

Через полчаса показались разбросанные по берегу реки тесовые крыши домов Веселого. Повсюду топились бани. Дымок курчавился над ними и расплзался по земле, разнося приятный, горьковатый запах смолы и жженого кирпича.

Солнце перед закатом побагровело. Окна горели жарким огнем. Пылающими пятнами был подернут кедровник, тянувшийся сплошным массивом от Веселого до Притаежного по берегам реки Большой – около шестидесяти километров.

– В контору поедем, Максим Матвеич? – спросил шофер, когда машина покатила по широкой улице села.

– В конторе едва ли мы кого-нибудь захватим. День субботний.

– Куда же поедем?

– А вон домик с тремя белыми наличниками, подверни к нему.

– У леспромхоза, Максим Матвеич, наверняка заезжая квартира есть.

– Уж как-нибудь обойдемся без нее.

Шофер вопросительно посмотрел на Максима, но его намерений не понял. А Максим думал: «Любопытно, очень любопытно посмотреть, как живут сейчас наши люди. О чем думают? О чем говорят? Какие заботы их занимают?»

Хозяйка дома встретила Максима на крыльце. Это была немолодая женщина с полным приветливым лицом, сохранившим румянец на щеках. Голова ее была повязана белым платком не по-старушечьи – клиньями, а вокруг головы – так повязывались раньше молодые сибирячки в первые два-три года замужества.

– Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, заночевать у вас можно? – обратился к женщине Максим.

– Заночевать? Можно, можно! Милости просим, – радушно проговорила хозяйка.

Из дому вышел широкоплечий, плотный мужчина, босой, в рубашке с расстегнутым воротником, без пояса. Черные волосы его были еще мокрыми и нерасчесанными, а смуглое, словно прокаленное лицо покрыто бисерными капельками пота. Видно, он только что вернулся из бани.

– Переночевать товарищ просится, – сказала женщина, взглянув на мужа.

– Зови. Дом большой. И, осмотрев Максима с ног до головы, пригласил сам: – Заезжайте, товарищи. А вы откуда будете, из района или из области?

– Из области, по делам едем.

– Проходите, а я побегу ворота шоферу открою. – Женщина легко сбежала по ступенькам крыльца.

Максим вошел в дом. Хозяин провел его во вторую половину и указал на стул.

– Располагайтесь тут, товарищ.

Он торопливо вышел куда-то, оставив Максима одного. Максим осмотрелся. В комнате было чисто и уютно, и он невольно оглядел себя – не принес ли на одежде дорожную грязь.

Кроме широкой кровати с высоко взбитой периной и деревянного дивана, в углу стоял большой письменный стол, а над ним полки, заставленные книгами. Вся стена напротив окон была увешана фотографиями, вставленными в рамки под стекло.

Выше, над фотографиями, висел цветной портрет Ленина, оправленный нарядной золотистой рамкой с фигурной резьбой.

Максим давно, еще до войны, заметил эту трогательную особенность людей колхозной деревни: вывешивать портреты Ленина и руководителей партии и государства вместе с семейными фотографиями.

Максим подошел ближе, принялся рассматривать фотографии. За несколько минут он узнал, что хозяин дома служил в царской армии, имел Георгиевский крест, потом воевал в рядах Красной Армии, был участником двух окружных съездов потребительской кооперации; учился на областных курсах работников лесного хозяйства.

Два больших портрета, висевших с правой стороны, особенно привлекли внимание Максима. Открытые юношеские лица, такие же большеглазые и чернобровые, как у отца, смотрели в упор с доверчивостью и добродушием. «Сыновья», – подумал Максим.

Юноши были в обычной красноармейской форме: гимнастерка со стоячим воротником, погоны, широкий ремень. За годы войны на фронте Максим встречался с тысячами таких людей. Он понял, что они не одногодки и боевая судьба у них тоже была неодинаковой. Старшему пришлось горше, тяжелее. Глаза его были полны страдания. «Этот видел и смерть и ужасы войны, и путь его по военной дороге был нелегким», – подумал Максим.

Вошел хозяин.

– Не желаете в баню сходить? Воды и пару на десятерых хватит. Баня у нас новая, чистая, – добавил он, видя нерешительность Максима.

Вначале Максим хотел отказаться, но, вспомнив, что торопиться ему сегодня некуда, а в деревенской бане он не был уже лет пятнадцать, согласился.

– Идите. Шофер уже в бане.

– Это ваши сыновья? – спросил Максим, кивнув на портреты.

– Да. Этот старший – Семен. Всю войну от начала до конца прошел. Танкист. Герой Советского Союза. Три дня до победы не дожил.

– Боевая у вас семья!

– Да я и сам послужил!.. В Первую мировую три года, в Гражданскую три года и два года в Великую Отечественную!

– Сколько же вам лет?

– Пятьдесят два года.

– Афанасий, приглашай гостя в баню, – послышался голос хозяйки.

– Идем, Саня, идем. А вы, видать, тоже немало послужили? – взглядывая на орденские ленточки на кителе Максима, спросил хозяин.

– Было, все было, – отозвался Максим...

Когда Максим через час вместе с шофером вернулся в дом, на столе, накрытом свежей белой скатертью, шумел медный самовар. От вареной картошки в эмалированной глубокой миске шел вкусный парок. На тарелках – соленые грузди и рыжики, огурцы, помидоры, и такие на вид свежие, словно только что снятые с грядки. На концах стола – два пузатых стеклянных графина.

Один, темно-вишневый, графин не озадачил Максима. Там была водка, настоенная на сушеной черной смородине. Но что было в другом? Даже на взгляд чувствовалось, что эта золотисто-прозрачная жидкость плотнее и тяжелее, чем настойка.

«Заехали просто переночевать, а стали гостями», – мелькнуло в голове Максима, и он тут же вспомнил Европу, где провел два с половиной года. Там он видел жизнь многих народов. Он мог бы немало рассказать о гостеприимстве трудовых людей, которых встречал на берегах Дуная, Вислы, Одера. Но тут было русское гостеприимство, свое, родное. Оно трогало и по особому западало в душу.

Когда хозяин с хозяйкой начали приглашать Максима и шофера за стол, Максим сказал: – Вы нас встречаете как гостей. Давайте познакомимся. Иначе как-то неудобно. Меня зовут Максимом Матвеевичем. А вас?

– Фамилия наша Чернышевы. Жену мою зовут Александрой, а по батюшке Степановной, а меня Афанасием Федотычем, – ответил хозяин.

Потом представился шофер, назвавшийся Федей.

Знакомство дало повод для первого тоста. Выпили с воодушевлением все, что было налито в рюмки.

– Закусывайте, пожалуйста, хорошенько, – угощала хозяйка. – Люди мы лесные, у нас поэтому и пища лесная. А вы, Максим Матвейч, в грибочки-то подлейте кедрового масла, у них сразу вкус другой будет...

Александра Степановна подала Максиму тяжелый графин. «Так вот это что! Кедровое масло!» – вдруг обрадованно подумал Максим.

– У вас что же, маслобойка в селе? – с интересом спросил он, наливая в свою тарелку масло и любуясь его янтарной прозрачностью. Казалось, что масло было пронизано солнечным светом.

– В том-то и дело, что маслобойки нет. Кедровников много, и ореха собираем немало, а маслобойку построить не можем. Это масло я простым жимом в кадке отжал.

По тому, с какой горячностью все это сказал Чернышев, Максим почувствовал, что для хозяина этот вопрос был, как говорят, «наболевшим».

– Возможно, нерентабельно маслобойку строить? – осторожно усомнился Максим.

– У безруких людей все нерентабельно! – воскликнул Чернышев. – Дело это верное и доходное, да только начальство у нас в районе нерасторопное. Посудите сами: при среднем урожае в наших кедровниках можно шутя собрать полторы-две тысячи тонн ореха. Даже при простом отжиме каждая тонна худо-бедно дает пять-шесть пудов первосортного масла.

– И то в разум возьмите, – вступила в разговор хозяйка, – растет себе кедр, и ни корма, ни поила ему не надо. Одну чистую пользу людям приносит! Уж не благородное ли растение?!

– Да разве богатство только в орехе? – опять заговорил Чернышев. – А само дерево? Ему же цены нет! Кедр хорошо клеится, полируется, спиртуется, гнется. Саня, – вдруг обратился Чернышев к жене, – принеси из кладовой образцы, покажем товарищам.

– Потом, Афанасий, после чаю, – попыталась удержать мужа хозяйка.

– Принесите, пожалуйста, сейчас, – попросил Максим.

Александра Степановна вышла и быстро вернулась с большой корзиной, наполненной полуметровыми чурочками толщиной в десять – пятнадцать сантиметров.

Чернышев придвинул корзину к себе. Вынимая чурочки, он пояснял:

– Вот смотрите, дорогие товарищи: это кедр, склеенный с березой. Чем хуже дуба? Мебель из таких сортов до Москвы бы дошла. А это кедр, проспиртованный на горячих парах. Крепостью не уступит самшиту. А вот гнутый кедр после распаривания в кипятке. Это полированный кедр. Это кедр в лаке. Не дерево, а настоящий король лесов! – поблескивая черными глазами, воскликнул хозяин.

Максим внимательно осмотрел куски дерева и, сложив их в корзину, спросил:

– Вы что же, для себя эти образцы изготовили?

– Давно лесами интересуюсь. От родителя это пошло. Он у меня по столярному делу был большой мастер. Я, правда, по-настоящему этого дела не постиг, а леса полюбил. Двадцатый год лесообъездчиком здесь служу.

– Они тут с директором леспромхоза хотели столярные мастерские развернуть, да получили по носу, – со смешком вставила Александра Степановна.

– Ты подожди, Саня, не забегай, я все по порядку сам расскажу. Вы случайно не знаете Воскобойникова Петра Петровича? – обратился Чернышев к Максиму. – Нет? Это директор нашего леспромхоза. Он тоже к лесам равнодушный человек, вроде меня.

Задумали мы с ним организовать при леспромхозе цех деревообработки. Он написал в область подробную докладную записку, а мне поручил подготовить комплект образцов дерева. Материалы – спирт, лак, клей – Воскобойников выписал в достатке. Через недельку-другую я подготовил все образцы, мы сколотили ящик, упаковали их и отправили в область. С месяца из треста не было никакого ответа. Вдруг как-то раз встречаю Петра Петровича. Вижу, приуныл он. «Ну, говорит, Афанасий, и дали же мне за твои образцы!.. Получил, говорит, такой нагоняй, что в другой раз об этом деле писать не захочешь». Вытаскивает он из кармана конверт, подает мне бумагу, говорит: «Читай!» Читаю я: «Ваш леспромхоз не всегда выполняет государственный план по основным видам работы, а вы, вместо того чтобы лучше руководить хозяйством, занимаетесь ерундой. Создавать цех деревообработки в леспромхозе “Горный” нецелесообразно уже по одному тому, что нет путей сообщения. Присланные образцы строительного материала будут использованы на выставке треста, организуемой к областной партийной конференции».

– Значит, образцы все-таки не пропали зря! – засмеялся Максим.

– Как видите. После этого случая советовал я Петру Петровичу написать в министерство, но он заколебался. «Мне, говорит, неудобно, я все-таки человек, подчиненный тресту, и должен выполнять его указания». Я написал письмо в Притаежное секретарю райкома. Но, по правде сказать, доброго ничего не жду. В районе у нас только и разговоров: «Лен, лен!» Будто на нашей территории других богатств нету!

– Ну а как дела в леспромхозе?

– Помогает государство! Давно ли война кончилась, а они уже тракторов, электрических пил наполучали, узкоколейную дорогу по участкам сейчас прокладывают. Воскобойников шутит: «Мы, говорит, коммунистический остров в таежном океане». И правда! В леспромхоз приедешь, как в другое государство: электрический свет, автомобили, радио. А только и им нелегко работать в таежном океане. Чуть за леспромхоз выйдешь – и утонул в бездорожье. Может быть, вы там близко к областному начальству, так похлопотали бы за наш район. Хоть и числится он в газете по сводкам на первом месте, а богатства его еще не тронуты.

Чернышев с большим увлечением начал рассказывать о запасах древесины, о пушных богатствах тайги, о неиспользованных промысловых угодьях. Знал он все это хорошо, не раз, по-видимому, про себя подсчитывал, какой доход получит район, если его богатства разумно направить на пользу людей.

– А что, Афанасий Федотыч, вы могли бы все свои соображения изложить на бумаге? – выслушав Чернышева до конца, спросил Максим.

– Писал я уже райкому. Две ученические тетради на свои ученые труды затратил, – не без иронии сказал Чернышев.

– Напишите еще раз. Теперь уже для обкома.

– Для обкома партии?

– Да.

Утром Максим отправился на лесоучастки. Вместо двух-трех дней он прожил в Веселом больше недели.

Глава вторая

1

Мареевка стоит на крутом берегу реки. По всему Улуюльскому краю нет яра выше Мареевского. Осенью, в малую воду, когда река обмелеет и на перекатах выступят островки и песчаные косы, от основания яра до его верхней кромки так высоко, что, взглянешь туда – шапка с головы упадет. Голубовато-серая стена с красно-бурой прослойкой возвышается над рекой, как бастион, преграждая путь резким, дующим откуда-то из заречья ветрам.

С яра хорошо виден весь прямой плес, от верхнего изгиба реки до ее нижнего крутого поворота. Пароход ли, катер ли появится или рыбак на лодке выплывет – мареевцы вмиг их заметят. Люди в лодке будут еще целый час подбираться к пристани, преодолевая страшные круговороты и заводи с обратным течением, а мареевцы опознают уже путников и, усевшись на бревнах, в неторопливых разговорах станут поджидать их.

Яр – излюбленное место мареевцев. С утра до ночи здесь то ребяташки, то молодежь, то пожилые охотники и рыбаки. Недреманным оком смотрит Мареевка с этого высокого яра на обширный Улуюльский таежный край...

Воскресенье. Утро. Река не шелохнется. Кажется, что покой сковал ее воды и они не текут больше. Улицы Мареевки, протянувшиеся вдоль реки, пустынные, а на яру уже людно.

У самого обрыва на бревнах сидит парень с гармонью в руках. На нем поношенные, полинявшие солдатские брюки и гимнастерка. Большие узластые ноги босы. Он не спеша разводит мехи, гибкие пальцы его скользят по белому глянцу ладов, по голубоватым перламутровым пуговкам басов. Спеть бы!

Да, хорошо бы спеть:

О чем ты тоскуешь, товарищ моряк,
Гармонь твоя стонет и плачет.

Но спеть он не может – нет голоса. На войне парень был контужен, и с тех пор не возвращается к нему дар речи. Эх, разве заменит гармонь живой голос?! Но все-таки...

Парень склоняется к гармонии, пальцы его напряжены, лицо сосредоточенно; весь его вид таков, словно он хочет, чтоб гармонь заговорила вместо него человеческим голосом: «Ну говори же, говори!» Нет! Звенит гармонь, рассыпает над рекой топкие, прозрачные переборы, а заговорить словами не может.

Звуки гармонии разносятся по деревне, волнуют кровь в молодых сердцах. На берег торопятся двое парней. На них шевиотовые костюмы, желтые штиблеты, вышитые рубашки, всю войну пролежавшие в сундуках.

– Привет, дружище Станислав! – говорят парни гармонисту.

Гармонист сжимает мехи, кивком отвечает на приветствие парней. Ветерок, долетающий с просторов луга, шевелит рыжий чуб на крупной голове Станислава.

– Ты что ж не на пасеке? – спрашивает гармониста один из парней.

Тот снимает руку с перламутровых пуговок басов, ожесточенно трет ладонью мясистое, в бронзовых конопатинках, вспотевшее от напряжения лицо.

– А, ясно – приходил в баню! – догадываются парни и садятся на бревна рядом с гармонистом.

– Сыграй-ка нам про матроса, который тоскует по милой. Мы подпоем, – просят парни.

Гармонист согласно моргает глазами, трогает гармонь, и она выводит мелодию, полную тоски и гнева. Парни, обнявшись, поют. Один – солидным баритоном, другой – звонким, как колокольчик, тенорком.

Нет, не усидеть на месте от такой песни, будь хоть по горло завален работой! Не проходит и получаса, а на яру уже пестреет толпа. Станислав окружен плотной стеной ребятишек и молодежи. По лбу его скатываются крупные капли пота, и пальцы, немея от усталости, извлекают неверные звуки.

– Спасибо тебе, Станислав, за почин! Отдыхай! На смену пришли новые гармонисты.

В разгар пения кто-то вспомнил:

– Жалко нету Ули Лисицыной. Без нее наш хор, как птичий мир без соловья!

– Послать бы за ней кого-нибудь из ребятишек.

– Сама прибежит.

И опять над рекой слышится дружное пение, перекрывающее все звуки, живущие сейчас под солнцем: шелест речных вод, трели жаворонков, свист ветра под крыльями птицы, жужжание шмелей.

Песня уносится вдаль, к становьям рыбаков и охотников, приютившимся по берегам озер, рек, ручьев неохватного взором Улуюлья.

Вдруг слышится громкий возглас:

– Стой, ребята! Чудо!

Обрывается песня на полуслове, гармонист снимает пальцы с ладов, не дотянув такта. Все озадаченно смотрят друг на друга, озираются. Первые мгновенья никто ничего не понимает. Потом все поворачиваются к реке.

По ступенькам на яр подымается высокий костистый старик. Ветерок играет его длинной седой бородой, ворошит кудрявые волосы. В руке у старика посох. Он так отполирован, что отливает блеском, будто покрыт лаком. Видно, немало походил с ним старик по белому свету. Одежда на старике не новая, но и не ветхая: сапоги с длинными голенищами, просторные черные брюки, синяя сатиновая рубашка под пояском. Голова ничем не покрыта. За плечами котомка с легкой поклажей. Старик не мареевский. Но откуда он взялся? Не было еще случая, чтоб мареевцы просмотрели кого-нибудь на реке. Истинное чудо!

– Уж не с неба ли он свалился?

– С лодкой?

– Лодка для отвода глаз.

– А может быть, это, ребята, водяной черт?

– Все возможно. Вышел, вишь, обсушиться!

Живут в Мареевке фантазеры, сочинители. Подвернись им только подходящий случай! Они столько навыдумывают, что люди потом годы будут биться над тем, где правда.

А старик поднимался по ступенькам все выше и выше. Вот он остановился, перевел дух, взглянул на реку, на яр, потом поднял голову и посмотрел на толпу.

– Ты откуда, дедушка, к нам прибыл? – перебивая друг друга, бросились к старику мареевцы.

Он слегка наклонил голову, спокойно, с торжественностью в голосе сказал:

– Здравствуйте, добрые люди!

– Ты кто? Ты откуда, дедушка, взялся? – начали опять спрашивать со всех сторон.

Старик поднял худую, испещренную жилами руку, как бы призывая людей к спокойствию. Он тяжело дышал. Грудь его высоко вздымалась, в горле булькало и хрипело. Он смотрел на деревню, щуя глаза, будто припоминая что-то.

– А что, Семен Лисицын живой? – спросил старик.

– Хватился! Его и кости давным-давно уже сгнили, – ответили из толпы.

– А сын живой?

– Живой Михайла. Вон его дом.

Старик пошел напрямик через поляну. Люди отстали, рассыпались по берегу. «Какой-то приятель Лисицыных. Их видимо-невидимо у Михайлы», – решили мареевцы.

2

Когда старик вошел в дом Лисицыных, Ульяна сидела в горнице перед зеркалом и расчесывала длинные русые волосы.

– Мир дому сему и благоденствие! – напевно произнес он сильным, густым голосом.

Ульяна от неожиданности вздрогнула, вскочила, кинулась в прихожую. Старик показался ей до того старым и дряхлым, что Ульяне стало страшно. Но она быстро овладела собой и, заметив, что вид у него крайне утомленный, схватила из угла табуретку и пододвинула к нему.

– Спасибо тебе, дочка. Водички бы еще ковш испить, – опускаясь на табуретку, попросил старик.

Ульяна вышла в сени и принесла воду. Старик пил жадно, но не спеша.

– А Михайла-то дома, голубушка? – возвращая блестящий, из облуженной жести ковш, спросил старик.

– Он, дедушка, вместе с мамой поутру на озера сети смотреть ушел. К обеду вернется.

Ульяна решила, что старик немного отдохнет, подымеется и уйдет, но тот, помолчав, сказал:

– Ты позволь мне, голубушка, прилечь на лавку. В сон меня что-то клонит.

– Лучше вот сюда, дедушка, тут удобнее, – показала Ульяна на отцову деревянную кровать, стоявшую в углу.

Старик встал, бережно поставил у стены свой посох и стащил сапоги, наступая ногой на ногу. Котомку он положил в изголовье, за подушку.

Ульяна ушла в горницу, села опять перед зеркалом, и пальцы ее замелькали в прядях волос.

До нее доносилось прерывистое, тяжелое дыхание чужого человека. Оттого, что она была в доме одна с незнакомым стариком, ей стало жутко. Она открыла окно, чтобы позвать кого-нибудь из девушек. На улице было пусто. Все ушли на яр, где час от часу становилось многолюднее и веселее.

Лишь напротив дома Лисицыных на лавочке, шелкая кедровые орехи, сидел немой Станислав. Увидев Ульяну, он расплылся в улыбке, поднялся, пошел к ней. Дойдя до окна, он остановился, приложил руку к сердцу и долго кланялся. Ульяна смущенно смеялась. «Вот еще кавалер сыскался! Липнет, как муха к меду. Скажи спасибо, что ты на Отечественной войне пострадал, а то бы в два счета тебя отшила», – думала Ульяна.

Станислав поднял указательный палец и сверкнул круглыми зеленоватыми глазами, похожими на недозревший крыжовник. Девушка поняла, что он спрашивает – одна ли она.

– Нет, нет, Станислав, не одна. Какой-то старик тятю ждет.

Станислав присвистнул. Что это значило, Ульяна не поняла. Потом немой ткнул себя пальцем в грудь, кивнул на ворота. Он просил разрешения войти в дом.

– Ко мне подруги скоро соберутся. Мы читать, Станислав, будем, – сказала Ульяна.

Станислав принялся опять учтиво кланяться: коли так, мол, извини, девушка. Но как только Ульяна отошла от окна, он навалился на подоконник локтями и чуть не до пояса влез в горницу. В раскрытую дверь Станиславу хорошо было видно деревянную кровать, морщинистое, заросшее седыми волосами лицо старика. Он лежал на боку, весь сжавшись, и казался теперь маленьким, как подросток.

– Он что тебе, Станислав, знакомый? – спросила Ульяна.

Глаза немого еще больше округлились, рыжие усы встопорщились щеткой, и он засмеялся, отчаянно мотая головой.

– Нет? Ну, тогда закрой окно с той стороны, – озорно блеснув голубыми сторожкими глазами, пошутила Ульяна.

Станислав оскалил зубы, не то улыбаясь, не то злясь, нехотя попятился, но от окна не уходил. Ульяна решила не обращать на него внимания, села за стол, раскрыла книгу. Немой стоял и неотрывно смотрел на старика. «Постоит и уйдет», – подумала Ульяна и принялась за чтение.

Минуту спустя в окно ворвался говор и звонкий смех. Из проулка вышла толпа девушек и парней. Ульяна кинулась к окну, а Станислав заспешил через улицу к дому пасечника Платона Золотарева, у которого он квартировал с того самого дня, когда появился в Мареевке с предписанием от военного госпиталя поселиться в тиши и быть всегда на природе.

О приходе к Лисицыным неизвестного старика товарищи Ульяны уже знали, и никто на него не обращал внимания. Они окружили стол, застланный белой скатертью, и принялись за чтение. Это были участники драматического кружка мареевского клуба. Вскоре далекая и трудная жизнь молодой женщины Катерины, оказавшейся в темном царстве Кабанихи, захватила всех. Голос Ульяны местами то дрожал, то звенел, наливаясь гневной силой.

Пока читали пьесу, Ульяна забыла о старике, но, когда кружковцы ушли, она направилась к кровати, намереваясь предложить старику поест. «Гляди, еще какой-нибудь дружок тятин. Будет потом меня за непочтительность к его гостям корить», – подумала Ульяна. Но старик лежал с закрытыми глазами, и дыхание его было тихим и ровным, как у младенца. «Уж раз спит, беспокоить не стану», – решила девушка и вернулась в горницу. Она достала из ящика полотенце, вынула из корзиночки цветные нитки и хотела заняться вышивкой. Но послышался стук калитки, и, взглянув в окно, Ульяна увидела мать и отца. Она отложила рукоделие и бесшумно выскользнула во двор.

Девушка увела родителей под навес и рассказала о появлении незнакомого гостя. Все трое заспешили в дом, но на крыльце Михаил Семенович остановил жену и дочь.

– Вы подождите тут. Я тихонько один зайду, посмотрю на него, пока он не проснулся.

Когда Михаил Семенович на цыпочках вошел в дом, старик уже сидел на лавке и расчесывал пальцами седые кудрявые волосы. «Нет, я его не знаю», – пронеслось в голове Лисицына.

– Здравствуйте-ка! – негромко сказал он.

– Здравствуй, здравствуй, голубь. А ведь это, пожалуй, Михаил Семеныч! – воскликнул старик, присматриваясь к Лисицыну.

Михаил Семенович молчал.

– Не узнаешь? А ну-ка, припомни, кто тебя ружейному делу обучал?

Лисицын подошел к старику ближе, вгляделся в его лицо и, отступая на шаг, неуверенно произнес:

– Неужели живой? Столько лет!.. Дядя Марей! Отец родной!

Лисицын схватил руку старика и долго тряс ее. Потом он бросился на крыльцо, где ждали его жена и дочь.

– Бабы! – крикнул он, вылетая из сеней. – Знаете, кто это?! Каторжанин Марей Добролетов. Живой! С него и наша Мареевка началась.

– Батюшки! Что же будет? – всплеснула руками Арина Васильевна, не зная еще, как отнестись к этому известию.

– А то будет, что рыбу надо скорее жарить да за вином в сельпо бежать! – выпалил Михаил Семенович.

Глава третья

1

Рыжая лошадь с подобранным в узел хвостом была забрызгана грязью от копыт до ушей. С шершавых, впалых боков падали на землю хлопья желтой пены. Большие выпуклые глаза глядели безразлично и тупо. Лошадь изнемогала от голода и усталости.

Изнемогал и Алексей Краюхин. Ныли руки и плечи. Поясница одеревенела. Голова была мучительно тяжелой, болела шея. Ноги затекли, потеряли чувствительность. Алексей то и дело поднимался на стременах, менял положение тела, но усталость угнетала, как непосильная поклажа.

Уже несколько раз, завидев впереди бугорок, поросший молодым лесом, или полянку, покрытую ранней зеленью, Алексей собирался сделать остановку, но стоило ему доехать до этого места, нетерпение еще сильнее охватывало его, и он настойчиво понукал лошадь.

Вчера под вечер, возвратясь домой, он нашел на столе записку, неведомо каким способом доставленную из глубины тайги. На истерзанном клочке бумаги не то обожженной спичкой, не то огрызком карандаша Михаил Семенович Лисицын писал:

«Алексей Корнеич! Вода на Таежной сильно спала. Берег у реки обвалился. Красный слой земли с черными прожилками, о котором ты толковал мне, вышел наружу. Приезжай сам, посмотри. Торопись. А то вода скоро хлынет и может замывать, и тогда придется тебе много поворочать землицы. Коня оставишь на пасеке колхоза «Сибирский партизан». На стан проведет тебя Платон Золотарев».

Алексей перечитал записку и заспешил к матери на кухню.

– Мама, кто эту записку принес?

– Была воткнута в замок. Я уходила к соседке.

– Удивительно! Это от дяди Миши из Мареевки.

– Может, сорока на хвосте принесла? Говорят, Лисицын птиц обучать умеет, – засмеялась мать.

Но Алексей на шутку не отозвался, и, обеспокоенно взглянув на него, мать серьезно сказала:

– Видать, кто-то из тех мест в район ехал, ну, попутно и завез. Да мало ли тебе со всего района писем да разных находок посылают? На прошлой неделе так же было: прихожу – на крылечке стоит ящичек с голубой глиной. Где только и отыскивали такую! А ты садись, Алеша, кушай, щи совсем простынут.

Но Алексею было не до еды. Он ушел в свою комнату, взял со стола записку и еще раз перечитал ее. Да! Случай выпал редкий. Такое действительно могло произойти один раз в десятки лет. Уровень воды в Таежной всегда держался высоко. Нынче сток снеговых вод из-за поздних морозов задержался. Берег, свежееобнаженный, да еще в самом необходимом месте, мог поведать Алексею много интересного. И все это без затраты сил и времени на пробивку шурфов!

– Мама, собери мне в мешок припасов дня на четыре. Я поеду в тайгу, – сказал Алексей, появляясь опять на кухне.

– Тебе же райком в Мареевку велел ехать, агитировать.

– Туда еще успею, мама, а Таежная ждать не станет.

Мать остановилась с чашкой в руках, посоветовала:

– Вечер, Алеша, скоро, а в логах сейчас разлив. Ты уж утром бы и отправился. Я разбужу тебя на заре.

Поставив чашку на стол, она села рядом с Алексеем. Обжигаясь щами, он рассказал ей, почему спешит.

Мать смутно разбиралась в делах, которые занимали ее сына. Но она знала, что Алексей продолжает то, что начато было еще его отцом. Дело это значительное и нужное всем людям.

– Смотри сам, Алеша. Пока ты за конем сходишь, я тем часом тебе припас приготовлю. Ружье возьми...

– Обязательно! Как же в тайге без ружья?

«Только бы успеть!.. Успеть бы! Успеть!..» – неустанно думал Алексей.

В середине дня он свернул с проселка на пасеку. Тропа тянулась по густым кедрачам. Огромные мохнатые деревья закрывали небо. Даже в разгар ясного дня здесь стояли сумерки. Макушки кедров поднимались до высоты птичьего полета, а там и в солнечную погоду не переставали бесноваться ветровые потоки. Они задевали за вершины деревьев и раскачивали их.

Оттого, что шумели только макушки, а на земле между стволов было тихо, кедровник чем-то напоминал теплый дом в пору, когда за стеной бушует злая непогода.

Увидев, что тропа сделала крутую петлю вокруг лесного завала и побежала с холма в ложину, поросшую осинником, Алексей натянул поводья. В кедровнике было сухо, а тут опять зачавкала под копытами грязь, конь начал спотыкаться о кочки и колодины.

Путь близился к концу. Алексей знал, что за осинником начнутся гари, а потом пойдут уютные полянки с зарослями черемухи и калины. Отсюда до пасеки двести – триста шагов.

«Если дядя Миша обосновался на стане у Теплого ручья, то рано утром я буду у него», – думал Алексей.

Быстро смеркалось. Солнце скатилось в лес, и на небе догорали его последние отблески. Посвистывая крыльями, пронесли над тайгой утки. В пихтовой чащобе заухал филин – там, под покровом нескольких слоев густых и пушистых веток, было уже темно, как ночью.

Алексей спустился в лог. Конь, похрапывая и вздрагивая, перебрел через глубокий каменистый ручей. Алексей вытер ладонью вспотевший лоб. Ручей был последним серьезным препятствием, и к счастью, воды оказалось в нем меньше, чем он ожидал.

Темнота настигла его за логом, в осиннике. Тропа затерялась в жухлой прошлогодней траве. Алексей опустил поводья и доверился чутью коня. Конь пошел медленнее, как будто нащупывая тропу.

Вдруг пламя полыхнуло у самых глаз Алексея. Сухой, короткий звук выстрела взорвал тишину. Тайга заколыхалась, задрожала от протяжных перекатов эха. Конь осел на задние ноги, судорожно захрипел и тяжело рухнул, подминая бурьян. Алексей выпрыгнул из седла, испуганно закричал:

– Осторожно! Здесь люди!

Мгновенно все происшедшее представилось ему так: охотники преследовали медведя. Зверь выбежал на тропу и наткнулся на человека. В чаще осинника зверю некуда было деваться, и он повернул назад. Охотники не упустили случая и выстрелили.

Прошла минута. Эхо отгрохотало и затихло. Конь два-три раза ударил копытами о колоду и замер. Цепenea от страха, Алексей крикнул дрожащим голосом:

– Эй, кто тут есть?!

Никто не отзывался.

Алексей долго стоял не шевелясь. Потом осторожно шагнул три шага и наткнулся на коня. Ни одного звука не издавала тайга, погружаясь в непроглядную тьму весенней ночи.

Алексей стало не по себе. Чутьем угадывая, где тропа, он заторопился от убитого коня прочь, на ходу снимая из-за спины ружье. Валежина преградила ему путь. Он зацепился за нее сапогом, упал, чувствуя, как из царапины на щеке потекла кровь.

Поднявшись, он постоял, прислушиваясь, нет ли за ним погони, и когда пошел дальше, то с первых же шагов понял, что сбился с тропы.

Алексей принялся искать тропу, нагибался к земле, приглядывался.

Сколько времени он так бродил по лесу, Алексей не знал. Ноги у него гудели, подламывались в коленях. Пасека, по-видимому, осталась где-то в стороне.

Острое чувство одиночества охватило Алексея. Он поднял ружье и выстрелил вверх. Если есть поблизости живые люди, они откликнутся. Выстрел ночью в тайге – это сигнал бедствия.

Когда эхо умолкло, Алексей подставил ухо ветру и стал слушать. Никто не откликнулся. Вот хрустнул где-то сучок, встревоженный выстрелом зверек ринулся в новое убежище. Вот прошумела в воздухе сова: выстрел спугнул ее на один только миг раньше броска на прикорнувшего в ветках березы рябчика. И снова все стихло.

Алексей переждал несколько минут и выстрелил еще раз. «Что ж они молчат?! Должны же откликнуться!» – ожесточенно думал он.

Все повторилось сызнова: раскаты эха, беспокойные шорохи зверей и птиц, шум ветерка над вершинами деревьев...

Но вот где-то раздался ответный выстрел и залаляли собаки. Их лай доносился до Алексея слабым, едва уловимым отзвуком, словно проникал откуда-то из-под земли. Возможно, что собаки лаяли на пасеке. Алексею казалось, что она должна находиться рядом, а по звуку, который еле-еле долетал до него, пасека лежала далеко к северу. Но раздумывать было некогда, надо спешить, пока лай собак мог послужить ориентиром.

2

Наконец вызвездило. Алексей поднял голову и долго смотрел на небо. Была середина ночи. Он стоял среди высоких кочек, скрывавших его с головой. Густой лес с завалами и непроходимыми чащобами остался где-то позади. Редкие деревья в кочкарнике были малорослыми и чахлыми. «В Березовое болото затесался. Придется, как цапле, ночь на кочке коротать», – подумал Алексей, вытирая рукавом брезентовой куртки вспотевшее лицо. Он ощупал кочку, покрытую сухой осокой, и, подпрыгнув, сел на нее, балансируя ногами, чтобы не свалиться.

«До рассвета далеко, сидеть придется долго», – подумал он. Ему припомнилось, как перед наступлением в Восточной Пруссии разведке пролежал он в болоте трое суток. Теперь ему предстояло переждать несколько часов. «Пустьяки! Скоротаю!» – мысленно подбодрил он себя.

Алексей достал портсигар и закурил. Снова все пережитое в этот вечер вспомнилось шаг за шагом. «В осиннике зря поторопился. Надо было не бежать куда глаза глядят, а бросаться туда, откуда стреляли», – упрекал он себя. Но второй голос возразил: «Не храбрись. Лежал бы теперь рядом с конем». Но вот это-то и не укладывалось в сознании Алексея. Ему не верилось, что кто-то мог стрелять в него. Охотники, рыбаки, пасечники, земледельцы Улуюльского края знали его самого, знали его отца, и он был убежден, что среди них не было человека, который не хотел бы ему добра.

Он докурил папиросу, выплюнул окурок и решил разжечь на соседней кочке костер. Не просохший еще у корневища бурьян горел плохо, дымил. Алексей закрыл глаза и задремал.

Очнулся он от крика. Ему снилось, что Лисицын ругает его за езду ночью и гибель коня. В действительности кричала ворона. Она сидела на вершине сухой, оголившейся ели и каркала изо всех сил.

Алексей всунул два пальца в рот и с остервенением свистнул. Ворона сорвалась с ели и, каркая, полетела к лесу.

Рассветало. Под утро посвежело. Алексей спрыгнул с кочки, замахал руками, стараясь согнать холодок, ползавший по спине.

Когда стало светло, Алексей вытащил из кармана брезентовой куртки компас, встряхнул его и, положив на ладонь, стал следить за стрелкой. Она затрепетала, двинулась влево-вправо и замерла.

Алексей от удивления протянул вслух: «Ой-ёё!» Оказалось, что он находился северо-западнее пасеки по меньшей мере километров на пять. Чтобы выйти из болота, волей-неволей надо было взять еще западнее, выбраться на поля мареевского колхоза и, сделав большой крюк, вернуться к пасеке.

Алексей достал из армейского вещевого мешка хлеб, сало, закусил и потом пустился в путь.

Идти было трудно. Алексей прыгал по кочкам, как заяц. В одном месте он сорвался и провалился в яму, наполненную водой. Он выкупался бы до пояса, если б не схватился за куст жимолости. Но тяжелый путь был недолгим. Впереди в прощелине леса заблестела стеклянная гладь воды. Это показалась западная вершина Орлиного озера. Здесь местность менялась. Карликовый, чахлый лес становился крупнее, кочки редели, отступали, и сухие полянки с бугорками переходили в лесистые гривы.

Вскоре Алексей увидел раскорчеванные поляны и свежеперепаханные поля. Отсюда до берегов реки Большой, пересекавшей Улуюльский край с юга на север, оставалось километров десять. Однако подвигаться к западу было незачем. Алексей повернул на юго-восток. Ему нужно было отыскать тропу, с которой он вчера сбился, и по ней идти до самой пасеки.

Неподалеку послышался людской говор, звон топора и смех. «Вот кто на мои выстрелы откликался», – подумал Алексей. Он раздвинул руками густые заросли молодого пихтача, с трудом протиснулся между упругих, пахнущих смолой веток и вышел на ровную площадку. Рыжая мохнатая собачонка с пушистым хвостом кинулась на него с залиvistым лаем. В сотне метров от пихтовой чащи трое людей вертели всунутый в треногу шест бура. Не обращая внимания на иступленный лай собачонки, Алексей подошел к работавшим, поздоровался. Люди прекратили работу и с любопытством осмотрели его.

– А вы кто будете? – спросил Алексея старик, возглавлявший эту небольшую артель.

Остальные двое были в том неопределенном возрасте, когда человека нельзя уже назвать подростком и несправедливо еще причислять к парням. Они смущенно переглянулись. Прямой вопрос старика почему-то казался им не совсем уместным. «По-видимому, знают меня», – отметил про себя Алексей и, взглянув на старика, продолжавшего с любопытством осматривать его, сказал:

– Я из Притаежного, учитель Краюхин.

– А Корней Алексеевич Краюхин вам не родня был? – спросил старик.

– Я его сын.

– Вот оно что! – обрадованно воскликнул старик. – Корней Алексеевича я хорошо знал, охотился с ним много раз. Вот уж охотник был так охотник!.. А вы по какому делу в наши края?

Алексей решил пока умолчать об истинной причине, приведшей его сюда.

– На Орлином озере был. Карту Улуюльского края составляю. Надо было вершину Щучьей реки отыскать.

– Искал ее и я один раз любопытства ради. Да где ее найдешь?! Она вся, речка-то, какая-то непутевая. То выйдет из земли, то опять куда-то скроется. Одно слово – чудеса! – Старик широко развел руками.

– Мы тоже карту земель нашего колхоза составляем, как вы нам на районной комсомольской конференции советовали, – сказал один паренек, смущаясь и неловко переступая с ноги на ногу.

– Уж не потому ли вы бурение здесь начали, – спросил Алексей.

Выступая недавно на конференции в Притаежном, Алексей советовал комсомольцам заняться составлением краеведческих карт своей местности, наносить на них все интересные данные физико-экономического, геологического, этнографического, исторического характера. Чтобы преобразовывать свой край, надо прежде всего отлично знать его. А никто так не знает свою местность, как сам народ. Беда лишь в том, что зачастую эти знания, накапливаемые из поколения в поколение, утрачиваются и люди лишают себя таких ценных открытий, которые приобретаются затем долгим, тяжелым трудом специалистов, – в этом Алексей был убежден.

– Видишь ли, Корнеич, – переходя на задушевный тон, доверчиво проговорил старик, – колхоз наш решил вон на том бугре новый полевой стан построить. Эти молодые земли под лен у нас пойдут. – Старик легким взмахом руки описал полукруг, в середине которого оказались и те раскорчеванные земли, которые только что видел Алексей. – Ну а без воды, сам понимаешь, какой же полевой стан?

– Да вы не Дегов ли? – спросил Алексей.

– Он самый! – воскликнул старик, и широкое лицо его, обросшее густой окладистой бородкой, расплылось в довольной улыбке. – А как вы узнали меня?

– Портрет ваш в областной газете был. А когда вы о льне заговорили, я сразу понял: «Это он, Дегов Мирон Степанович!»

Дегов опять расплылся в улыбке. На днях Указом Президиума Верховного Совета СССР за высокие урожаи льна он был награжден орденом Ленина. Старик обычно был молчалив, но такая высокая оценка его заслуг государством взволновала его, и, при разговоре об этом, как он ни сдерживался, радость то и дело прорывалась и смягчала суровые черты его крупного лица.

На земле лежал раскинутый брезентовый плащ. Дегов пригласил Алексея присесть. Задерживаться не хотелось, но старик уже опустился на землю. Алексей сел рядом с ним, достал портсигар и, угостив всех папиросами, спросил:

– Не вы на мои выстрелы вечером откликались?

– Мы утром пришли. Ночевали на полевом стане, – с недоумением глядя на Алексея, сказал Дегов.

«Стало быть, кто-то другой мне сигналы подавал», – подумал Алексей и поспешно изменил тему разговора.

– Ну а как бурение? Нашли воду?

– Воды тут много, да не везде она близко. Пятый метр идем, а сухо.

– Попробуйте побурить вот тут, где хвощ растет, – посоветовал Алексей.

Он собрался уже идти, но Дегов остановил его.

– А ты слышал, Корнеич, нашу мареевскую новость? Основатель нашей деревни каторжанин Марей Добролетов пришел...

– Неужели?... Да он разве не умер?

– Живой! С Михайлой Лисицыным на Таежную отправился. Пожалуй, за восемьдесят ему, а в памяти еще.

Алексей слышал о Марее от Лисицына. Тот часто рассказывал о нем, неизменно заключая свои рассказы одним и тем же: «Вот кого тебе, Алеша, порасспросить бы! Он все Улуюлье своими руками ощущал!»

«Да, все складывается так, что надо торопиться на Таежную», – подумал Алексей...

Когда до пасеки осталось не больше километра, начал моросить мелкий дождь. Алексей тревожно поглядывал на сумрачное, в тучах небо. «Все потеряно. Пойдет вода в Таежной на прибыль».

На пасеке его встретили пчеловод Платон Золотарев и сторож Станислав. Они никак не ждали Алексея. Ведь только вчера Станислав вернулся из Притаежного, куда он ездил верхом с запиской от Лисицына.

– Не ты ли, Алексей Корнейч, ночью из ружья палил? – здороваясь с Краюхиным за руку, спросил Золотарев, низкорослый плечистый мужчина с бельмом на глазу.

– Я, Платон Иванович. А кто откликнулся?

– Вон Stanisław услышал. Он днюет и ночует на дворе.

– Несчастье у меня, Платон Иванович, случилось.

– Что за несчастье? – поспешно опускаясь на дрова, спросил Золотарев.

Алексей рассказал о выстреле в осиннике, о гибели лошади, о своих блужданиях по тайге ночью.

Золотарев слушал его, по-бабьи всплескивая руками. Stanisław таращил глаза, крутил головой, пораженный всем, что говорил учитель. Золотарев напоил Алексея чаем, а потом они все трое пошли в осинник к месту происшествия. Ни звериных, ни людских следов они не обнаружили. Над убитой лошадей уже кружилось воронье.

3

Провести Алексея на стан Лисицына вызвался Stanisław. Золотарев спешно готовил подкормку для ослабевших за время зимней неволи пчел и не мог отлучиться с пасеки.

Путь к берегам Таежной лежал через тонн, кочкарник, зыбкие мхи и заросли ельника и пихтача. По прямой от пасеки до Тургайской гривы, на которой разместился стан Лисицына, было километров десять, а по тропе, в обход болота, в три-четыре раза больше. «Версты тут мерил черт кочергой, и тот со счету сбился», – смеясь, говаривал Лисицын.

Алексей ходил этим путем и раньше, но всегда с проводником. Шутить с болотом было опасно: зайдешь в трясину и не вернешься. Лучше бы всего запомнить дорогу. Но это было просто в лесу, где на каждом шагу могли быть приметы, здесь же дорога большей частью тянулась по чистому, безлесному мшанику. На мху следов от ног человека никаких не оставалось, и тропу надо было угадывать особым чутьем, выработать которое Алексей еще не успел.

Stanisław шел впереди. Он сильно размахивал руками, и шаги у него были широкие и легкие. Немой торопился, и это вполне совпадало с желаниями Алексея.

«Выходит, дружище, что не все желают тебе добра. Нет, не все! – раздумывал Алексей. – Есть люди, которым ты досадил чем-то очень жестоко. Уж если человек берется за ружье, если он стережет тебя на таежной тропе, если он, не страшась, стреляет в тебя – значит ты действительно ему враг смертельный. Но кто этот человек? Кто он?.. И за что он возненавидел тебя?»

Алексей припоминал всех знакомых, с которыми у него были на той или иной почве столкновения. Нет! Случаи, которые он вспоминал, были мелкие и могли вызвать неприязнь, но никак не ненависть. «Значит, что-то другое», – решил Алексей. «А может быть, кто-нибудь за отца мне мстит?» – спрашивал он себя. Он припоминал все, что знал об отце по рассказам матери и Лисицына. «Опять не то! Но что же все-таки?!» – ожесточался Алексей.

«Ошибка! Необыкновенный таежный случай! – хватался он за новую мысль. – Могло случиться так: охотник шел по лесу, его захватили сумерки, он торопился, страшась ночи. Вдруг впереди послышался хруст валежника и показались неясные в сумраке очертания крупного зверя, надвигающегося на него в полный рост. Оробевший охотник стреляет наугад. Вдруг слышится человеческий голос, и охотнику становится понятно, что он ошибся. Но выстрел сделан. Охотнику стыдно за свою горячность. Ясно, что он оробел, трусил. Конь уже упал замертво, человек еще жив, но и он, может быть, тоже доживает последние минуты. Охотник бросается прочь. Вокруг лес, безлюдье. Никто, ни один человек на свете не будет знать об этом происшествии. Пройдут годы, и забудется этот случай, утихнут укоры совести...»

Когда Stanisław остановился на сухом бугорке и присел отдохнуть, Алексей закурил и рассказал немому о своих предположениях.

Дослушав Алексея, Stanisлав вскочил и замотал головой. Вскинув руку, он описал круг, вытянул губы, надул щеки и открыл рот: «Пфа! пфа!»

Потом немой затопал ногами, изображая, что он бежит, поводя глазами то в одну сторону, то в другую, затем внезапно втянул сильную, мускулистую шею в плечи и удивленно развел руками.

Алексей без особого труда понимал жесты Stanisлава. То, что поведал сейчас немой, было крайне важным для Алексея. Оказывается, вчера перед вечером, когда солнце склонялось уже к закату, неподалеку от пасеки послышалась стрельба. Stanisлав бросился в лес, намереваясь привести людей, которые вздумали охотиться возле самой пасеки. Он осмотрел все ее окрестности, но никого не встретил. Люди скрылись неизвестно куда. Не от их ли руки пострадал конь Краюхина?..

– А Золотарев в это время на пасеке был? – спросил Алексей.

Stanisлав энергично закивал головой, потом жестами показал, что на поиски людей он, Stanisлав, и Платон бегали вместе: один налево, другой направо. Обойдя по полукругу, они сошлись у вершины Орлиного озера, напротив своей избушки.

Алексей докурил папиросу, поднялся, с ожесточением отбросил окурок в ручеек. Stanisлав понял это как сигнал: в путь! Он зашагал, мелькая перед Алексеем своим крепким рыжим затылком.

«Ах, как дрянно все сложилось! На сутки почти опоздал к дяде Мише, школу без коня оставил, – горько думал Алексей. – Успеть бы до прибыли воды! Успеть бы!.. А там... Коня как-нибудь куплю, вложу отпускные, продам костюм, пальто, займу в кассе взаимопомощи...»

4

Было еще совсем светло, когда Алексей и Stanisлав вышли из болота и оказались в густом сосняке. Самая трудная часть пути была пройдена. Теперь до стана Лисицына оставалось не больше трех километров. Стремительный был марш! Только на фронте Алексею приходилось совершать такие броски.

После прыжков через кочки, бега по зыбким мшаникам, переходов по гибким жердочкам через ямы с водой по ровной твердой земле идти было легко, и казалось, что ноги несут тебя сами.

В сосняке было сухо, пахло смолой. Хрустела под сапогами хвоя, поскрипывал песок у корневич вывороченных деревьев. Как ни устал Алексей, свежесть воздуха бодрила его.

К стану Лисицына приближались уже в потемках. Сквозь лес манящим ярким светом вспыхнул раз-другой огонек костра. «Ну, прибавь, прибавь, Stanisлав, шаг! На мое счастье, здесь дождя совсем не было, и Таежная, может быть, еще не поднялась», – думал Алексей. Он обогнал Stanisлава и пошел впереди.

Вдруг по-вечернему притихший лес огласился трелями соловья. Соловей свистел, чечекал, рассыпал дробь, щелкал. Алексей остановился. Никогда он не слышал, чтобы так рано прилетали в Сибирь соловьи, да еще пели в сосновом лесу.

Stanisлав тоже остановился. Он сдвинул поношенную военную фуражку на затылок и замер.

А соловей будто знал, что его слушают люди. Его пение то нарастало, то затихало, то снова взлетало выше деревьев, одно коленце сменялось другим, третьим, еще более сложным и красивым, а всем им не было счета. Алексей стоял, чувствуя, что у него нет сейчас сил сдвинуться с места.

Соловей умолк, неожиданно оборвав свои трели. С полминуты Алексей ждал: не возобновятся ли эти волшебные песни? Потом он пошел не спеша, все еще прислушиваясь, готовый

при первом звуке соловьиного голоса опять замереть на месте. Раздался громкий лай собаки. Она кинулась на Алексея и Станислава, но узнала их и виновато завизжала.

Когда лес расступился, Алексей увидел у костра старика. «Вот он какой, основатель Мареевки!» – догадался Алексей. Старик лежал на земле, и рослое тело его подковой огибало костер.

Алексей так увлеченно смотрел на старика, что не заметил Лисицына. А тот, заслышав приближение людей к своему стану, поднялся с земли и стоял в пяти шагах от костра в насто-роженной, выжидательной позе. Шапка-ушанка (он носил ее и зимой и летом) была сдвинута на ухо. Жидкая продолговатая борода всклокочена, маленькие пытливые глаза прищурены, худая и без того длинная шея вытянута.

– Я вас давно услышал, Алеша. Находка лежит не чует, а я слышу – сучки под ногами хрустят. Потом вы затихли, будто провалились куда-то, – сказал Лисицын, когда Алексей и Станислав вышли из леса и их осветило пламенем.

– Стояли, соловья слушали, дядя Миша. Рано они нынче прилетели!

– А как же, Алеша! Охотников-то надо кому-то веселить! – засмеялся Лисицын. – Чем они, к примеру, хуже других! Вон к куму Миرونу Степанычу Дегову гармонисты и плясуны из нашего клуба на поля приезжают.

«А слава Дегова все-таки задевает его», – отметил про себя Алексей, знавший о том, что Лисицын и Дегов многие годы прошли бок о бок: служили в одном полку в Первую мировую войну, вместе партизанили в лесах Улуюлья, издавна гостевали друг у друга семьями.

Алексей крепко пожал руку Лисицыну и направился к Марею. Старик встал.

– Здравствуй, сын мой, здравствуй, – задерживая руку Алексея в своей руке, с лаской в голосе сказал Марей.

– А ты знаешь, Алеша, кто этот человек? – спросил Лисицын.

– Знаю, дядя Миша. МIRON Степаныч Дегов сегодня рассказал мне.

– Дегов? А где ты с ним встретился, Алеша?

– На полях – воду ищет для нового стана.

– А ты с какой стати на поля к нему попал? – предчувствуя что-то неладное, спросил Лисицын.

Алексей тяжело опустился на сосновый кряж.

– Эх, дядя Миша!..

Марей и Лисицын сели рядом. Лисицын слушал Алексея, то и дело выразительно поглядывая на старика. Взгляд больших глаз Марея был спокоен, а морщинистое лицо непроницаемо. Станислав сидел у костра, сушил мокрую портянку. Ветер обдавал его едким дымом, и он щурился, смахивая ладонью проступавшие слезы.

– И я тебя, Алеша, не порадуя. Водичка с полдня пошла вверх. Уже бушует. Слышишь? – сказал Лисицын.

Еще вчера, выезжая из Притаежного, Алексей знал, что так может случиться, но слышать об этом было все-таки больно. «Какой случай упустил!.. Может быть, он никогда не повторится», – с огорчением подумал Алексей.

Все сидели, прислушиваясь к шуму реки, которая катила свои воды в ста шагах от костра.

– Валами пошла. Видать, в верховьях затор прорвало, – продолжал Лисицын, определявший, что делается на реке, по признакам, известным ему одному.

Алексей встал, торопливо направился к реке, но, не дойдя до нее, вернулся назад. Тальники уже затопило. Он опустился на прежнее место и увидел Ульяну. Она стояла с ружьем на плече и внимательно смотрела на Алексея. Когда глаза учителя встретились с ее глазами, она опустила голову и смущенно отступила за кедр.

– Ты что же, Уля, не здороваешься с гостями! Не часто они у нас бывают, – упрекнул ее Лисицын.

Ульяна вышла из-за кедра и, преодолевая мучительную застенчивость, которая появлялась всякий раз, стоило лишь поблизости оказаться Краюхину, направилась к огню. Станислав отбросил портянку и поспешно вытер о гимнастерку руки. Но Ульяна прошла мимо него к Алексею. Она неловко, не глядя, подала учителю руку и почти бегом кинулась в избу.

– Ах ты дикуша! – не то в похвалу, не то в порицание сказал Лисицын.

– Соловушка! – взглянув вслед Ульяне, воскликнул Марей и засмеялся. – Соловья-то, Алеша, соловья-то Уля изобразила!

Алексей взглянул на Станислава, помрачневшего оттого, что Ульяна обошла его.

– Ну ни за что бы не подумал! И где только она так научилась?

– Тятя, зовите чай пить! – приоткрыв дверь избушки, крикнула Ульяна.

– Пошли, мужики! – встал Лисицын. – Ты, Алеша, не кручинься, у нас еще будут радостные денечки, – обняв Алексея, проговорил он.

5

После бессонной ночи и всех переживаний Алексей спал как убитый.

Он проснулся от солнечного лучика, щекоотливо скользившего по лицу. Было загадкой не то, как луч проник в маленькое оконце избушки, а то, как он нашел себе путь на землю сквозь мохнатые ветки вековых кедров и сосен.

Алексей поднял голову и осмотрелся. Рядом с ним на нарах с вечера ложился Станислав. Ульяна и Марей легли напротив, у другой стены. Лисицын любил спать на воздухе и по обыкновению устроился у костра. Сейчас в избушке никого не было.

Алексей натянул сапоги, надел куртку и вышел. Марей, Лисицын и Станислав сидели возле костра. На огне бурно плескались, дымя густым паром, два котелка: один с чаем, другой со свежей дичью.

– Доброе утро! Ну и заспался я!.. – Алексей потянулся.

– Вот и хорошо! Сон исцеляет от всех недугов, – поглядывая на Алексея с доброй улыбкой, проговорил Марей.

– Иди, Алеша, умывайся, да завтракать будем, – бросая в котел с дичью ложку крупной соли, сказал Лисицын.

Алексей направился к реке. Спускаясь с яра, он увидел Ульяну. Она плыла на лодке от противоположного берега. В ее руках было большое кормовое весло с толстым черенком и широкой лопастью. Ульяна по-мужски сильными взмахами поддевала воду, и лодка стремительными рывками неслась поперек течения.

Увидев Алексея, Ульяна подняла весло, замешкалась: нос лодки круто повернулся, и она заскользила на стремнине.

– Держись, Уля, унесет тебя! – крикнул Алексей и, когда Ульяна выровняла лодку, присел на корточки и, шумно отфыркиваясь, принялся умываться.

– Здравствуйте, Алексей Корнеич, – сказала Ульяна, приближаясь к берегу.

Алексей вытер лицо платком, поднялся.

– Доброе утро, Уля! Ты где была?

– А вот. – Девушка показала веслом на нос лодки: там лежали ружье и два больших глухаря.

– Ого, молодец! И когда это ты успела?

– В обед буду угощать, – потупившись, тихо отозвалась Ульяна.

– Я хотел утром уйти, а теперь придется до обеда задержаться, – весело засмеялся Алексей. – Ну, давай я тебе помогу дотащить глухарей.

Алексей взял их в обе руки. Ульяна повесила ружье на плечо, пошла впереди Алексея, ловкая и гибкая. На ней было пестрое платишко из простого ситчика, патронташ, сапоги с высокими голенищами.

Они уже поднялись до половины яра, когда Ульяна оглянулась и, тяжело переводя дыхание, краснея чуть не до слез, просяще произнесла:

– Вы бы, Алексей Корнеич, поосторожнее как...

– Ты о чем? – не понял он, но тут же спохватился. – Ладно, Уля, ездить теперь на конях никогда не буду.

Он хотел обратить весь разговор в шутку, но этого не получилось. Не шутки ради говорила Ульяна: необычным румянцем горели ее щеки, тревожно искрились голубые глаза. Алексей впервые подумал об Ульяне как о девушке, – раньше он как-то не замечал ее. Застенчивость Ульяны он объяснял обычным смущением, не допуская и мысли, что Ульяна уже способна испытывать глубокие чувства.

– Смотри-ка, дядя Миша, что твоя дочь делает! – вскинув глухарей на плечи, сказал Алексей.

Лисицын, Марей и Станислав обернулись. Станислав надул щеки, и круглые глаза его загорелись восхищением, Лисицын засмеялся мелким, тихим смешком.

– Уля у меня припас зря не переводит. В прошлом году я у Степахи Заслонова литр водки выпорил... Ехал он из деревни к себе на стан, завернул ко мне, на курье¹ я рыбачил, а Уля на рябчиков в пихтачи вышла. Она стреляет, а он сидит и счет ведет. «Ну, говорит, и палит твоя дочка в белый свет». Обида взяла меня за Улю. Заспорили мы, ударили по рукам. Сидим. Считаем: десять, двадцать, тридцать, тридцать два... Приходит Уля, сбросила с плеча мешок, а Степан тут как тут. Вытаскивает рябчиков из мешка и считает: десять, двадцать, тридцать, тридцать два! Тютелька в тютельку! Распили мы его литр за Улино здоровье...

– Ты уж всегда, тятя, что-нибудь скажешь, – сконфуженно произнесла Ульяна, отстегивая патронташ.

– Чистую правду говорю, Уля! – с гордостью воскликнул Лисицын.

– И хорошая эта правда, дочка. Такой правды нечего стыдиться, – обводя всех взглядом своих спокойных глаз, сказал Марей.

6

Завтракали у костра. Ели молча.

Вдруг Марей отставил кружку с кипятком и, посмотрев на Алексея, спросил:

– А что, Алеша, не приходилось тебе бывать в вершине Киндирилки?

Лисицын вытянул длинную шею и многозначительно взглянул на Алексея, как бы предупреждая: «Слушай, мол, внимательно да мотай себе на ус».

– Бывали мы там с дядей Мишей раза два, – ответил Алексей, ощупывая карман гимнастерки. Там у него хранился карандаш на случай, если б потребовалось записать что-нибудь важное.

– А не попадались там ручейки? – спросил Марей.

– Ручейки встречались. Возле одного мы ночевали. Помнишь, Алеша? – вмешался Лисицын.

– Лет пятьдесят тому назад в вершине Киндирилки, – заговорил Марей, – старик Увар держал пасеку. Жил он со старухой Домной Карповной. Я их хорошо знал. Много раз ночевал у них, в бане бывал. Славные, добрые были люди... – И Марей рассказал, как однажды осенью на пасеку к Увару вышли трое охотников. Увар с Домной Карповной встретили их приветливо,

¹ Курья – залив реки, чаще всего образующийся на месте старого русла.

напоили-накормили, чем могли. Когда Увар с Домной Карповной поближе познакомились с охотниками, один из них достал из кармана спичечный коробок с золотинками.

«Вот такие, папаша, у вас в лесу тараканы водятся», – сказал охотник Увару и высыпал золотинки на ладонь.

Утром охотники отправились искать золотой ручей. Местность они знали плохо, позвали с собой старика Увара.

Ходили-ходили – ручья не нашли. Злые от неудачи, насквозь промокшие на осеннем дожде, охотники вернулись на пасеку. Утром опять пошли в тайгу. Дней пять ходили – и все без толку. На шестой день легла зима. Сразу забуранило, намело снегу до колен. Волей-неволей пришлось поиски бросить. Охотники ушли домой, в город.

С тех пор прошло много лет. Увар с Домной Карповной и вспоминать перестали о поисках золотого ручья. Вдруг как-то летом Увар увидел на дороге незнакомых людей. Шли они артелью, вели трех лошадей с вьюками. За главного в артели был инженер в форменной фуражке, в кожаной тужурке – все честь по чести.

«Здравствуй, Увар Изосимыч! – крикнул один человек из артели. – Что, не узнаешь?»

Увар заторопился навстречу людям, присмотрелся к тому человеку, который поздоровался с ним, и тогда только узнал охотника, одного из тех трех, о ком на пасеке и говорить перестали.

Все лето артель вела поиски. Ранней осенью с инженером случилось несчастье: задрал его в тайге медведь. Артель вернулась ни с чем.

Через год-другой после этого случая на большой улице в Высокоярске тот самый охотник, который первый из всей артели поздоровался с Уваром, открыл торговый дом. Народ засек это. Поползли слухи, что инженер, мол, погиб не от зверя, что артель, мол, наткнулась в Киндирлинской тайге на самородное золото.

Так ли это было или не так, сказать трудно. А только человек этот вскоре закрыл свое дело в Высокоярске и двинулся на Урал. Сказывали потом, что объявился он где-то в Челябине или в Кунгуре под другой фамилией.

– Года через три-четыре после смерти инженера ходили мы с Уваром по следам артели. Думали, авось наткнемся на фарт. Шурфы уже обвалились и позаросли травой и бурьяном. Местах в десяти мы попробовали мыть пески. Умаялись, как на каторге, а найти золото не сумели. К тому же стал Увар торопиться на пасеку. Мне тоже надо было уходить дальше в тайгу. Друзья-приятели из трактовых сел дали знать: «Спасайся, Марей, полиция подкупила продажных людишек, расставили они на тебя свои сети». Кинулся я к тунгусам в верховья Таежной...

Марей опустил голову, задумался.

Историю поисков золота на Киндирлинке Алексей знал из рассказов Лисицына. Но тот передавал ее со слов других жителей Улуюлья, Марей же был современником этих событий.

В тетрадах Алексея были записаны десятки и сотни подобных рассказов. Правда и вымысел в них настолько переплетались, что трудно было отделить одно от другого. Но, несмотря на это, Алексей чутко прислушивался к каждому новому сообщению и бережно записывал их.

Многие из этих творений народной фантазии и человеческого опыта прошли через несколько поколений, и Алексея поражала вера людей в богатства улуюльской земли.

– А ты не припомнишь, Марей Гордеич, на каком месте была пасека Увара? – спросил Лисицын.

– Как же, помню! – еще более оживляясь, воскликнул Марей. – Увар с Домной Карповной умерли друг за другом в одну осень. В эту же осень на месте пасеки обосновались переселенцы из Курской губернии. Я бывал у них частенько. Помогали они мне и хлебом, и одежей, и ружейным припасом, хотя и у самих-то было не густо.

Потом, когда я срубил избушку на яру, где теперь стоит Мареевка, охотники из Уваровки ходили ко мне. Я знал, что эти не подведут меня. За добро платил добром: не таил от них лучшие уголья, при нужде делился добычей.

Уваровка обстраивалась, как в сказке: не по дням, а по часам. Нахлынули люди: из России шел обоз за обозом. Если б не один случай, быть бы Уваровке волостным селом.

А дело было так: приехал в Уваровку десятник рыть артезианский колодец, заложил скважину, начал бурить. Бурил, бурил и наткнулся на пласт каменного угля. Пласт оказался толстый, уголь черный, жирный. Десятник говорит мужикам: «Вы поселились на пластах каменного угля. Если начнутся здесь каменноугольные разработки, вам несдобровать – деревню снесут». У мужиков от таких слов аж глаза на лоб полезли. Они переглянулись, сняли шапки – и на колени перед десятником: «Батюшка, благодетель наш, не разоряй нас, не губи вконец, отблагодарим мы тебя чем можем». Десятник согласился. «Ладно, говорит, мужики, ничего мне от вас не надо. Что с вас возьмешь, когда вы сами лебеду едите. Подпишите мне обществом акт, что бурить я у вас бурил, но воды на вашем бугре не нашел. Нужен мне этот документ для казны». Мужики обрадовались, акт подписали. Десятник уехал, а мужики засыпали скважину землей, а сверху, чтоб и зная не было, заровняли зеленым дерном.

Однако слушок все-таки прошел по народу, что Уваровка стоит на опасном месте. Мужики побаивались: «А ну-ка десятник окажется человеком с подлой душой и приведет кого-нибудь из промышленников? Изойдет тогда народ горючей слезой». Когда нагрянула в Уваровку новая партия переселенцев, старые жители потихоньку шепнули новичкам: «Не зарьтесь, мужики, не обжитое место. На угле живем, селитесь на другой земле». Новички поняли, что люди худа им не желают. Они продвинулись верст на десять по долине и основали новую деревню. Народ назвал ее Подуваровкой...

Алексей слушал старика с напряженным вниманием, боясь пропустить хотя бы одно слово. Происхождение наименований новосельских деревень Алексею объяснял Лисицын. У него это выглядело просто: Притаежное – значит подле тайги. Подуваровка – значит около Уваровки.

– А что, Марей Гордеич, десятник был вольный или государственный? – спросил Алексей.

– Едва ли вольный! Сдается мне, что работал он от переселенческого управления. Артезианские колодцы появились вначале у переселенцев, а потом их стали закладывать и у старожилов.

«Копнуть бы архивы переселенческого управления. Вдруг уцелел уваровский акт?» – пронеслось в голове Алексея.

Марей будто угадал мысли Алексея и, помолчав, сказал:

– Бумага об уваровском колодце должна храниться в казенных архивах. – Но тут же старик развел руками и выразил сомнение: – А может, и сгинула мужицкая бумага. Почтения к ним не было.

– А еще, Марей Гордеич, не приходилось вам слышать о других находках угля в Улуюльском крае? – опять спросил Алексей.

– Почему же не приходилось? Слышал! – ответил старик. – Верстах в трех к востоку от Орлиного озера был когда-то староверческий скит. Живал я там. Братия собиралась туда с бору и сосенки. Верующих было раз-два – и обчелся, остальные вроде меня – беглый люд и вечные поселенцы. Хоть стоял скит в глухом лесу, за тридевять земель от жилых мест, а от белого света отгорожен не был. Стекались сюда вести со всех концов державы. Особо нахлынул люд после ограбления на тракте каравана с золотом...

Марей прервал свой рассказ и, взглянув на Алексея, спросил:

– А ты знаешь, Алеша, как дело было?

Об ограблении каравана с золотом на Сибирском тракте Алексей знал по рассказам старожилов Улуюлья, а также по легендам, которые передавались из уст в уста по всей матушке-Сибири, но Марей был почти современником этой истории и мог знать что-нибудь особенно важное.

– Расскажите, Марей Гордеич, если нетрудно!

– Везли, Алеша, из Витимской тайги девяносто девять ящиков с золотом. Обоз шел под большой охраной. Когда золото только готовилось еще к отправке, нашлись заговорщики и решили захватить караван в пути. Ходили слухи, что наставляли заговорщиков крупные дельцы из самого Петербурга. Знающие-то люди намекали тогда, будто значились в заговорщиках даже лица императорской фамилии. Все могло быть!

Ограбить караван взялась шайка татар-разбойников. Отпетые были головы! Не первый год они орудовали на тракте с кистенем в руках. Были у них свои люди и среди ямщиков, и даже в охране.

Когда караван миновал горную местность и вышел на равнину, покрытую лесами, озерами и болотами, заговорщики решили, что их час пробил.

Однако застать охрану врасплох не удалось. Началась свалка. Заговорщики все-таки отбили караван и двинулись по проселкам в сторону от тракта, в пределы Улуюльского края. Шли день и ночь. Прятали золото и ставили памятные вехи.

Но уцелевшие люди из охраны тоже не дремали. Они бросились преследовать караван. И опять началась схватка. Бились не на жизнь, а на смерть. Заговорщики остервенели. Понимали они, что дело их проиграно. Долго ли, коротко ли шла эта битва, только победы она никому не принесла. И заговорщики и охрана погибли все до единого. Так и канули в неизвестность девяносто девять ящиков с золотом.

Марей замолчал, и Алексею показалось, что он решал про себя: говорить ли дальше или остановиться на сказанном?

Вздыхнув, степенно разгладив бороду, Марей продолжал:

– Ну, как говорится, шила в мешке не утаишь. Мало-помалу слух об ограблении золотого каравана расплылся по всей Сибири, проник за Урал. На поиски исчезнувшего золота поднялись людишки чуть не со всего белого света.

Искали это золото и наши скитские. Хаживал и я на эту работу, даром что жил на скитских хлебах много лет после ограбления каравана. Трудились мы так себе – спуская рукава, знали: коли захороненное золото найдется, в нашей жизни перемен все равно не будет. Как ни таились наши наставники, мы видели: ищем не для себя, кто-то со стороны повелевает нами.

Ходили мы по тайге с лопатами, баграми, топорами. Сколько земли перерыли – страшно подумать!

Помню, как-то вышли к одному ручейку. Он протекал в крутых берегах: видать, ручеек когда-то был сильной рекой. Кое-где стояли круглые глубокие омуты. Приказал нам десятник обыскать эти омуты. Копали-копали мы и наткнулись на черный каменистый слой земли. Лопата отскакивает, лом не берет – хоть плач! Попробовали копать с другой стороны омутов – опять наткнулись на черный пласт! С нами был кузнец из скитской кузницы. Он посмотрел и говорит: «Это, братия, каменный уголь».

Откуда ни возьмись – десятник. «Не то, греховодники, ищите! Голодом всех уморю! Засыпайте ямы землей, чтоб и помина от их не осталось». Засыпали мы ямы, обровняли берега. Но тут десятник велел ощупать дно омутов баграми. Сбили плот, спустили его на веревках. Вода в омутах стоячая, покрылась ржавчиной, дно неровное. Багры цеплялись за водоросли, корневища деревьев, камни. Нелегко далась нам эта проклятая работа на омутах. Золото никак не шло в руки и только разжигало злость у десятника и хозяев.

Марей помолчал и с кроткой стариковской улыбкой произнес:

– Вот как было дело, Алеша...

Алексей не спускал глаз с Марей. Суровой и тяжелой была тогда судьба простого человека, но не только об этом думал Алексей. Марей говорил о сокровищах улукульской земли без всяких сомнений, и это вызывало в душе Алексея радостный отзвук.

Забыв о времени и о делах, увлеченно слушали Марей и остальные. Станислав сидел с округлившимися глазами. Ульяна ласково смотрела на старика и думала: «Дедушка! Родной наш! Сколько ты перенес всякого-разного страдания! Спасибо тебе, спасибо, что пришел на подмогу Алексею Корнеичу!» Лисицын, шурясь, поглядывал то на Алексея, то на Ульяну. «Ну, что? Каков он, Марей-то Гордеич? Не зря я вам столько о нем расписывал!»

– А не приходилось вам, Марей Гордеич, слышать насчет поисков захороненного золота на правом берегу Таежной, около Синего озера? – спросил Алексей, пытаясь проверить свои подозрения относительно того, не спутал ли старик Орлиное озеро с Синим.

Но старик словно не слышал вопроса. Он схватился вдруг за голову и, покачиваясь из стороны в сторону, застонал:

– Ой, снег, снег!

Все удивленно переглянулись и посмотрели вверх. На небе не было ни одной тучки. Освещенное солнцем, оно ласково голубело над обширной землей Улулюля. «Откуда он снег почуял? Что-то тут не то», – подумал Алексей.

– Шум во всем теле, шум. Пойду полежу, – сказал Марей и тяжело поднялся с толстого соснового чурбака. Он шел в избушку тихими, неверными шагами.

Алексей взглядом проводил его и вспомнил наблюдение одного писателя: если не скудна душа человека, то мысль скроет рубцы времени на лице. И только спина выдаст их. Годы ложатся на нее тяжким грузом.

7

– Ты приезжай к нам на недельку. Он много еще порасскажет о чудесах Улулюля. Ведь ты смотри, как он помнит обо всем, – предложил Лисицын учителю, вернувшись из избушки, где он помог Марей лечь на нары.

– Это верно, дядя Миша. Я даже забыл о всех своих злключениях, – ответил Алексей.

– Вот что, Уля, – вдруг, как бы спохватившись, сказал Лисицын, – сходи-ка вон со Станиславом на курью. Там я жерлицы расставил, надо их посмотреть. Вчера вечером сильно шуки играли.

– Ладно, тятя, сбегает. – Ульяна протирала полотенцем чашки. Она сложила посуду в большой таз и поставила его на полку под навесом из еловой дранки. – Пошли, Станислав! – скомандовала она.

Станислав не спеша поднялся. Grimаса на лице передала его состояние. Он готов хоть куда идти с Ульяной, но сейчас, наверное, он с большим удовольствием остался бы здесь послушать, о чем будут разговаривать Алексей с Лисицыным. Ульяна кинула на него недовольный взгляд. Он замотал головой и пошел вслед за ней, оглядываясь.

Алексей понял, что Лисицын неспроста спровадил Ульяну и Станислава, и, когда те скрылись за деревьями, спросил:

– Что думаешь, дядя Миша, о выстреле в осиннике?

– Надо, Алеша, глядеть в оба. По-моему, кто-то из Притаежного поперек твоей дороги решил встать. Охотников подозревать не приходится, у них против тебя ничего быть не может... – Помолчав, Лисицын добавил: – По коню не страдай. Школе животину какую-нибудь купить придется. Иначе к суду потянут. Если деньжонок сам не насобираешь, я добавлю. Нынче по насту мы с Улей славно промышляли.

– Спасибо, дядя Миша! А глядеть придется. Раньше мне такое и в голову не приходило.

– Я тоже дураком-то не буду. Прислушаюсь, пригляжусь к людям, авось что-нибудь и всплывет, – сказал Лисицын и вдруг, меняя направление разговора, особо доверительным тоном спросил: – Как старичок-то, не бесполезный тебе будет?

– Сведения его очень важные. Особенно об Уваровке.

– Да он еще не все говорит, кое-что придерживает по первости. Они, старики-то, все такие: себе на уме. Мой-то родитель, Семен Михайлыч, был тем же миром мазан. Все скрытничал, даже умирать ушел на сеновал, чтоб никто не видел, как смерть придет. Мы его ждем-пождем, а он лег на сено, да и был таков...

– А что, дядя Миша, Марей Гордеич надолго к тебе? – спросил Алексей.

– Навсегда! Он, видишь ли, с моим родителем в большой дружбе был, к ружью меня приучил и в люди, выходит, вывел. При встрече мы, конечно, гульнули малость. Я ведь думал, что его и в живых уже нету, а он, смотри, какой шустрый. На другой день, как он пришел, мы опохмелились с ним, он меня и спрашивает: «А что, Миша, не бросишь ты меня, как собаку, если умереть мне здесь придется?» Я говорю: «Что ты, Марей Гордеич, разве можно такое? Ты мне как отец родной, живи еще хоть сто лет!» – «Сто, говорит, много, а годка три-четыре надо бы подержаться». Уля моя тут же была, слышала этот разговор и говорит: «Живите, дедушка, ни в чем у вас нужды не будет. Как вы есть основатель нашего села и жертва бесправия капитализма, то комсомол постановил взять вас под свою полную заботу и обеспечение». Марей Гордеич даже прослезился. Поцеловал Улю в лоб и говорит: «Уважили старика! И спасибо вам за это, а только обеспечения мне никакого не надо. Марей Добролетов заработал себе на старость, да и Советская власть его не забыла». Когда мы двинулись с ним ко мне на стан, я и рассказал ему о тебе. «Один ученый человек, говорю, тут есть, в Притаежном живет, краю нашему большую славу пророчит». Он послушал и говорит: «У этого человека, не знаю, кто он, светлая голова на плечах». Я для пущей важности говорю: «Быть мне с этим человеком, Марей Гордеич, в родственных связях. Сам, говорю, молодой он, красивый, ну а у меня дочка, Уля, через годок-другой будет на выданье. И девица тоже не лыком шита».

Алексей засмеялся. Лисицын с невозмутимым видом продолжал:

– «Ну, – говорит Марей Гордеич дальше, – коли так, дай бог ему большого счастья, и уж раз он тебе не чужой, то я буду с ним обходиться, как с родным». Когда вы нагрязнули со Станиславом, я ему и шепнул: «Марей Гордеич, вот этот чубатый – тот самый, о котором я тебе говорил». Он мне в ответ моргнул глазом: «Добро, дескать, обойдусь с ним как полагается: в обиде не будет». Еще с вечера он приглядывался к тебе, а утром встал и первым делом говорит мне: «Обходительный человек Алексей Корнеич, и, видать, ясный ум у него». Ты заметил, с каким он доверием тебе рассказывал? То-то, брат!.. Перед другим он и рта не раскрыл бы.

– Мне сегодня придется уйти, дядя Миша, – сказал Алексей. – В школе скоро должны начаться экзамены. Очень прошу тебя запомнить все, что будет рассказывать Марей Гордеич. Если вздумаете по тайге ходить с ним, постарайся, чтоб он припомнил то место с омутами, где они на уголь наткнулись. В случае чего подавай мне весточку.

– Уж тут, Алеша, не пронесу. Все выпытаю, запомню и тебе опять через Мареевку или через пасеку телеграмму отобью, – пообещал Лисицын.

– И потом, если копать где-нибудь вздумаете, – продолжал Алексей, – образцы породы не забудь для меня в сумку положить. Будь сейчас образец от железистого слоя, затопленного водой, у меня бы на душе легче было.

– Винюся, Алеша! Уля вчера еще с утра мне говорила: «Подолби, тятя, этот камень. Не дождется Таежная Алексея Корнеича». А я еще прикрикнул на нее: «Как, мол, не дождется! Да он вот-вот сам здесь будет!» Потом мы с ней с утра на озеро ушли, а когда вернулись, вода – язви ее! – на три четверти уже поднялась.

– Ну что ж делать? Что потеряно, того не вернешь, – стараясь утешить и Лисицына и себя, сказал Алексей.

Вскоре вернулись с курьи Ульяна и Станислав. Они несли подвешенную на палку щуку. Хвост ее волочился по земле. Щука была пестрая, с черными полосами по бокам и выгнутой спиной, покрывшейся какой-то зеленой слизью.

Лисицын вскочил, кинулся навстречу Ульяне и Станиславу, но остановился и, хлопнув себя руками по бокам, воскликнул:

– Ох, язви ее, сама царица ввалилась!

– Откуда ты, тятя, знаешь, что царица? – спросила Ульяна.

– А видишь на спине зеленый мох? Лет двести, наверно, живет. Старше ее в курье нету.

А у них, у щук, так: кто старше, тот и царь...

Ульяна звонко рассмеялась. Станислав трясся, изредка отфыркиваясь. Алексей стоял, засунув руки в карманы тужурки, и, закинув голову, хохотал.

– Давай, Уля, обхаживай ее да в колоду с солью. Да соли не жалея, иначе ее не прожуеть, – распорядился Лисицын.

– Ты сам, тятя! Я глухарей начну к обеду готовить.

– Ну и лады! – согласился Лисицын, вытаскивая из деревянных ножен, болтавшихся у него на ременном ушке на опояске, длинный охотничий нож.

После обеда Алексей и Станислав пошли обратно на пасеку. Весенний день, сиявший с утра ярким солнцем, начал хмуриться. Невесть откуда надвинулись тучки. Они закрыли солнце, погасив сразу светлую голубизну неба. На земле было тихо, но над лесом уже буянили вихри. Как расвирепевшие беркуты, они налетали друг на друга, сталкивались, сотрясали и раскачивали вековые деревья.

Алексей и Станислав не успели пройти от стана Лисицына и двух километров, как крупными хлопьями повалил снег. Алексей вспомнил возглас Марея: «Ой, снег, снег!» – и подумал: «Старик точен, как барометр. Что это: от возраста у него или от умения чувствовать природу?»

Глава четвертая

1

В Притаежное Максим приехал в потемках. Над селом, тянувшимся в две улицы по берегу реки Большой, ярко сияла полная луна и перемигивались крупные бело-желтые звезды. На улицах было тихо и пустынно. Темные, неосвещенные окна домов смотрели неприветливо и загадочно.

«Неужели у них до сих пор электричества нет?» – подумал Максим, присматриваясь к притихшей улице, освещенной дрожащим светом фар.

Когда машина, миновав разбитый, ухабистый переулок, выскочила на широкую площадь, Максим увидел впереди двухэтажный дом, в верхних окнах которого горел свет. Это и был райком партии.

Максим иссиркал полкоробки спичек, пока искал в сенях дверь и лестницу, ведущую из темного коридора на второй этаж.

Артема он встретил в первой же комнате, заполненной народом и круто прокуренной. Брат бросился к Максиму, крепко обнял его, поцеловал в губы и, отступив на шаг, с усмешкой сказал:

– А мы хотели экспедицию посылать на розыски! Еще на той неделе разговаривал я по телефону с Ефремовым. «Брата, говорит, встречай». А тебя все нету и нету. Я уже беспокоиться стал, а потом приехал один товарищ из леспромхоза и сообщил, что ты сразу в «низовку» направился.

Братьев тотчас же окружили, и Максим волей-неволей оказался в центре внимания собравшихся.

– А что, Артем Матвеич, может, нам прервать заседание бюро до завтра? – предложил кто-то из райкомовцев.

Артем вопросительно посмотрел на Максима, но по лицу того нельзя было понять, одобряет он эту мысль или нет.

– Почему же? Будем продолжать заседание. Максим Матвеич – представитель обкома. Пусть посмотрит, чем мы тут занимаемся, – сказал Артем и, беря Максима под руку, пригласил всех в кабинет.

Кабинет размещался в продолговатой, довольно просторной комнате. На стенах, отделанных сверху, под потолком, незатейливой росписью, висели большие красочные портреты Ленина с одной стороны, Маркса и Энгельса – с другой. За широким столом с телефоном и тяжелым металлическим чернильным прибором висела карта области. В левом углу стоял сейф, а в правом – застекленный книжный шкаф.

К письменному столу примыкал еще стол, длинный, чуть не во всю комнату, покрытый красным сукном. Большинство участников заседания разместились вокруг этого стола, остальные сидели на стульях, расставленных вдоль стен.

Артем хотел усадить брата возле своего стола, но Максим выбрал себе место сам. Он сел в дальний угол, у самой стены. Отсюда ему хорошо было видно не только Артема, но и всех присутствующих.

– Будем продолжать, товарищи, заседание, – постучав карандашом о чернильный прибор, сказал Артем. Слово «товарищи» он произнес чуть-чуть шепеляво, как человек, у которого не хватает передних зубов.

«Неужели он уже стареет?» – подумал Максим и посмотрел на брата. В приемной, заполненной народом, он не смог рассмотреть брата как следует. Теперь Артем сидел около лампы-молнии, яркий свет падал на него.

Артем сильно сдал. Смуглое лицо его с прямым носом и острым подбородком изрезали глубокие морщины. Смолево-черные волосы, зачесанные вверх, подернулись на висках седой. Под темно-кариими глазами, взгляд которых был неизменно мягок и доверчив, обозначались синие пятна. Не было спереди зуба.

Артем был одет в китель защитного цвета. Китель сидел на нем ловко, скрадывая худобу его груди и сутулость плеч.

– Следующий на повестке вопрос: «Персональное дело члена партии Алексея Корнеича Краюхина». Докладывает член райкома Пуговкин, – объявил Артем и повернулся к полной женщине, сидевшей за маленьким столиком у круглой печки: – Пригласите Краюхина.

Женщина быстро вышла и через полминуты вернулась вместе с молодым темноволосым человеком, одетым в армейские сапоги, в суконные брюки с малиновым кантом и в гимнастерку со стоячим воротником.

– Садись, товарищ Краюхин. Бюро райкома обсуждает твоё дело. Докладывай, товарищ Пуговкин, покороче и суть вопроса, – сказал Артем.

Фамилия «Пуговкин» не соответствовала внешности человека. Когда он поднялся со стула, то заслонил собой свет. На нем был темно-синий китель, туго облегавший его крупное полное тело, и погоны капитана милиции. Несмотря на свой огромный рост, Пуговкин говорил глухим, слабым голосом, и Максиму пришлось напяречь слух.

– Членам бюро известно, что вопрос о Краюхине ставится вторично, – начал Пуговкин. – Комиссия, созданная бюро под моим председательством, произвела полное расследование дела Краюхина и пришла к окончательным выводам, которые выносит на ваше утверждение.

Комиссия установила, что член партии Краюхин нарушил социалистическую дисциплину и нанес государству крупный материальный ущерб. В разгар подготовки школы к экзаменам Краюхин фактически самовольно, без ведома района, покинул школу и отправился в Мареевскую тайгу якобы для поисков рудных обнажений на реке Таежной, а на самом деле просто ради развлечения. По дороге, вероятно в силу неумения обращаться с оружием, Краюхин застрелил лошадь, принадлежащую Притаежной средней школе. Своих ошибок Краюхин не осознал, а больше того, он обвинил комиссию в делячестве. Все попытки Краюхина выгородить себя из этой истории, свалить гибель лошади на какие-то покушения на него неизвестных лиц не подтвердились никакими фактами. Я ответственно заявляю бюро райкома, что в Притаежном районе все уголовные элементы учтены и в наших селах царит полное спокойствие.

В ходе работы комиссии уже в последние дни обнаружился дополнительный материал, характеризующий Краюхина как человека недисциплинированного, привыкшего ставить свои личные интересы выше интересов общественных, государственных.

Факт первый. В середине истекшей зимы Краюхин по случаю отъезда директора школы на курорт и болезни заведующего учебной частью оставался заместителем директора школы.

Краюхин самовольно израсходовал отпущенные школе средства на кружковую работу для поделки совершенно ненужных металлических буров и покупку лодок. На эти цели были также привлечены средства родительского комитета, на членов которого Краюхин оказал давление, пользуясь своим служебным положением. Краюхин пытался оправдаться перед комиссией тем, что это имущество необходимо географическому кружку, руководителем которого он является. Комиссия установила, что эти действия Краюхина причинили немалый ущерб постановке воспитательной работы в школе. И их нельзя иначе квалифицировать, как действия в корыстных целях. Истратив все средства, имеющиеся для внешкольной работы, на поделку буров и покупку лодок, Краюхин сорвал намечавшуюся экскурсию учащихся старших классов в областной центр.

Пуговкин помолчал, окинул исподлобья сидевших за столом взглядом, который и без слов был понятен каждому: «Подождите, это еще не все. Будут факты покрепче».

– Факт второй, – повышая голос, продолжал Пуговкин. – В день получения Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении льновода Дегова орденом Ленина райком партии, в частности первый секретарь райкома товарищ Строгов, поручил Краюхину выехать в Мареевку и там помочь правлению колхоза и партийной организации провести вокруг этого важнейшего события массово-политическую работу.

Краюхин пренебрег этим ответственным заданием. Вместо того чтобы отправиться в Мареевку, Краюхин бросил работу в школе, наплевал на поручение райкома и уехал на Таежную. Что из этой поездки получилось – членам бюро известно.

Факт невыполнения поручения райкома Краюхин не отрицает, но ошибки своей не признает, считает, что иначе он поступить не мог.

Если считать, что Краюхин и комиссию райкома встретил в штыки, то станет ясным, что он зарвался, противопоставил себя райкому, не желает считаться с его установками и решениями.

Факт третий, и самый новейший. По поручению комиссии я запросил отзыв о Краюхине от директора научно-исследовательского института товарища Водомерова, где, как вы знаете, работал Краюхин. От имени руководства института он дал Краюхину резко отрицательную характеристику. Вот что буквально сообщает он: «Краюхин – человек неуживчивый и заносчивый. Он третировал научного руководителя профессора Великанова и своими действиями, посеял в дружном коллективе научных работников нежелательные настроения».

И, наконец, факт четвертый. Комиссия ознакомилась в военкомате с личным делом лейтенанта запаса Краюхина. Обращает на себя внимание характеристика заместителя начальника корпусного госпиталя капитана Бенедиктина. Вот что в ней говорится: «Находясь на излечении в корпусном госпитале в связи с легким пулевым ранением в левую ногу, лейтенант Краюхин допускал факты недисциплинированности, выразившиеся в том, что обсуждал поступки и действия старших начальников, в частности меня как замполита».

Все это, вместе взятое, дает нам достаточно полное и всестороннее представление о Краюхине...

– Обстоятельно поработала комиссия! – заметил один из членов райкома.

– У комиссии сложилось единодушное мнение: Краюхин для партии человек потерянный, и его поступки несовместимы с пребыванием в наших рядах.

Пуговкин опустил на стул, слегка отдуваясь и вытирая платком лоб.

Воцарилось молчание. Все участники заседания украдкой посматривали на Алексея, сидевшего у двери. Максим наблюдал за ним с первой минуты его появления в кабинете.

Речь Пуговкина Алексей слушал, низко опустив голову. Максим не видел его лица, но по тому, как Краюхин тербил мочку уха, понял, что тот сильно волнуется.

Когда Пуговкин несколько громче обычного сказал: «Краюхин для партии человек потерянный», Максим увидел лицо Краюхина. Услышав эти слова, Алексей выпрямился и взглянул на Пуговкина с презрительной усмешкой. Это не понравилось Максиму, и он подумал об Алексее: «Высочка и зазнайка».

– Какие вопросы есть к комиссии? А ты, товарищ Краюхин, желаешь что-нибудь сказать? – проговорил Артем.

Алексей быстро поднялся, по старой военной привычке одернул гимнастерку.

– Все, что я мог сказать здесь, я изложил в объяснении, которое было заслушано на прошлом заседании бюро райкома. Добавить к этому мне совершенно нечего. Комиссия отнеслась к своему делу по-казенному, я назвал ее подход к расследованию дележеским, что подтверждаю и здесь, на бюро райкома.

Алексей проговорил это негромко, но просто и убежденно, и в голове Максима шевельнулась новая мысль: «Смело берет!»

Выступление Алексея вызвало в кабинете говорок.

– Ты что же, Краюхин, думаешь, что твоя позиция более правильная, чем позиция партии? – не скрывая ехидства в голосе, сказал полный человек, сидевший первым от Артема.

Алексей, успевший уже сесть, снова поднялся.

– А почему вы, товарищ Череванов, ставите знак равенства между позицией партии и позицией вашей комиссии? – в упор глядя на полного человека, спросил Алексей.

В кабинете опять послышался говорок, на этот раз более шумный. Артем настойчиво постучал карандашом по чернильному прибору, призывая участников заседания к порядку.

– У меня есть вопрос к товарищу Терновых, – послышался голос одного из членов райкома. – Семен Иванович, скажите как заведующий районным отделом народного образования, справлялся Краюхин со своей основной работой в школе и верно ли, что его выгнали из научно-исследовательского института в Высокоярске?

Из-за длинного стола поднялся седоватый пожилой человек с широким морщинистым лицом и быстрыми маленькими глазами.

– Насчет института затрудняюсь точно сказать. По данным товарища Краюхина, он сам ушел из состава научных сотрудников профессора Великанова...

– Легенда, в которую никто не поверит! – воскликнул все тот же полный человек.

– Хотя, конечно, это наводит на некоторые сомнения, как уже заметил здесь Павел Павлович, – осторожно продолжал Терновых, – ибо трудно поверить, чтоб человек добровольно променял работу в научно-исследовательском институте в городе, у известного профессора, на деревню, на должность рядового учителя...

Терновых вытянул худую шею и посмотрел на Краюхина таким взглядом, который говорил: «Ты уж извини меня, Алексей Корнеич, что говорю против тебя, что ж, ничего не поделаешь, нажимают. Будь ты на моем месте, ты бы тоже так поступил».

Многие заметили его смущение, и в кабинете то там, то тут послышался смешок.

– Ну а как в школе он работал? Был от него толк? – не унимался полный человек, которого заведующий районе назвал Павлом Павловичем.

– Товарищ Краюхин вел в средней школе географию. Акты обследования инспектуры района и облоно...

– Ты, Семен Иванович, на акты не ссылайся, а скажи свое собственное заключение, – перебил его Павел Павлович.

– Да, да, я к этому и клоню. Товарищ Краюхин неплохо преподавал, хотя, конечно, были и у него некоторые недостатки, – поспешил высказать свое заключение Терновых.

– Ты на его уроках бывал, Семен Иванович? – спросил Артем.

– Забегал, Артем Матвеевич, забегал. Согласно отчетам, представленным в районе директором школы, успеваемость по географии стоит на одном из первых мест.

– На первом месте, Семен Иванович, – краснея и возбужденно поблескивая глазами, сказал Алексей.

– Да я и говорю, что на первом месте, – растерянно переводя взгляд с Краюхина на Павла Павловича, подтвердил Терновых.

– Товарищ Краюхин добился полной и высокой успеваемости по своему предмету. Кроме того, он начал с учащимися закладку школьного мичуринского сада. Я совершенно не понимаю поведения здесь Семена Ивановича, – возмущенно проговорил секретарь райкома комсомола Татаренко.

– Заврайоно, наверное, почаще тебя бывает в школе, товарищ Татаренко, – сказал Павел Павлович и выпятил нижнюю губу.

– А вам, Павел Павлович, следует покритичнее относиться к работе отделов исполкома! – привстав со стула, воскликнул Татаренко.

– Уж как-нибудь обойдусь без ваших советов, – сердито пробурчал Череванов.

– Товарищ Череванов и товарищ Татаренко, призываю вас к порядку! – стуча карандашом по чернильному прибору, сердито сказал Артем. – Вопросы к комиссии еще есть? Если нет, прошу выступить.

Едва лишь Артем закончил, как послышался голос все того же полного человека, Павла Павловича Череванова, работавшего в Притаежном уже несколько лет председателем райисполкома.

– Я поддерживаю выводы комиссии. Краюхину нет места в рядах партии, – горячо заговорил Череванов, недружелюбно глядя на Алексея. – Я считаю, что надо поручить районному прокурору возбудить против Краюхина уголовное преследование по двум статьям: во-первых, за прогул в школе; во-вторых, за материальный ущерб, нанесенный народному достоянию, – гибель лошади. У нас в районе и без того отчаянное положение с конским поголовьем. Область всыпает нам в каждом решении. А тут такая бесхозяйственность!

Товарищ Краюхин как человек с высшим образованием мог бы оказать руководству района большую помощь. Товарищ Краюхин не тем занялся. Послушать его – можно подумать, что у нас завтра новый Донбасс или Кузбасс откроется. Это же прожектерство, товарищи! Я не против того, чтобы мы мечтали, но нельзя отрываться от действительности. Такой отрыв от реальности погубит район в целом, как уже погубил самого Краюхина. Я за то, чтобы исключить Краюхина из рядов партии.

– Кто еще хочет выступить? – спросил Артем, поглядывая на Максима и желая, по-видимому, уловить, как тот относится к делу Краюхина. Но брат сидел с таким спокойным и бесстрастным видом, что Артему показалось: Максим занят какими-то совершенно другими мыслями.

Слово взял второй секретарь райкома, за ним высказался районный прокурор, после прокурора о Краюхине говорил редактор газеты. Только секретарь райкома комсомола Татаренко не поддержал выводов комиссии.

– Как член бюро райкома, – сказал он, – я буду голосовать против исключения Краюхина из партии. Я предлагаю принять такое решение: за гибель лошади и пропуск занятий в школе объявить Краюхину строгий выговор. Предложить ему внести деньги. Все соображения Краюхина о наличии полезных ископаемых в районе передать в райплан, где подвергнут их изучению. Поручить начальнику раймилиции товарищу Пуговкину тщательно изучить историю с выстрелом в Краюхина.

– Либерал ты, Татаренко! Широкая у тебя натура за счет государства! – воскликнул Череванов.

– Прошу, Павел Павлыч, не навязывать своего мнения другим.

– Я называю вещи своими именами, Артем Матвеич, – запальчиво сказал Череванов, косо поглядывая на раздумывавшегося вихрастого Татаренко.

Артем встал со своего кресла, и все притихли.

– Дело Краюхина – сложное дело, – начал он, – и не случайно бюро райкома обсуждает его второй раз. Со стороны это дело выглядит так: Краюхин борется за расцвет нашего района, за его большое будущее, а мы, райком, как бы стоим на его пути. В своем объяснении Краюхин прямо обвиняет нас в нежелании по-новому взглянуть на возможности развития нашего района. Прав ли Краюхин? Нет, далеко не прав.

Я вполне допускаю, что на территории нашего района есть ценнейшие ископаемые. Но пока у нас нет никаких оснований выдвигать задачу их практического освоения. Мы к этому не готовы, товарищи, у нас нет ни средств, ни оборудования. Придет время – и наш район в плановом порядке, исходя из общей государственной целесообразности, будет подвергнут

тщательному изучению. У нас в стране в основе всей ее жизни лежит государственный план. Это понятно каждому школьнику.

Партия учит нас из всей цепи задач выдвигать главную, браться за нее и вытягивать всю цепь. Такой задачей для нашего района в настоящее время является расширение посевных площадей конопли и льна и обеспечение высоких урожаев этих культур. На этом пути мы уже добились первых успехов. Группа наших колхозников удостоена недавно высоких правительственных наград.

Если мы сумеем в ближайшее время серьезно расширить площади под техническими культурами и создать основательную сырьевую базу, область обещает нам развернуть строительство льноткацкого комбината. Это задача реальная, и мы должны мобилизовать все усилия на ее выполнение.

Краюхин отрывается от реальных условий нашей жизни. Он забегает вперед. А забегать вперед и идти впереди – это не одно и то же. К чему это привело его, вы сами видите. Краюхин оторвался от масс, ринулся в борьбу одиночкой и натворил кучу преступлений: прогулял несколько дней в горячее время, погубил лошадь, а потом противопоставил себя районному руководству, впал в зазнайство и оказался неспособным критически оценивать свои поступки. Как ни трудно и ни тяжело нам исключить его из рядов партии, но он этого заслужил... Кто еще желает выступить?

Никто не отозвался. По установившемуся порядку, слово первого секретаря райкома было заключающим.

– Ты будешь, товарищ Краюхин, говорить? – спросил Артем, взглянув на Алексея, сидевшего с опущенной головой.

Алексей встал, расправил плечи и долго молчал. Череванов нетерпеливо заерзал на стуле, но Артем сурово взглянул на него, и он притих.

– Я знаю, что своими словами не изменю вашего решения, но тем не менее я выскажусь.

Артем Матвеевич говорил здесь о государственном плане. И говорил неправильно. Нам всем хорошо известно, что реальность нашего плана – это наши люди и наши возможности. Именно поэтому наши планы всегда перекрываются. План – это не догма, он не сковывает, а, наоборот, развязывает инициативу масс на местах.

Самое легкое дело – это уповать на государственный план и ждать, когда придут люди со стороны и сделают за нас дело. Я не оспариваю, что нужно всеми силами развивать технические культуры, но разве это единственная возможность роста нашего хозяйства? Я озабочен будущим Улукюля, а будущее этого края в его природных богатствах. Общеизвестно, что все наиболее значительные месторождения полезных ископаемых первоначально были открыты простыми людьми, народом, а потом уже приходили специалисты. Первые разведчики природных богатств – местные жители. А раз это так, надо использовать их знания, мобилизовать их усилия!

– Ты смотри, куда он загибает!.. По его выходит, что районное руководство против этого! – воскликнул Череванов.

– Объективно получается, что вы против этого, товарищ Череванов. В своем выступлении вы исходили из того, что я, Краюхин, занимался делом, чуждым райкому, а не дорогим и нужным районной парторганизации и всей партии.

Алексей напрягал все силы, чтобы говорить спокойно, не потерять нити своей мысли.

– Ты что же, хочешь, чтобы мы тебя за прогулы и гибель коня по головке гладили?! – вскакивая, закричал Череванов.

– Нет, товарищ Череванов, я хочу, чтобы райком подошел к моим поступкам правильно и расценивал их с принципиальной позиции: Краюхин делает полезное дело. В этом случае все факты, которые вы приводили здесь против меня, приобретут другую окраску.

– Ты смотри, какой он дипломат! – развел руками Череванов.

– Но позволь, Краюхин, спросить тебя: из чего складываются принципы? Принципы – это прежде всего поступки и дела, – сказал Артем. – А у тебя так: слова хороши, приемлемы, а дела антипартийные и антигосударственные. Извини, Краюхин, что перебил тебя.

– Это потому, Артем Матвееч, – заговорил Краюхин, – что вы, как и ваша комиссия, не хотите понять истинных причин моей поездки на Таежную и не верите мне, когда я говорю, что из института профессора Великанова я ушел по соображениям принципиального характера. Вы читали мое объяснение. Там я пишу об этом подробно...

– Разрешите задать вопрос товарищу Краюхину? – послышался голос Максима.

– Да, да, пожалуйста, – закивал головой Артем.

– Объясните, товарищ Краюхин, вкратце, почему вы ушли из института, в чем суть ваших разногласий с профессором Великановым?

– Хорошо, я объясню в нескольких словах, – сказал Краюхин. Помолчав минуту, он продолжал: – Профессор Великанов утверждает, что палеозой в Улуюлье погружен на недостижимую глубину. Я считаю, что он может быть очень близким к поверхности. Это во-первых. Во-вторых, профессор Великанов утверждает, что по всему Улуюлью третичные отложения однообразны и пусты в смысле наличия в них металлических полезных ископаемых. Конечно, бурый уголь не отрицает и Великанов. Я считаю, что в третичных Улуюлья возможны скопления металлических рудообразований в промышленных количествах.

– Ты что же, Краюхин, считаешь себя умнее известного профессора? – съязвил Череванов.

Алексей не успел ему ответить, так как Максим задал еще один вопрос:

– Скажите, пожалуйста, каково ваше семейное положение?

– Я холост. На моем иждивении находится мать.

– Ты что же, Краюхин, до таких лет холостым ходишь? – с усмешкой вставил Череванов.

– Невесты подходящей не встретил, – вполне серьезно ответил Алексей.

– У меня нет больше вопросов, – сказал Максим.

В кабинете секретаря райкома было не жарко, но Алексей от напряжения обливался потом. По его крутому лбу катились крупные капли, они сползали на брови и застилали глаза. Алексей то и дело вытирал красное, лоснящееся лицо платком, но платок был уже таким мокрым, что его можно было выжимать.

«Спокойно! Спокойно!» – твердил Алексею внутренний голос, и, подчиняясь ему, он осаживал сам себя, как осаживает седок разгорячившегося коня.

– Ты кончил, Краюхин? Нет? Продолжай.

– Вот Артем Матвееч сказал здесь: «Краюхин забегают вперед, он оторвался от масс». А я думаю так: райком плохо знает настроения людей. Десятилетиями люди Улуюлья вынашивают мечту об использовании природных богатств края в интересах всего народа. Не законно ли поставить вопрос: а не отстает ли райком от стремлений народа?

– Ты смотри, как он с нами разговаривает! Так и в обкоме с нами не говорят! Можно подумать, что это он нас поставил к руководству, – возмутился Череванов.

– Я говорю прямо и откровенно потому, что считаю себя коммунистом, невзирая на то, что вы этого не признаете, – сдавленным голосом сказал Алексей, чувствуя, что и спокойствие и силы покидают его. Ему хотелось на что-нибудь опереться. Он выставил стул, на котором сидел, одной рукой взялся за его спинку, другую руку сунул в карман, скрывая, что она дрожит.

– Продолжай, Краюхин. Устав партии оставляет за тобой право говорить все, что ты думаешь, – сказал Артем, поглядывая на Череванова и глазами прося того вести себя сдержаннее.

– Мной собраны сотни свидетельств живого интереса людей к природным богатствам нашего края, – совсем уже тихим, срывающимся голосом продолжал Алексей. – Наш район имеет десять промыслово-охотничьих колхозов, сотни людей у нас чуть не круглый год живут

в тайге, на реках и озерах. Вы послушайте их, узнайте, о чем они думают, и тогда вам станет ясно, забегает Краюхин вперед или нет.

– Да ты что, Краюхин, в самом деле думаешь, будто руководство района не знает, что ему делать? – снова взорвался Череванов, вскакивая и ожесточенно ероша волосы.

У Алексея в глазах поплыли круги. Лицо стало белым, как стена, губы посинели. Потеряв власть над собой, он закричал на весь райком:

– Вы не председатель райисполкома, вы хвостист! Вы думаете, если область отнесла район к льняной зоне, то можно руки сложить! Народ вам не позволит сидеть у моря и ждать...

– За такие оскорбления судить надо! – перекрывая общий гул, крикнул Пуговкин.

– Дальше ехать некуда. Я думал, он признает ошибки, осудит их как настоящий коммунист... А он, смотрите, куда хватанул!.. Нет, Краюхин, нам с тобой не по пути, – заговорил Артем напряженным голосом, боясь сорваться на крик.

Алексей попытался передвинуть стул на прежнее место, но руки его так ослабели, что стул не сдвинулся. Кто-то из сидевших в этом же ряду легко подхватил стул и переставил его к стене. Алексей сел, испытывая страшную жажду и сухость во рту.

За исключение из партии Краюхина проголосовали четыре члена бюро райкома, против – один.

2

Когда все разошлись и в кабинете остались Артем с Максимом вдвоем, Артем снял телефонную трубку, позвонил жене:

– Дуня, Максим приехал! Готовь ужин. Мы через пять минут будем дома.

Повесив трубку, Артем повернулся к брату и, осматривая его с ног до головы влюбленным, ласковым взглядом, сказал:

– Да ты неплохо выглядишь! Пополнел, раздался... А я вот сохну с каждым годом.

– Да чуть-чуть прибавить в весе тебе не мешало бы, – проговорил Максим, тоже разглядывая брата.

– Это все наша беспокойная жизнь районщиков меня сушит. Так вот каждую ночь. Раньше двух-трех часов не ложусь. А тут еще вот такие люди, вроде Краюхина, кровь портят. – Артем торопливо прикурил от прыгающего пламени спички.

– Что и говорить! Работать сейчас в районах не просто, – вздохнул Максим, и брату почудилось искреннее сочувствие к его нелегкой доле.

Артем пригладил густые волосы и доверительным тоном сказал:

– Это бы все ничего, если б кадры у нас в районах были. Людей нету! Область требует, а помощью не балует...

Артем настроился, по-видимому, говорить на эту тему долго и обстоятельно, но Максим перебил его:

– Послушай, Артем, ты знаешь лесобъездчика Чернышева?

– Ну, еще бы не знать! Этот тоже вроде Краюхина... мечтатель, прожектор, – усмехнулся Артем. – Прислал мне какие-то расчеты, доказывает азбучные истины...

– Сейчас век мечтателей. Ничего не попишешь, – сказал Максим, и Артем не понял, сказал он это в шутку или всерьез.

– Да пусть мечтают! Беда только в том, что эти мечтатели по-настоящему работать не хотят, увлекаются своими прожекторами, требуют от районного руководства решения таких вопросов, которые не всегда под силу даже области. Вот Краюхин. Ведь он тут такого наговорил, что Совет Министров и ЦК не сразу разберутся.

– Ну, уж это ты преувеличиваешь, – усмехнулся Максим.

Артем почувствовал за этой усмешкой другое: брат не разделял его отношения к учителю. По-иному он, видимо, относился и к предложениям лесообъездчика Чернышева.

– Ты что же, думаешь, Краюхин прав? – насупившись, спросил Артем.

– Мне пока трудно судить. Я ведь многого не знаю... А все-таки не поторопились ли вы с исключением?

Артем склонил голову, опустил глаза и тоном упрека сказал:

– А что же ты молчал? Как-никак ты все-таки заведомо обкома. Мы бы к тебе прислушались.

Максим усмехнулся.

– Нет, брат, это не в моей манере навязывать свои убеждения. В обкоме, как тебе известно, я работаю всего несколько дней, а вы здесь с Червановым не первый год сидите. Вот поживу у вас, посмотрю...

– Давай, давай! Мы всегда рады, когда нам помогают, – нахохлился Артем.

Не такой ему представлялась встреча с братом. Больше пяти лет они не виделись. Максим прошел через пекло войны, исколесил всю Европу и Дальний Восток, обманул сто смертей и явился цел и невредим. Сейчас бы сесть за стол, смотреть друг другу в родные глаза и говорить, говорить до рассвета!.. И надо же было подвернуться этому заседанию с делом Краюхина!

Максим заметил, что Артем расстроен. Ему захотелось скорее взломать перегородку отчужденности, так неожиданно возникшую между ними. Он прошелся по кабинету и заговорил совсем другим тоном, в котором не было и намек на прежний холодок:

– Ну, как ты эти годы жил? Дуня-то какова?

Артем просиял. Заглядывая в лицо Максиму, он начал рассказывать просто и доверчиво, как можно говорить только с родным братом:

– Дуня? Хорошо! А вот отца с матерью в конце войны похоронил. Сильно им хотелось дожить до твоего возвращения. Мать болела, отец был еще ничего, крепился... А как только она ушла, он, будто подраненный орел, крылья опустил.

Резко зазвонил телефон. Звонок был таким неожиданным, что Максим вздрогнул. Артем взял трубку.

– Идем, идем, Дуня! – с теплотой в голосе проговорил он.

3

У Алексея была странная и редкая особенность: всякое потрясение порождало в нем острое желание спать. И сейчас, выйдя из райкома, он хотел лишь одного – скорее добраться до постели, лечь, уткнуться головой в подушку и уснуть глубоким, бездумным сном.

– Ну что, Алеша, как? – спросила мать, когда он вошел в дом. Он знал, что она не спит, беспокоится за него, ждет, каждую минуту прислушивается к шорохам и стукам за стеной.

– Исключили, мама, из партии и, наверное, отдадут под суд, – устало ответил он и, не зажигая огня, ошупью прошел в свою комнату.

Мать заохала, потом послышался ее приглушенный, возбужденный шепот. Можно было подумать, что Нелида Егоровна читает молитву, но она просто разговаривала сама с собой.

– Ты бы поел, Алеша. На окне в крынке простокваша, – наконец сказала она сыну.

Но Алексей уже не слышал ее – он крепко спал. Мать долго ворочалась с боку на бок, вздыхала, поднимала с подушки голову и с тревогой прислушивалась: «Что он? Вроде и не дышит?» Но, уловив его дыхание, успокаивалась: «Спит. Пусть спит, набирается сил».

Утром она осторожно, без стука, встала, заглянула в другую комнату. Сын сидел за столом, склонившись над бумагой, и перо его бегало по белому листу.

Алексей проснулся, когда начало светать. Спать больше не хотелось. Голова была ясной, свежей, правда, ныла поясница и в мускулах рук чувствовалась легкая боль от перенапряжения.

Не вставая с постели, он припомнил все происшедшее вчера в райкоме, мысленно сказал сам тебе: «А вел ты себя правильно, Краюхин. Помнишь, как учил Ленин: самая правильная политика есть принципиальная политика. Ты не отступил от нее».

Он быстро, но осторожно, чтобы не разбудить мать, поднялся, оделся и сел за стол.

Первое, что он решил сделать, – это написать письмо Марине Матвеевне Строговой. Одно письмо о происшествии в тайге он уже послал ей. Марина Строгова была единственным человеком среди работников научно-исследовательского института, понявшим с самого начала его желание вернуться в свой район. Она не только не осудила намерения Алексея провести два-три года в районе, но публично на заседании ученого совета поддержала его.

Закончив письмо Марине Матвеевне, он принялся писать Софье Великановой. Письмо получилось сдержанным, кратким, и он подписал его официально: «А. Краюхин» вместо обычного «Твой Алеша». Он просил Софью заняться фондами переселенческого управления, имеющимися в архиве. В делах должен быть подписанный крестьянами акт о засыпанном шурфе, пробитом при поисках воды в деревне Уваровке. Событие это произошло в начале девяностых годов прошлого столетия. Он просит послать ему копию этого акта или, на худой конец, кратко пересказать его содержание.

Перед тем как запечатать письмо в конверт, Алексей задумался. Ему захотелось вдруг объяснить Софье причины, побудившие его обратиться к ней с этой просьбой. Но, поразмыслив, он решил к письму больше ничего не прибавлять. Однако, сложив листок бумаги по размеру конверта, он развернул его и ниже своей подписи дописал: «Соня, все это очень важно. Жизнь обрушила на меня тяжелые удары, против которых надо устоять. Не пойми, что я в чем-либо раскаиваюсь. Думаю, что мой допуск к архивам сохраняет свою силу и теперь». Слово «теперь» он подчеркнул жирной чертой.

Когда с письмами было покончено, Алексей вытащил из стола папку в прочном ледериновом переплете. В этой папке хранились все документы, связанные с его работой по изучению Улуюльского края. Всякий раз, когда ему приходилось отлучаться из дому, он передавал папку на хранение матери, не уставая повторять: «В случае пожара, мама, прежде всего сбереги эти бумаги».

Раскрыв папку, Алексей принялся листать и перечитывать свои записи. Они занимали пять толстых тетрадей в черных клеенчатых обложках. Многие страницы тетрадей были заняты несложными карандашными чертежами и рисунками, представляющими собой то наброски берегов рек и озер, то зарисовки примечательных чем-либо деревьев и камней.

В этой же папке хранились две карты Улуюльского края. Одна карта была вычерчена самим Алексеем. На эту карту он наносил условными обозначениями все сведения, поступавшие от населения и касающиеся природных богатств Улуюлья.

Другой картой, изрядно потертой на сгибах, Алексей дорожил особенно. Эта карта была сделана руками отца. В левом нижнем уголке карты стояла его собственноручная подпись: «Чертил Корней Краюхин».

Алексей не знал отца. В конце тысяча девятьсот девятнадцатого года, за три месяца до рождения сына, Корней Краюхин, командовавший крупным улуюльским отрядом партизан, погиб в бою с белыми.

Старожилы Улуюлья хорошо помнили Корнея Краюхина, студента Петербургского политехнического института. Он прибыл сюда как политический ссыльный накануне Первой мировой войны.

В Улуюлье большевик Корней Краюхин не прекращал революционной работы. Он объединил вокруг себя революционно настроенных крестьян и, когда свершилась революция, возглавил в Притаежном ревком Улуюльского края.

В тысяча девятьсот восемнадцатом году Корней Краюхин женился на учительнице начальной Притаежной школы Нелиде Егоровне.

Географическая карта Улуюлья – вот все, что перешло Алексею по наследству от отца. На этой отцовской карте были разбросаны какие-то обозначения, сделанные разноцветными карандашами. Вполне возможно, что эти пометки относились к периоду Гражданской войны, хотя Нелида Егоровна часто рассказывала Алексею, что его отец водил дружбу с охотниками и под предлогом обследования староверческих поселений в тайге (на это охотно шел стражник, наблюдавший за ссыльными) отправлялся путешествовать по краю. Временами Алексею казалось, что пометки на карте отца связаны с этими поездками. Кроме этих загадочных пометок на карте были написаны крупным, твердым почерком две фразы, по-видимому выражавшие девиз Краюхина-старшего: «Трудовой народ – вот кто соль земли. Не щади жизни в борьбе за его счастье!»

Не менее часа Алексей листал свои записи и рассматривал обе карты. Потом он взял лист линованой бумаги и, обмакнув перо в чернильницу, четко вывел:

«В областной комитет ВКП(б).

Решением бюро Притаежного райкома я, Краюхин Алексей Корнеевич, исключен из рядов ВКП(б). Считаю это решение райкома неправильным, отражающим его ошибочную позицию в деле раскрытия производительных возможностей Улуюлья в целом и, в частности, Притаежного района...»

Нелида Егоровна три раза заглядывала в комнату сына. В кухне на столе давно шумел самовар, еда уже остыла, и ее пришлось снова поставить в печь. Вид у Алексея был сосредоточенный, и мать не решалась отрывать его. «Подожду. Может быть, сам вспомнит, что завтракать время», – думала она.

Заглянув в комнату сына еще раз, она увидела ту же картину: он увлеченно писал.

– Алеша, – тихо окликнула мать, – ты бы покушал.

Алексей обернулся. От голода у него давно уже сосало под ложечкой, но он не догадывался, отчего это происходит, и курил папиросу за папиросой, стараясь заглушить табакотом легкую тошноту. Только теперь он вспомнил, что вчера не ужинал, а сегодня, поднявшись с кровати, сел сразу за письменный стол. Прерывать работу было жалко, но мать глядела на него обеспокоенно, и он быстро встал.

– Как же ты теперь, сын? – спросила Нелида Егоровна.

Он понял, что скрывается за этим вопросом.

– Как? Бороться, мама, нужно, доказывать.

– Доказывать?! А может, лучше отступить? Не переспоришь, и сомнут тебя, как былинку...

– Отступаться нельзя, мама, – сказал он так твердо и убежденно, что матери стало ясно: он не отступится.

– Если правду на своей стороне чувствуешь, борись! – помедлив, заключила она.

Алексей умылся и сел завтракать. Все это у него заняло не больше пятнадцати минут. Потом он вернулся к своему письменному столу и опять начал писать.

Написать заявление в обком оказалось делом нелегким. Он понимал, что всю суть необходимо изложить кратко, не загромождая излишними подробностями, что доказательства в защиту своей позиции надо выдвинуть веские, убедительные, просто и четко сформулированные.

Но именно это-то и не удавалось. Заявление получалось длинным, многословным. Только к концу дня, переписав заявление трижды, он достиг цели: заявление заняло всего пять страничек, все доводы были изложены по пунктам, как в научном трактате или тезисах политического доклада.

К заявлению он решил приложить копию своей краеведческой карты Улуюльского края.

Пусть в обкоме прислушаются, что говорит о своем крае народ. Ничего не поделаешь, что половина данных имеет легендарное происхождение, а все сообщения в целом требуют серьезной проверки. В том-то и дело, что без помощи руководящих организаций он не может поднять на своих плечах всю эту сложную и большую работу. А ведь тут идет речь не о пустяках: каменный уголь, нефть, газ, ртуть, золото – вот что значится на карте Улуюльского края. Он ничего здесь не прибавил от себя, каждая отметка имеет специальную ссылку на то, от кого она получена.

Всю ночь напролет просидел Алексей, работая над копией карты и пояснительными сносками к ней.

Утром он направился на почту и сдал свои письма.

Возвращаясь домой, он еще издали увидел, что под окнами его дома собрались ученики старших классов. Их было человек десять – пятнадцать. «Что им нужно? Неужели и они пришли выразить сочувствие?» – с тоской подумал Алексей. Он не переносил никаких соболезнований – они вызывали в нем стыд и ожесточение. Полчаса тому назад, идя на почту, он встретил инспектора районе Тележкина. Тот уже слышал о решении райкома и целых десять минут изливал свои чувства. Алексей не знал, куда деваться, и молча смотрел на Тележкина, думая о том, как бы поскорее уйти, не оскорбив старого знакомого. Выслушивать соболезнования еще раз, да тем более от учеников, у него не было никакого желания. Он сделал вид, будто не заметил ребят, и решил повернуть в переулок. Но они словно угадали его намерение и, сорвавшись с места, понеслись к нему.

– Здравствуйте, Алексей Корнеич! – звонко наперебой закричали ученики.

По их пристальным взглядам Алексей понял, что они знают о решении райкома. И Алексею было приятно, что ребята не принимали скорбного вида, не старались говорить, подобно Тележкину, сочувственными голосами.

– Доброе утро, ребята! Куда это вы направились спозаранку? – присматриваясь к ученикам, спросил Алексей.

Произошло минутное замешательство. Алексей верно угадал его причины: ребята принуждены были лгать, а это давалось им не просто.

– К вам, Алексей Корнеич, приходили. Насчет экспедиции. Скоро уж конец занятиям, а лодки мы еще не просмолили. Как бы не запоздать...

Алексей понял, что разговор о лодках ребята затеяли, чтобы иметь повод для беседы с ним.

Как ни сдерживал себя Краюхин, но преданность ребят глубоко тронула его. «А я-то не понял их, хотел убежать от встречи», – с укором подумал он о себе.

– Спасибо, друзья, что напомнили, – сказал он. – В экспедицию пойдем непременно. И знаете, куда пойдем? На Уваровские горы! Уголь пойдем искать! – с воодушевлением воскликнул Алексей.

– Вот это да! На Уваровские горы!..

– Здорово!

– Алексей Корнеич, скорей бы!

– Все будет в свое время, – успокоил учеников Алексей, распрощался с ними и пошел в школу.

Не будь сейчас в школе такой горячей поры, как подготовки к экзаменам, он немедленно отправился бы к берегам Таежной. Надо было еще и еще раз повидать старого Марья, установить с ним границы земель староверческого скита, побывать на Тунгусском холме, продвигаться в Заболотную тайгу, сходить на Березовское болото и обследовать пеньки, из которых, по утверждению Лисицына, зимой в морозы струился легкий парок. Но, к сожалению, ехать сейчас было нельзя: экзамены вот-вот, а после их окончания предстояло еще проводить торжественный вечер выпускников и традиционный весенний бал учащихся.

Алексей не спеша поднялся на крыльцо школьного здания, снял кепку и с минуту постоял, шурясь на солнце. Оно светило ярко, но свет этот был, как обычно утром, мягкий, нежный, пронизанный голубизной.

Входя в школу, он встретил в коридоре уборщицу.

– Здравствуйте, Семеновна! Наверное, я первый пришел? – спросил Краюхин.

– Нет, Алексей Корнеич! Сегодня Василий Васильич упредил вас, пожалуй, на полчаса, – сказала женщина, кивая на двери кабинета директора.

Алексей решил зайти к директору, рассказать о своей встрече с «кружком путешественников».

Открыв дверь в кабинет, Алексей понял, что директор чем-то взволнован. Он ходил из угла в угол. В руке у него трепыхался белый листок, испещренный строчками, напечатанными на машинке.

Василий Васильевич Головин был высок, худ, стриг волосы под кружок и очень походил бы на молодого Горького, если б не очки в латунной оправе, придававшие его лицу сердитое выражение.

– Доброе утро, Василий Васильич! – поздоровался Краюхин.

Директор остановился, резко повернулся, и Алексей почувствовал, что тот с трудом сдерживает негодование.

– Здравствуйте, Алексей Корнеич, – произнес, задыхаясь, директор и без остановки продолжал: – Черт бы их там всех побрал, и вас тоже! Не было беды, сами напросились...

– Что случилось, Василий Васильич? – спросил Алексей, не понимая гнева директора.

– Все то же! Полюбуйтесь и скажите: я ли выжил из ума или там кто-то рехнулся?

Головин передал Алексею прозрачный листок бумажки.

Алексей прочитал:

Приказ № 26

По Притаежному районному отделу народного образования

§ 6

Ввиду предстоящей отдачи под суд за допущение преступления, наказуемого в уголовном порядке, преподавателя географии Притаежной средней школы Краюхина А.К. с сего числа отчислить от исполнения обязанностей.

Основание: распоряжение председателя исполкома районного совета тов.

Череванова.

Зав. районо С.И. Терновых.

– Каково?!

– Я ждал этого, Василий Васильич.

– А я нет. Я буду протестовать, буду писать в облоно, министру, в ЦК... Это произвол!

– Ну что ж, Василий Васильич... – медленно произнес Алексей. – Я сейчас же уеду в тайгу. Если вздумают меня арестовывать, скажите, что я никуда не сбежал и скоро вернусь. До свидания!

Алексей вышел, осторожно прикрыв дверь кабинета.

4

– А ну, покажи, покажи, чем богат твой сад, – оживленно говорил Максим, выходя вслед за Артемом на крыльцо.

Стояло солнечное утро. Над вспаханymi косогорами, сбегавшими к селу, плавал легкий белый туман. Малорослый березняк, разбросанный между пашен то круглыми, то продол-

говатыми островками, сверкал молодой зеленью. Скворцы суетливо хлопотали у скворечен, сновали в небе, посвистывали крыльями и оглашали простор веселыми трелями.

Максим окинул взглядом перелески, пашни, прижавшиеся к селу, дома, с кутившимся на солнце нежно-розовым дымком, и остановился, шурясь.

– Вот чертовщина! Посмотрел сейчас на березняк – и представились мне эти островки деревьев пехотой. Ты смотри, как они построены вправо углом, точь-в-точь как требуется по боевому Уставу пехоты.

Артем ласково засмеялся.

– Каждому свое! А мне такое и в голову не придет. Когда я гляжу на этот березняк, другая мысль возникает у меня: не умеют у нас беречь лес! Года три-четыре тому назад здесь такой был березняк, что не пролезешь. А теперь смотри, как его повырубили. Еще год-два – и тут по косогорам будут оголенные бросовые земли. Без леса снег не удержится, дождь тоже будет скатываться, и придется посевы переносить. А все из-за головоупияства! Давно собираюсь отругать за это председателя Притаежного сельсовета, да ведь разве успеешь один везде... Ах, Максим, кадры у нас еще на местах слабые!..

– И ты понимаешь, Артем, каких это мук мне стоило, – продолжая осматривать прищуренными глазами косогоры, задумчиво проговорил Максим. – Бывало, отправишься перед наступлением на рекогносцировку, а впереди село. Смотришь на него в бинокль из какого-нибудь укромного уголка, чтоб тебя немецкий снайпер не снял, смотришь, как ворон на добычу. А село наше, русское. Несколько поколений жило здесь – радовались, печалились...

Максим остервенело потер лоб ладонью, собрал к переносью морщинки.

– За четыре года войны ко всему привык: недосыпал, жил, как крот, в земле, с опасностями свыкся, а приучиться к тому, чтоб с легкой душой команду «огонь» подавать, не мог.

– Как, по-твоему, надолго отвоевались? – спросил Артем.

– Надолго ли? Надо, чтоб надолго. Слишком глубоки раны у человечества от войны. Не дадут быстро забыть о себе...

– Ну что ж мы остановились на крыльце? Пойдем посмотрим на огород, – напомнил Артем.

– Пойдем, конечно! – сказал Максим и первым спустился с крыльца. Они пересекли двор и через калитку вышли в огород.

То, что увидел Максим, трудно было назвать садом, но и на огород это мало походило. На всей площадке, обнесенной изгородью и занимающей около гектара, вспаханной земли было меньше половины. Остальная земля была занята лесом. С правой стороны лес тянулся сразу от двора до конца изгороди, а слева он начинался за грядками и прерывался болотцем, расположенным и левом дальнем углу. Деревья тут были самых различных пород: береза, черемуха, рябина, кедр, пихта. У самой изгороди стеной росли смородина и малина. Между четырех березок-сестер на колышках стояли три улья с пчелами. Ульи походили на сказочные избушки на курьих ножках без окон и дверей. Они были когда-то покрашены охрой, но от дождей и ветра местами уже облупились.

– Видишь? – обведя рукой широкий полукруг, произнес Артем. – Все это отец сам насадил, кроме вот этих березок. Когда здоровье позволяло, проводил здесь целые дни. Тут было его опытное поле. Гляди – надписи на дощечках: «Осенние кедровые сеянцы (высевал зернами пятнадцатого сентября)», «Весенние кедровые сеянцы (высевал зернами десятого мая)». А вот тут выращивал кедровую поросль, пересаживал всходы из другого грунта. И смотри, принялись!

Они постояли возле палок с табличками, вглядываясь в надписи, сделанные химическим карандашом рукой их отца, и молча подошли к болотцу. И тут первое, что они увидели, был высокий шест с прибитой к нему дощечкой. Отец знал направление дождей и ветров и прибил дощечку так, что надпись за несколько лет почти не полиняла.

– «Пятого сентября разбросал по болотцу сто кедровых зерен», – прочитал вслух Максим надпись на дощечке, выведенную четким спокойным почерком. Он вопросительно взглянул на Артема. – И каковы результаты?

– А вот видишь, зеленеют кедрки. Конечно, их не сто, а гораздо меньше, но все-таки взошли. Помню, как он радовался, когда увидел всходы. Еще мечтал он ускорить созревание кедра, увеличить его плодородность. Пробовал он делать какие-то надрезы на стволах, но опыт не удался, кедр засохли, и он возле них чуть не плакал. И все тебя ждал, как ждал!.. – Артем помолчал, подавляя волнение. – Я часто глядя на него, удивлялся: откуда в нем бралась эта пытливость? Образования не имел, простой человек...

– Ну, как – откуда? Охотник. Почти всю жизнь прожил на природе. Это во-первых. Во-вторых, человек думающий, ищущий... – как бы размышляя вслух, не глядя на брата, сказал Максим.

– У нас в районе есть один льновод, Мирон Степанович Дегов. Вот, понимаешь, человек!.. До того знает дело, что наши агрономы учиться к нему ездят. Будем в Мареевке, я тебя познакомлю с ним. Презанятный старик! Философ! Орден Ленина за высокий урожай заработал.

– Интересно поговорить с таким человеком.

– Конечно! Ну а как, Максим, люди за границей?

– Великая там размежевка людей происходит. Лучшие люди понимают, что жить дальше так, как они живут, нельзя, и мучительно ищут выхода. А выход один – социализм.

– Социализм? Но ведь его надо им еще строить.

– В этом-то и дело.

– Им все-таки легче будет, чем нам.

– Хорошо сказал мне об этом один немец в Берлине. «Вы, говорит, строя у себя социализм, шли неизвестной лесной тропой. Нам будет легче. Ваш опыт, ваша поддержка – великая сила!»

– Правильно, ничего не скажешь! Кто же он, этот немец? Интересно...

– Бывший социал-демократ. Помнит еще Августа Бебеля.

Послышался пронзительный сигнал автомобиля.

– Ну, вот и машина! – сказал Артем.

Максим неторопливо склонился над зелеными порослями кедров, рассматривая их. Ветерок шевелил его густые волнистые волосы, сбивал пряди на лоб и глаза.

Артем остановился и, нетерпеливо переступая, ждал брата.

– А ты не пытался, Артем, разобраться в этих опытах отца? – спросил Максим.

– А в чем тут, собственно, разобраться? Посадки его бережем. Это вроде памятника ему. В прошлом году лето было засушливое, дожди выпадали редко. Сколько ведер воды Дуня сюда перетаскала, счету нет!..

– Он никаких записей не вел?

– Писал. В столе у меня целая пачка его тетрадей лежит. Собираюсь давно почитать их, да все времени нет. Посмотришь вот, как мы, районщики, живем. Иной раз подготовить настоящему доклад – и то времени не хватает, а уж о другом и говорить нечего.

– Ты дай мне эти тетради.

– Возьми... А ты не задумывался, Максим, над своей старостью? – вдруг спросил Артем, заглядывая брату в лицо.

– Нет, не задумывался. Не хочется пока об этом думать.

– Ну, значит, ты еще молод. А я уже думал. И, понимаешь, рисуется мне моя старость так: живу я где-то в тихом селе, а вернее, за селом. Я не то лесник, не то огородник, не то садовод. Что-то выращиваю полезное для людей, сам еще не знаю что.

Вокруг зелень, покой, простор.

– Неплохо! – окидывая взглядом худощавую фигуру брата, засмеялся Максим. – Выходит, собираешься идти по стопам отца?

– Вполне возможно! А ты знаешь, как он любил лес? Мы часто с ним в годы войны беседовали по душам. Начнем, бывало, разговаривать о положении на фронте, а потом незаметно перейдем и на другое. Он мне как-то раз сказал: «Ну что ж, говорит, смерть неизбежна, и она меня не пугает. А только горько мне от сознания, что я умру, а лес без меня будет зеленеть, цвести, подниматься в небо...»

Максим ничего не сказал. Артем взглянул на брата и увидел в глазах его боль.

– Ну а еще что он тебе говорил? – отводя взгляд в сторону, глухо спросил Максим... Еще? Снова послышался протяжный пронзительный сигнал. Шофер нервничал.

– Пошли. У нас будет еще время поговорить об этом, – сказал Артем и тронул Максима за рукав кителя.

Они вошли в дом и вскоре появились на крыльце вновь. В руках у Артема были брезентовый дождевик и большой кожаный портфель с замками. В портфеле, кроме папки с деловыми бумагами, помещались полотенце, мыло, зубная щетка с пастой, бритвенный прибор и маленькая подушечка-«думка» в цветной, изузоренной вышивкой наволочке. Максим нес серый резиновый плащ армейского образца и полевую сумку из грубой кожи.

Всю дорогу молчали. Максим был под впечатлением рассказа Артема. Отец вставал в памяти зримо, как живой. Максим рано вылетел из родного гнезда, и отец запомнился ему командиром партизан и строителем прииска.

Максим знал в жизни много замечательных людей, поражавших его то умом, то способностями, то бесстрашием, то преданностью в дружбе. Но всякий раз Максим с удивлением ощущал, что все эти черты он уже встречал у одного человека. Этим человеком был отец. И чем больше Максим узнавал людей, тем дороже становилось светлое чувство любви к отцу. Когда наступила пора испытаний, это чувство согревало его чудодейственным теплом далекого отцовского крова.

Сквозь березняк замелькали крыши домов, и в воздухе запахло дымом.

– Ну, вот и Мареевка. Тут живут у нас знаменитые льноводы. Куда – в сельсовет поедем или в контору колхоза? – спросил Артем.

– Как хочешь, – откликнулся Максим.

Глава пятая

1

Софья проснулась на восходе солнца. За стеклянной дверью, выходявшей на террасу, нежно зеленели черемуховые листики. Вечером сад стоял еще с оголенными ветками. Ночью под напором молодых сил почки лопнули, и кусты оделись в легкое зеленое покрывало.

«Опять прозевала!» – упрекнула себя Софья и, быстро вскочив с постели, надела халат. Давно ей хотелось (это было желание, возникшее еще в детстве) увидеть, как раскрываются почки, как выползают и распрямляются листики, услышать звуки, которые при этом наполняют воздух.

Софья вышла на террасу, спустилась по лестнице в сад и остановилась, зажмурив глаза. Сильно пахло сырой землей и пряно-горькой черемухой. Ласковый ветерок приятно освежал тело. От реки доносился мягкий шум воды, взбудораженной только что проплывшим пароходом.

По тропке, петляющей между яблонь и черемуховых кустов, Софья заторопилась на берег – посмотреть на пароход. Поблескивая в лучах солнца крутыми белыми боками, пароход удалялся вниз по реке.

На целых два километра река была заставлена лодками. Они были пришвартованы к причалу цепями, железными тросами и просто веревками. Каких только лодок тут не было! Плоскодонные и тупоносые, сбитые из простых тесин ладьи рыбаков и охотников стояли рядом с длинными, конусообразными гоночными байдарками. Морские шлюпки с раздувшимися боками покачивались на волнах рядом с солидными катерами, выглядевшими среди всей этой мелкокалиберной лодочной стаи жожаками. Ослепительно белые, как первый снег, нежно-голубые, как августовское небо, багряно-золотистые, как весенний закат, густо-зеленые, как побеги озими, лодки пестрели, сливаясь с россыпями разноцветной гальки.

Софья подошла к обрыву и, облокотясь на изгородь сада, машинально читала названия лодок: «Волга», «Байкал», «Пятилетка», «Победа», «Наука», «Олег Кошевой», «Неустрасимый», «Москва», «Севастополь»...

«А где же наша лодка?» – подумала Софья, снова осматривая берег.

Взгляд ее упал на слово «Соня». Она поспешно сделала несколько шагов вдоль изгороди, открыла калитку и побежала по утрамбованным земляным ступенькам, ведущим к реке. Но, не добежав и до половины их, остановилась в смятении: старое название лодки – «Алексей» – было замазано белым. Однако крупные буквы, написанные когда-то темной краской, проглядывали через слой белой краски, как проглядывают очертания дерева сквозь прозрачную занавеску окна. Даже новые буквы, составлявшие слово «Соня», аккуратно вычерченные на этом же месте, не могли заслонить собой старое название лодки. Черные буквы с каким-то неистребимым упорством стояли на своих местах и будто твердили одно и то же: «Алексей», «Алексей», «Алексей»!

Софья тряхнула головой, но от этого ничего не изменилось: Алексей стоял в ее глазах, и она словно слышала его голос, звонкий и веселый, видела карие, брызжащие добродушным лукавством глаза, дрожащие в улыбке полные губы, густые пышные волосы, всегда немножко растрепанные... Она повернулась и побежала по ступенькам вверх. Возле калитки, ведущей в сад, под старой березой стояла скамейка. Тяжело дыша, Софья опустилась на нее.

Ее внимание привлекли свежие стружки, валявшиеся под ногами. Она удивилась: что здесь строят? Осмотрелась, но ничего не увидела.

Мысли невольно опять перенеслись к Алексею. Скамейка, на которой она сидела, была его излюбленным местом.

Алексей... Он словно преследовал ее сегодня.

В густых ветвях дерева засвистела птичка. Девушка повернула голову и увидела то, что не заметила вначале: спинка скамейки со стороны, обращенной к саду, была выстругана рубанком. Софья встала на сиденье коленями и перегнулась, желая лучше разглядеть, зачем это сделано.

Как-то раз в солнечный день они с Алексеем выжгли при помощи увеличительного стекла афоризм «Быть человеком – значит быть борцом».

Эти слова Гёте так точно и полно передавали их представление о смысле человеческой жизни, что они решили тут же выжечь и свои имена. Теперь на спинке не было этих слов и только белел тес.

«Отец... Это он, – подумала Софья вначале как-то безразлично, с привычной покорностью, считая, что все, сделанное отцом, хорошо, но потом с беспокойством, перешедшим в чувство протеста. – Он не имел никакого права поступать так!»

Софья затруднялась определить поступок отца. «Я скажу ему, чтобы он больше этого не делал... Он...»

Решив поговорить с отцом, Софья поднялась со скамейки и по дорожке, посыпанной желтым песком, направилась к дому. Легкий ветерок раздувал полы ее халата, играл прядями непричесанных волос.

Софья завернула за угол дома и в нерешительности остановилась. На террасе перед окнами кабинета отца стоял младший научный сотрудник института Григорий Владимирович Бенедиктин. Софья никак не ожидала, что она может так рано встретиться с кем-нибудь из посторонних. Увидев Бенедиктина, она хотела повернуть назад, но Григорий Владимирович уже заметил ее и приветливо крикнул:

– Доброе утро, Софья Захаровна!

– Здравствуйте, – в замешательстве произнесла Софья.

– Вы удивлены таким ранним визитом? – спросил Бенедиктин и уголком рта выпустил дугообразную струю табачного дыма.

Бенедиктин был во всем военном: в кителе, брюках галифе, в сапогах. Сапоги были начищены до блеска. Медная пряжка офицерского ремня и колодочка орденских ленточек также отливали блеском и подчеркивали подтянутый, щегольской вид Бенедиктина, в руке он держал папиросу.

– Удивлена ли? По правде сказать, да, – призналась Софья.

Бенедиктин громко засмеялся, и теперь к блеску его сапог, пряжки и орденских ленточек добавился блеск крепких белых зубов.

– Не удивляйтесь, Софья Захаровна. Я у вас с вечера. Мы с Захаром Николаевичем кончили работать только в четыре часа. По фронтовой привычке мой сон недолог. А вы почему так рано поднялись? Утром спится особенно сладко.

Софья неожиданно смутилась, как будто Бенедиктин мог знать, какие мысли беспокоили ее в это утро.

– Я хотела посмотреть, как распускаются листья деревьев.

– Вон что! Вы хотели проследить, как жизнь природы из одной фазы переступает в другую, – подхватил Бенедиктин.

– Мне просто хотелось увидеть, как разворачивается молодой лист. А папа еще спит?

– Вероятно. Он вам нужен? Вы хотели, очевидно, поделиться с ним каким-то важным наблюдением?

– Что вы! У меня к нему небольшое домашнее дело.

Софья поспешно взбежала на крыльцо и скрылась за дверью.

Софья писала Алексею:

«Моего терпения хватило ненадолго. Торжествуй! Я пишу тебе – пишу первая. Я представляю сейчас тебя так живо, будто ты не за полтора километра, а сидишь напротив меня. В глазах твоих прыгают чертики, губы дрожат в довольной улыбке, и ее выражение твоего лица кричит: “Ага! Пишешь! Пишешь!” Как я ненавижу тебя и как я люблю тебя, Алексей, в эти минуты! Ненавижу за твое ни с чем не сравнимое упорство и люблю, представь себе, люблю за это же самое.

Не отбрасывай моего письма, не дочитай до конца. Я не собираюсь повторять в нем своих упреков, они кажутся мне теперь глупыми. Ты поступил так, как хотел, я поступила так, как могла. Мы ни в чем не уступили друг другу, и оба, вероятно, были правы. Теперь многое изменилось. Мы можем без горячности, трезво судить о своих ошибках и так же трезво избрать путь для того, чтобы избежать их.

После памятного заседания ученого совета института, на котором ты выступил против папы, он возненавидел тебя. Имей мужество признаться перед самим собой, что у папы были на это некоторые основания. Он не ждал такого удара от тебя. Припомни, как все складывалось: ты был всегда его лучшим и любимым учеником. Он видел в тебе своего будущего верного соратника и помощника по институту. Ты никогда у нас дома не высказывал своих взглядов с такой определенностью, с какой проделал это на том злополучном заседании. Твои бесконечные рассказы у нас дома о сокровищах Улуюльского края вовсе не претендовали на обоснование каких-то взглядов. Вероятно, это-то позволяло папе всякий раз совершенно беззлобно посмеиваться: “Это, Алеша, все беллетристика. Охотники мастера создавать ее. Наука требует фактов, а их и у тебя и у меня так мало!..” И мне помнится, как ты отвечал на это: “Но, Захар Николаевич, беллетристика не рождается из воздуха. Она отражает действительность”. И все. Короче говоря, ты не давал повода к настоящему научному спору. Наконец, наша дружба с тобой (я боюсь теперь употребить слово “любовь”, опасаясь, что оно может покоробить тебя) была очевидной для папы. Он видел в тебе не только прекрасного ученика, но и человека, который мог стать членом нашей семьи.

Твое выступление потрясло отца. Он не был к этому психологически подготовлен. Ты поступил слишком прямолинейно и, более того, жестоко. Но я убеждена, что отец нашел бы в себе силы простить тебе твою резкость и нетактичность, если бы ты не пошел дальше. Твой отказ от работы в институте в составе ассистентов отца окончательно восстановил его против тебя. Это была пощечина, которую нелегко перенести старому, заслуженному профессору. Мой отец не один назвал тебя за этот поступок безумцем. Это повторяли сотни людей, в том числе и близкие твои товарищи. И поистине это было безумием. Каждый здравомыслящий человек посчитал бы за честь быть приглашенным известным профессором работать под его руководством. Ты отверг это, выдвинув нелепое объяснение: “Я могу вернуться к работе в институте через два-три года, а пока я должен поехать в родной район, чтобы быть ближе к тому материалу, разработка которого может стать делом моей жизни”. Едва ли кто понял, о чем ты вел речь. Не случайно после окончания заседания ко мне подошел один из профессоров (Леонтий Иванович Рослов) и, полагаясь на нашу с тобой близость, спросил меня: “На что намекает Краюхин?” Я ответила, что ты уже несколько лет заинтересован одним районом. Наука ничего еще не сказала об этом районе, но сами жители накопили интересный материал, требующий проверки.

Затем произошел наш последний разговор. Ты предложил мне уехать с тобой. Я спросила тебя: “Зачем? Ради какой цели?” Ты снова повторил слова, которые я слышала на заседа-

нии. Я советовала тебе немедленно пойти к отцу, признаться, что вел себя ошибочно, и этим вернуть его расположение. Я обещала тебе уговорить отца более серьезно отнестись к твоим возражениям. И сделала бы это, зная его бесконечную, трогательную любовь ко мне. Но ты сам не захотел этого. Ты тогда сказал: “Соня, все, что произошло между Захаром Николаевичем и мной, ты воспринимаешь как обычную размолвку. Это не так. Это конфликт, в котором столкнулись принципы. Как тебе известно, принципы невозможно примирить, уж коль они появились, их удел – борьба”. Мне тогда показалось, что ты играешь в глубокомыслие. Я тебе сказала: “Ты ищешь, Алеша, глубины на мелком месте”. Твой ответ сразил меня: “До свиданья, Соня, а может быть, и прощай. Мы так сейчас далеки друг от друга”.

За эти месяцы я о многом передумала, Алексей. Отец долго не упоминал твоего имени, но я видела, что и он живет мыслями о тебе. Вначале он был ожесточен и с упрямством, на которое способны только старики, уничтожал все следы твоего пребывания в нашем доме. Он замазал название нашей лодки, состругал слова Гёте, выжженные нами на скамейке в саду, выбросил с террасы вешалку, сделанную тобой. Когда он спрятал твою фотографию, стоявшую на моем столе, я решила, что отец зашел слишком далеко. Я сказала ему: “Ты поступаешь настолько мелко, что я, твоя дочь, привыкшая думать о тебе как о большом человеке, начинаю сомневаться в этом. Не ожесточайся попусту. Алексея я любила и люблю. Свою волю ты мне не продиктуешь, но потерять меня можешь”.

Отец, видимо, не ожидал, что я способна сказать такие слова. Он вышел от меня как пришибленный. Я проплакала весь вечер.

С месяц отец избегал встреч со мной. Он вставал рано утром и уходил на кладбище, на могилу матери. Знакомые мне рассказывали, что он по часу, по два просиживал там в глубокой задумчивости, никого не замечая.

Потом он заболел. Однажды я вошла в его кабинет. Он лежал на диване с закрытыми глазами. Руки его были вытянуты, и пальцы шевелились, будто что-то ощупывали. Он узнал меня по шагам и, не открывая глаз, спросил:

– Ты, Соня?

– Да, я, папа. Как здоровье?

– Пустяки. Легкий грипп.

– Я вызову врача.

– Ну что ж, вызови, – согласился он. Я пошла позвонить, но он остановил меня: – Сядь, пожалуйста...

Я села на стул возле него. Он долго молчал, но я видела, что он о чем-то напряженно думает. Наконец он каким-то чужим голосом спросил:

– Ну, что твой Краюхин?

– Не знаю. Мы разошлись с ним...

– Ты что же, принесла свою любовь в жертву привязанности ко мне? – проговорил он и впервые на миг открыл глаза, в которых стояли слезы.

– Нет, папа, – ответила я, – я не хочу тебе лгать. Я люблю Алексея, но, к сожалению, не могу одобрить его ухода из института. Если б было наоборот, я ушла бы с ним. Он звал меня.

– Спасибо, Соня, за правду. Правда всегда бывает голой, как камень. Ложь подобна павлину: она имеет цветистое оперение... Но, знаешь, есть люди, которые одобряют его уход из института.

– Кто?

– Марина Матвеевна и профессор Рослов.

Я думала, что отец что-нибудь расскажет подробнее, но он долго молчал, а потом изрек по-латыни какой-то афоризм. Еще с детства я знала, что если отец прибегает к древним, – значит, он чем-то сильно взволнован, его обуревают противоречия, он ищет для своей души равновесия. Он больше меня не задерживал, и я ушла.

Теперь мне пора бы уже приступить к анализу твоих и моих ошибок. Но буду перед тобой честной, как перед собой. Твои ошибки мне ясны, а своих я не вижу...

Алешенька, милый, как бы это было замечательно, если бы ты был со мной! Как бы мне легко работалось и легко дышалось!

Последние месяцы живу одиноко и скучно. Даже на лодке перестала кататься. Все близкие и знакомые относятся ко мне с подчеркнутым вниманием, как к человеку, пережившему большое несчастье. Меня это раздражает, и я чувствую, что становлюсь несносной. Единственная отрада – это работа. Сажу в архиве чуть не по целым суткам.

Пиши, но только не из жалости ко мне. Нет ничего другого, что бы так могло унижить меня. Прощай, бурундук полосатый! Надумаешь вернуться в город – знай: я встречу тебя без упреков и всегда с радостью.

Софья.

Р. S. Письмо посылаю не перечитывая, таким, каким оно получилось. Знаю, что если начну перечитывать, то обязательно найду какие-нибудь противоречия, и тогда захочется его переписать, и отправление вновь затянется».

3

Софья вложила письмо в конверт, заклеила его и приготовилась уже написать адрес, как вдруг в дверь постучали.

– Войдите! – разрешила она.

Вошел Бенедиктин. На этот раз он был одет в штатский костюм: светло-серая тройка, пышный цветистый галстук, лаковые туфли.

– Я, кажется, вторгся не вовремя, – кивнув на конверт, проговорил он.

– Нет, Григорий Владимирович, пожалуйста. – Софья встала и придвинула ему кресло.

– Здравствуйте и спасибо. А Захара Николаевича нет?

– Да вы разве не с ним были? Он утром говорил, что вы собирались вместе в обком.

– Я уклонился от этого путешествия. В сущности, кто я? Рядовой работник. А в обкоме нужны руководители, – с чуть приметной улыбкой сказал Бенедиктин.

– Почему же только руководители? – удивилась Софья.

– С них больше спросу... А я что? Чернорабочий науки... без звания и степени...

– Вы наговариваете на себя, Григорий Владимирович. Вспомните пословицу: «Уничтожение паче гордости», – засмеялась Софья.

– О нет, Софья Захаровна. Я говорю правду. Пока Бенедиктин на фронте кровь проливал, ловкие люди не дремали: готовили диссертации, продвигались по служебной лестнице, заботясь о собственном благополучии...

– Диссертации и звания – дело наживное: сегодня их нет, завтра они появятся.

– Упрощаете, Софья Захаровна! Да, впрочем, спорить не будем, я не с этой целью пришел...

Софья вопросительно посмотрела на Бенедиктина.

– Вы, вероятно, думаете, что я скажу что-то особенное. А у меня пустяковое дело, вернее – просьба или скорее предложение. Мои приятели организуют сегодня небольшую дружескую вечеринку и поручили мне пригласить вас. Народу будет очень немного, все свои, главным образом ученики и сотрудники Захара Николаевича. Не откажите, Софья Захаровна!

– А Марина Матвеевна будет? – спросила Софья.

– Конечно! Правда, она придет несколько позже, потому что выступает с лекцией где-то в рабочем клубе, но будет обязательно, – сказал Бенедиктин и чуть приподнялся в кресле, выжидающе поглядывая на Софью.

– Хорошо, Григорий Владимирович, я согласна.

– Ну, вот и чудесно! В девять часов вечера я зайду за вами, будьте готовы! – Блеснув зубами, Бенедиктин расплылся в улыбке, встал с кресла, раскланялся, пристукнул каблуками лаковых туфель с тупыми, загнутыми вверх носками и, чуть закинув голову, вышел.

Софья закрыла за ним дверь, села к столу и размашистым почерком написала адрес на конверте. Потом она ушла на кухню, воткнула штепсель утюга в розетку и направилась к гардеробу за платьем.

Бенедиктин был точен. Он появился ровно в девять часов свежевыбритый, надушенный, в темном вечернем костюме. Софья не заставила себя ждать. Они сели в такси и через полчаса были на другом конце города.

– Поддерживаемая Бенедиктиным под локоть, Софья поднялась на крылечко небольшого деревянного дома и вошла в ярко освещенную комнату.

– Прошу знакомиться! Дочь моего учителя и шефа профессора Великанова – Софья Захаровна! – приподнято проговорил Бенедиктин. «Дочь моего учителя» было подчеркнуто, и это резануло слух Софьи.

Первой к ней подошла полная молодящаяся женщина. По-видимому, ей давно уже перевалило за пятьдесят, но одета она была не по возрасту: ярко-розовое шелковое платье с короткими рукавами, туфли на высоких каблуках, белые с красной каемкой носочки вместо чулок.

– О, как я рада видеть в моем доме дочь нашей знаменитости! – заверещала она тонким голоском.

Тотчас же к Софье бросились какие-то незнакомые мужчины и женщины в декольтированных платьях, с распущенными волосами. Все они восторженно заговорили о своем счастье познакомиться и быть в одном обществе с дочерью известного профессора.

Софья стояла смущенная, растерянная, не зная, что сказать. Она была готова уже броситься назад к двери, но послышался пронзительный голос хозяйки:

– Григорий Владимирович! Оберегайте свою очаровательную даму! Прошу к столу!

Возглас хозяйки возымел действие. Гости потянулись в соседнюю комнату, заставленную столами с закусками и винами.

– Как вас сердечно встречают! Даже завидно! – нагибаясь к Софье, прошептал Бенедиктин. Она посмотрела в его улыбающееся лицо, подумала: «Шутит».

Довольно просторная комната, куда они вошли, была заставлена таким обилием всяких вещей, что им просто не было счета, а на пианино, стоявшем в углу под прикрытием кружевных дорожек, паслось стадо мраморных слонов. Тут были экземпляры самых различных размеров и расцветок: от белых, величиной почти с кошку, до желтых и серых, размером не более одного сустава мизинца. Угловой столик был заставлен флаконами, зеркалами, коробками. Стены комнаты были увешаны коврами, а с потолка спускались парашютики: красные, белые, зеленые, голубые, желтые. На диване и кушетке лежали в цветных наволочках подушки тоже разнообразных размеров: самая большая занимала треть дивана, самая маленькая свободно уместилась бы на ладони. С первой же минуты Софья почувствовала, что это обилие вещей угнетает ее.

Гости усаживались долго и утомительно. Софье несколько раз пришлось перейти с одного места на другое. «Передвигают меня, как фигуру на шахматной доске», – пришло ей в голову. Соседом ее справа оказался все тот же Бенедиктин, а слева – хозяйка дома.

– Вы, душечка, сплошное очарование! Прелесть! – сжимая Софье руку выше локтя, зашептала хозяйка дома. – Григорий Владимирович от вас без ума, и не только он...

Она что-то шептала еще, но Софья опустила голову и старалась не слушать ее. Все, что говорила эта молодящаяся женщина, до того было льстиво и пошло, что Софье стало противно. Ей припомнился один разговор с Алексеем.

Как-то раз они вместе зашли в дом старого друга Великановых – профессора университета. То, что они увидели там, крайне поразило Алексея. Многочисленное семейство профессора, прежде чем сесть за стол, подходило к нему и поочередно прикладывалось к руке. Профессор с буддийским спокойствием восседал в кресле, ничем не выражая своего отношения к происходящему. После обеда все это снова повторилось. Приглашенные к столу Алексей и Софья сконфуженно переглядывались, испытывая острое желание скорей уйти отсюда. Когда они вышли на улицу, Алексей сказал:

– Сколько же еще у нас дикости ютится по закоулкам быта!.. Наблюдая за этой церемонией, я чувствовал себя отброшенным назад по меньшей мере лет на пятьдесят. А ведь живем на подступах к коммунизму!

Софья попыталась защищать обычаи семьи ссылкой на то, что так повелось издавна, вошло в привычку и люди исполняют ее механически, но Алексей запротестовал:

– Ты со своим примиренчеством далеко пойдешь. Учти, что это «механическое» исполнение обычаев часто лежит рядом с консерватизмом в работе.

Софья заспорила, но спорила вяло, отлично понимая, что правда на стороне Алексея. Да и профессор, которого они посетили, был известен в университете как рутинер и педант, чужавшийся всего нового.

«А что бы сказал Алеша, увидев сегодняшнее сборище? Как бы он назвал эти закоулки быта?» – думала Софья, прислушиваясь к голосам незнакомых людей.

Сразу же она поняла, что здесь собрались мужья без жен и жены без мужей. Все это обозначалось специально придуманными словечками: «мальчишник» и «девишник».

– Зачем вы меня сюда привели? – спросила Софья Бенедиктина, когда один из участников сборища уже заплетающимся языком начал произносить очередной тост.

Бенедиктин взглянул Софье в глаза и умоляющим голосом ответил:

– Упреки и вопросы потом, Софья Захаровна! Будьте милостивы!

Вслед за этим он нагнулся к сидящему рядом с ним лысоватому мужчине, и Софья слышала, как он уговаривал того произнести тост за ее здоровье и успехи.

Все уже изрядно выпили и захмелели. Лысоватый с трудом водворил порядок.

– Граждане! Товарищи! Тост первостепенной важности. Прошу внимания! Минуту внимания! – надрывно кричал он. – Я предлагаю поднять бокалы за здоровье нашей драгоценной гостьи Софьи Великановны, – с пафосом произнес он.

Взрыв смеха заглушил его слова. Софья большим усилием воли сдержала себя, чтобы не вскочить, чувствуя, что краснеет до корней волос.

Но терпение ее иссякло, когда кто-то из опьяневших мужчин предложил играть в «уголочки». Софья не знала этой игры и робко потянула за уголок платка, собранного в руке Бенедиктина. Она и не предполагала, что, по условиям игры, ей предстояло поцеловаться с лысоватым мужчиной, уголок которого оказался скрепленным узелочком с уголком платка Софьи. Вспыхнув, Софья поднялась со своего места и выбежала на улицу.

Стоял душный вечер. Собиралась гроза. Где-то за городом поблескивала молния и слышались раскаты грома. Тополевая аллея, тянувшаяся вдоль улицы, расплылась в темноте.

Софья сошла с тротуара и встала за толстый ствол тополя. Тотчас же заскрипела калитка и обеспокоенный голос Бенедиктина разнесся по всему кварталу:

– Софья Захаровна, где вы?

Софья не откликнулась. Бенедиктин крикнул еще раз, потом слышались его торопливые шаги. Он устремился в противоположном направлении.

Софья побежала, не оглядываясь. На площади она села в такси.

Когда она вошла в свой двор и направилась по дорожке между черемуховых кустов к дому, дорогу ей преградила женщина. Это была Марина Строгова.

– Соня, милая, где вы запропали? Я вас уже часа два жду. Есть очень срочное дело, – взволнованно заговорила она.

– Ой, Марина Матвеевна, вы так меня напугали! – воскликнула Софья. – Да вы разве не на лекции?

– Что вы! У меня лекции с утра.

– Но вы же собирались выступать с лекцией где-то в рабочем клубе!

– Первый раз слышу. Кто вам сказал?

Софье захотелось рассказать о Бенедиктине, о бегстве с вечеринки, но стыдливость сковала ее.

Не дождавшись ответа, Марина обняла ее за плечи.

– Соня, у Алексея большое-большое несчастье.

Софья почувствовала, как сердце ее остановилось, дышать стало трудно. Она опустилась на скамейку.

– Что с ним? – прошептала она, дрожащей рукой ловя руку Марины, в которой та держала письмо Краюхина.

Глава шестая

1

Когда шла война и люди в страшной тревоге за родину, за близких, за успех своего дела думали о будущем, о счастье общем и личном, то счастье это рисовалось им точным подобием той жизни, которая была прервана войной. Люди желали, в сущности, одного: чтобы скорейшее окончание войны восстановило их прежнюю жизнь, как бы механически продолжив ее течение с того самого уровня – не выше и не ниже, – на котором это течение так круто изменилось.

В этом представлении, как, может быть, ни в чем другом, выразилось отвращение советских людей к войне, их глубокое миролюбие, понимание ими войны как жестокого, но временного бедствия, которое, уж коли оно случилось, надо пережить и преодолеть как можно скорее.

События войны жестоко и неотвратно пронизали собой всю жизнь Марины. Она была не только активным членом того общества, которое подвергалось неслыханному испытанию. На фронте были ее муж, родной брат, десятки друзей и знакомых. Радуюсь по поводу каждой победы наших войск и с болью переживая каждую их неудачу, Марина вместе с этим патриотическим чувством носила в своей душе постоянную, никогда не покидающую ее тревогу за близких. Особенно велика была ее тревога за мужа.

Ее семейное счастье было недолгим. Марина вышла замуж в тысяча девятьсот сороковом году, в ноябре. В июле следующего года был призван в армию ее муж.

Без него Марина остро почувствовала себя одинокой. Она не представляла, как сложилась бы ее жизнь, не будь у нее работы. Труд исцелял ее от тоски и тревоги, приносил радость и удовлетворение. Марина работала, не щадя сил, не мысля, как можно было бы в это грозное время жить иначе.

Как и все люди, она много думала о будущем, то есть о жизни, которая наступит, когда враг будет разбит и восторжествует мир. Она была уверена, что развитие страны после войны пойдет еще быстрее. Опыт, который советские люди накопили в преодолении величайших испытаний, не пропадет даром. Думала Марина и о своем институте. Он будет смело решать важные проблемы народного хозяйства и преобразования природы, получит широкую возможность экспериментировать и ближе встанет к насущным потребностям большого и богатого края, а значит, и всей страны.

Личная жизнь Марине рисовалась так: она и Григорий будут, как и до войны, работать в институте, Григорий защитит кандидатскую диссертацию. Он в этом уже отстал от нее. Она поможет ему наверстать упущенное за годы войны. Потом они совершат несколько экспедиций по Сибири. Конечно, ей придется сделать небольшой перерыв в своих путешествиях и научных изысканиях...

При мысли о ребенке у Марины радостно замирало сердце.

Всю свою будущую жизнь с Григорием Марина представляла как прямое продолжение той жизни, которая была раньше. Их вынужденную войной разлуку она вычеркивала из своего сознания, как вычеркивают из письма неудачную строку. Она представляла себе Григория таким, каким он был до войны, с теми же привычками и особенностями, с теми же достоинствами и недостатками, с какими он ушел в армию. И себя Марина видела такой же, какой была она до июня сорок первого года...

2

Коллектив института праздновал День Победы. Просторный актовый зал с огромными окнами и лепными украшениями в виде гигантских чаш с цветами в простенках и венками, щедро разбросанными по углам потолка, был увешан гирляндами из пихтовых веток и разноцветными бумажными флажками. Торжественно и строго выглядела сцена, которую пересекал продолговатый стол, накрытый тяжелым красным сукном. Бюсты Маркса и Ленина, расположенные в глубине сцены, возвышались на отделанных под гранит постаментах на фоне развернутых шелковых знамен. Многоламповые люстры заливали зал молочным светом. Гремел оркестр. По широким ступеням лестницы непрерывным потоком шли люди.

В институте была неписаная традиция: на праздничные вечера с заседаниями, концертами и танцами собираться не спеша. В другом случае опоздание считалось недопустимым, сегодня же в этом не было ничего предосудительного.

Научные работники шли с семьями – женами, детьми. Все были празднично одеты, надушены, тщательно причесаны.

Марина и Григорий поднимались к входу в зал. Марина была в черном бархатном платье с белыми кружевными манжетами и таким же воротничком. На груди у нее краснела только что срезанная роза. Гладко причесанную голову охватывал витой золотистый жгут, карие глаза, красивые полуоткрытые губы, вся ее полная фигура излучали счастье. Никогда еще в жизни ей не было так радостно идти вместе с Григорием на виду у людей. Слегка выпятив грудь, в офицерском кителе, он старался быть строгим, сосредоточенным, но это ему не удавалось: губы расплывались в улыбке, и он опускал голову, боясь показаться глупым.

– Григорий Владимирович! Гриша! С приездом! Дождались наконец! Поздравляю вас, Марина Матвеевна, с праздником и со счастливой встречей! – Такими возгласами приветствовали Марину и ее мужа их старые сослуживцы.

Но особенно приятно было Марине встречаться с новыми сотрудниками института, не знавшими ее мужа. Марина знакомила их. Григорий Владимирович по-военному подтягивался, лицо его делалось непроницаемо серьезным, и он, прищелкнув каблуками, глуховатым баском говорил:

– Гвардии майор Бенедиктин!

«Батюшки, как в него въелась военщина!» – изумлялась про себя Марина.

Раздались звонки. Народ из коридоров и с лестницы потянулся в зал. Марина и Григорий тоже заспешили. Их места находились в десятом ряду у противоположной от двери стены. Проходя по узкому промежутку, отделявшему первые семь рядов, Марина слышала шепоток: «Чудесная пара!» Это ее приятно волновало. Знали бы люди, как ей сегодня хорошо!..

– Сюда, Гриша! – позвала Марина мужа, отыскав свои места. Бедный! Он пробирался между рядами смущенный, сразу вспотевший и как-то странно ссутулившийся.

– Невероятная теснота! – проговорил Бенедиктин, садясь рядом с женой. – И Марина уловила в его голосе недовольство.

Торжественное заседание открыл секретарь парткома. Минут пять ушло на избрание президиума. Большинство фамилий, называвшихся председателем, были хорошо знакомы Бенедиктину. Великанов – научный руководитель института, Водомеров – директор института, Миронов – секретарь парткома... Да, как ни сурова была война, как ни вторгалась она в каждую частичку советского организма, институт сумел сохранить свои основные кадры.

Григорий сидел, вытянув шею, чего-то напряженно ожидая.

– Строгову Марину Матвеевну! – с подъемом проговорил председатель. Зал отозвался дружными аплодисментами.

– Ну вот, а ты тащишься сюда, – сдержанно улыбнулся Бенедиктин.

– Я скоро, Гриша, приду. У нас официальная часть никогда не затягивается, – сказала Марина.

Заседание действительно продолжалось недолго. Перед концертом объявили перерыв. Марина задержалась на сцене: помогла унести стол. Когда вышла, зал уже опустел. Люди гуляли по коридорам, и в раскрытые двери зала врвался шум, похожий на шум реки в весеннее половодье.

Бенедиктина на прежнем месте не было. Марина не нашли его и в коридоре. Она бросилась в курительную комнату. Он стоял в уголке один и курил жадными, глубокими затяжками.

– Вон ты где! А я с ног сбилась, – сияя улыбкой, воскликнула Марина.

– Прости, Мариночка, варварски захотелось курить.

Муж говорил спокойно, но Марине показалось, что голос его дрогнул. «Обиделся, что я задержалась на сцене», – промелькнуло у нее в голове. Она подняла глаза, чтобы проверить свои подозрения, но встретила с его взглядом, полным любви к ней и успокоилась.

Концерт давал коллектив художественной самодеятельности института. Марине нравились такие концерты. Столько было простоты и искренности в выступлениях певцов, танцоров, музыкантов, что недостаток профессионального мастерства с лихвой восполнялся безыскусственным весельем, которое сразу же захватило всех. Потом начались танцы. Давно Марина не танцевала с таким упоением.

– Марина Матвеевна носится сегодня по залу, как ласточка на просторе.

– Еще бы! Вернулся муж, – переговаривались женщины, наблюдавшие за ней.

Григорий и Марина вернулись домой в три часа ночи. Сбрасывая с себя легкое пальто в прихожей, Марина весело сказала:

– Ну как, Гриша, наш вечер? Понравился?

Бенедиктин не спеша снял шинель, повесил ее на вешалку, в упор взглянул на Марину и спросил:

– Откровенно?

Марина удивленно пожала плечами.

– Ну конечно, откровенно.

– Чепуха! Невнятный доклад «галопом по Европам», худосочный концерт и эти старомодные танцы «до упаду»...

«Он, по-видимому, шутит. Ведь вечер был на славу. Так было всем весело», – подумала Марина. Она внимательно посмотрела на мужа.

На его полном лице не было и тени улыбки. Бенедиктин сел на табурет и, ожесточенно размахивая щеткой, смахнул пыль с ботинок. Он любил, чтоб обувь блестела.

Марине стало обидно, что муж не разделяет ее настроения, но она подавила в себе это чувство, стараясь понять, чем же он недоволен. «Уж не тем ли, что я так много танцевала с другими мужчинами?»

– Ужинать будем, Гриша? – спросила она, испытывая желание быстрее вернуть прежнее приподнятое состояние.

– Обязательно, Мариночка. Я очень проголодался, – ответил Бенедиктин и, положив щетку на полочку, направился в столовую.

3

Как и у всякого человека, у Марины Строговой существовал свой интимный мир. Этот мир складывался из тысячи таких мелочей, о которых не всегда говорят даже с самыми близкими людьми. Это были вкусы, склонности, привычки.

Марина, к примеру, не любила тесную обувь и всегда покупала туфли на номер больше. Она не переносила духов с теплым и резким запахом и покупала духи более дешевые, но непременно с нежными, холодными оттенками. Одежду она предпочитала из темных материй и не любила никаких пестрых тканей. Женщин, которые с первых минут знакомства начинали рассказывать о своих взаимоотношениях с мужьями и любимыми, она презирала. Сдержанных на слово, даже несколько косноязычных людей она предпочитала говорунам и краснобаям. Совершенно не переносила она так называемых остряков. Острословие, по ее представлениям, имело что-то общее с жонглерством в цирке и было больше сродни ремеслу, чем уму и таланту. Мягкость движений и живость черт – вот что составляло, по ее убеждениям, истинную прелесть внешности женщины. Красивые (в смысле правильности черт), но холодные, неподвижные лица вызвали в ней сожаление. Из всех цветов, существующих на земле, ей больше нравились самые контрастные: черный, белый, красный. Ее привлекали романы и повести, но она не любила читать рассказы и обычно, просматривая журналы, пропускала их. Стихи ей нравились такие, которые будили представление о высоком назначении человека, о его долге перед людьми и родиной. Из стихов о любви она выделяла лишь те, в которых очарование молодости было передано с трепетной и чистой правдой: в правде этой, казалось ей, все просто и искренне и как бы нет еще примеси опыта более поздних лет человеческой жизни.

Короче говоря, интимный мир Марины был одновременно и широк и узок.

И вот в один из весенних дней весь этот мир, составлявший, по выражению одних, натуру, а по определению других – характер, был приведен в страшное потрясение.

Поводом к этому послужило заседание научного совета института, на котором утверждалась программа летних экспедиций. Программа была разработана профессором Великановым.

Еще зимой было решено послать в различные районы области четыре экспедиции. Теперь ученый совет рассматривал объем научных исследований, которые предстояло выполнить летом и осенью. По терминологии, принятой в институте, речь шла о спецификации и профиле экспедиций.

Первая экспедиция определялась как почвоведческая. Областные организации давно нетерпеливо ждали от института почвенной карты области. Без такой карты руководящим органам области трудно было правильно размещать посевные площади под зерновые и технические культуры.

Перед второй экспедицией ставилась задача комплексного изучения водоемов, их животного и растительного мира. Сюда входили вопросы зависимости режима вод от времени года и различных климатических условий, изучение способов и средств промыслового освоения рек и озер местными охотниками и рыбаками.

На третью экспедицию возлагались поиски глин и песков для предприятий, производящих строительные материалы.

Наконец, четвертая экспедиция должна была изучить причины катастрофически нарастающего отхода ряда ценных пород леса, в особенности кедра, и определить меры борьбы с этим явлением.

Намеченная программа научных изысканий впервые практически приближалась к насущным потребностям народного хозяйства области, и ученый совет единодушно ее одобрил. В своих выступлениях научные сотрудники подчеркивали большую заслугу профессора Великанова, который на критику института в печати за оторванность от практики ответил решительным приближением к жизни.

Обсуждение вопроса о программе исследовательских работ было уже почти закончено, когда, озадачив всех присутствующих, считавших, что все уже сказано, слова попросила Марина. Суть речи Марины, изложенная вкратце в ее собственной записной книжке, выглядела так:

«1. Ценный план научных изысканий – это лишь одна сотая дела. Главное в том, как этот план будет выполнен.

2. Самое слабое место в плане научных изысканий, предложенных профессором Великановым, – это разработка путей и способов выполнения намеченных мероприятий. В предложениях профессора Великанова все сведено к усилиям самих экспедиций.

3. В плане совершенно не подчеркнута роль практиков, без привлечения которых научные изыскания будут неизбежно неполноценными.

4. Экспедиции выполняют свою задачу только в том случае, если обрстут широким активом, учтут огромные наблюдения местных жителей и проведут всю работу на массовой основе.

5. Считала бы необходимым осуществить по ряду вопросов, подлежащих исследованию, вовлечение в научную работу: а) агрономов, б) колхозных бригадиров, в) учителей, г) председателей сельских Советов и председателей колхозов, д) колхозных и совхозных опытников, с) охотников.

Речь идет о создании армии своеобразных внештатных сотрудников нашего института из числа людей, живущих в районах, территория которых представляет для нас интерес.

Например: изучение почв области требует огромных затрат и значительного времени, если это вести силами только экспедиций института. Однако если привлечь к этому практиков, вооружить их соответствующими указаниями, то в течение лишь одного лета может быть собран огромный материал для последующего обобщения в институте. Так, скажем, образцы почв с описаниями могут быть получены из сотен мест. Это удешевит стоимость всей работы, сократит сроки и вовлечет в научно-исследовательскую деятельность тысячи практиков.

Вывод: план, предложенный профессором Великановым, в той его части, где перечисляются методы исполнения задач, страдает неполнотой и должен быть серьезно пересмотрен».

Марина высказала свои соображения почти так же кратко, конспективно, как они были изложены в ее записной книжке. Когда она начала говорить, у некоторых участников заседания лица вытянулись, а в глазах профессора Великанова вспыхнула досада. Марина не рассчитывала на такое отношение слушателей и с беспокойством подумала: «Неужели я говорю что-то недельное?» Однако отступить было поздно, и она, скрывая волнение, договорила все до конца.

Речь ее совершенно не подходила к тому почти праздничному настроению, которое царило на заседании. Дослушав ее, люди, одни вопросительно, другие недоуменно, переглянулись, будто Марина действительно сказала что-то неуместное.

Наступило долгое молчание. Председатель совета – директор института Водомеров – растерянно смотрел на участников заседания, не находя слов.

– Я считаю, товарищи, я считаю, – вдруг взволнованно заговорил Бенедиктин, – выступление Марины Матвеевны по меньшей мере неудачным. Право, я не нахожу объяснений этому. Ученый совет имел уже возможность видеть, с какой глубиной поставлен Захаром Николаевичем ряд крупных проблем...

Марина не верила ушам своим. Ведь не далее как утром Григорий с пафосом сказал ей:

– Маринка, ты так выросла! Твои суждения логичны и основаны на большом знании дела.

Это было сказано по поводу выступления Марины на собрании научных сотрудников института, которое состоялось два дня назад.

Марина повернула голову, чтобы взглянуть в глаза мужа, но Бенедиктин поспешил наклониться.

– Да, да, я также не могу считать выступление Марины Матвеевны удачным, – заговорил Великанов. – Дело в том, что Марина Матвеевна упрощает работу наших экспедиций. Я отнюдь не против привлечения практиков. Мы и существуем затем, чтобы освещать путь практикам, но не следует смешивать наши задачи и методы с задачами и методами практиков. В этом, дорогие мои коллеги, вечно существовала и будет существовать колоссальная разница. Наука есть наука, практика есть практика. Нашим экспедициям, безусловно, придется встречаться с

практиками, но вы сами понимаете, что вовлекать широкие слои практиков в научные эксперименты едва ли целесообразно. Эксперимент может провалиться, и наука будет дискредитирована в глазах практиков. Мы должны, уважаемая Марина Матвеевна, быть очень осторожными и не спешить там, где требуется беспристрастный, спокойный взгляд исследователя.

Марине захотелось немедленно возразить. Она посмотрела на профессора Рослова. Тот сидел в углу, обхватив сильными руками колено и закусив клочок своей длинной черной бороды. Вид у него был неподступно суровый. «Кажется, и Леонтий Иванович недоволен моим выступлением», – подумала Марина и подавила в себе желание выступить еще раз.

Когда заседание ученого совета было закрыто, Марина, не ожидая Григория, пошла домой. В коридоре ее догнал профессор Рослов. Он бережно взял ее под руку.

– Вы домой? Вас подвезти? – спросил он.

От всего, что только что произошло, у Марины остался на Душе горький осадок. Было обидно, что не посчитались с ее предложениями, над которыми она столько думала, особенно было больно за бестактное, поспешное выступление Григория. Хотелось побыть одной, подумав о всем случившемся.

– Благодарю вас, Леонтий Иванович! Мне нужно зайти еще в лабораторию, – сказала она, пряча глаза.

Вероятно, она чем-то выдала свое состояние, и Рослов угадал его.

– Не смею мешать! – Он на ходу порывисто и горячо пожал ее руку. В этом движении было столько сердечности, что она убежденно подумала: «Нет, Леонтий Иванович не мог осудить мое выступление». От этой мысли ей стало легче, и она пожалела, что отказалась ехать вместе с профессором.

4

Когда Марина, устав от долгого хождения по городу, с трудом поднялась по лестнице на третий этаж и позвонила, Григорий, делая испуганное лицо, бросился ей навстречу.

– Мариночка, нельзя же так! Три часа ты заставила меня думать черт знает что!..

Он обнял ее, но Марина решительно отвела его руки.

– Днем ты публично надавал мне пощечин, а вечером проявляешь такое внимание.

– Я знал, что ты будешь сердиться, знал! И тем не менее я решился на этот шаг во имя наших общих интересов.

Бенедиктин отступил, стряхивая с костюма ворсинки. Впервые пристрастие мужа к аккуратности вызвало в ней раздражение.

– Что ты прихорашиваешься? Можно подумать, что мое пальто в грязи. – Марина прошла в другую комнату.

– Я тебе все объясню, Мариночка, имей терпение выслушать меня, – проговорил он, неотступно следуя за ней.

– Ну, пожалуйста, говори, говори, сколько тебе захочется!

– Видишь ли, Марина. – Бенедиктин старался придать своему голосу особый оттенок проникновенности. – Я давно заметил, что в твоём характере есть какая-то доля безрассудства. Я затрудняюсь сказать, из каких свойств твоей натуры это проистекает...

– Ты изъясняешься, как изысканный дипломат, – усмехнулась Марина.

– Не иронизируй, пожалуйста. Я говорю о серьезных вещах, – обиделся Бенедиктин. – Я не буду припоминать других случаев, когда безрассудство брало верх над твоим разумом. Но вот сегодня... Твое выступление можно сравнить с прыжком в омут. Ты критикуешь планы экспедиций и совершенно не учиываешь, что это детище Захара Николаевича. Старик влюблен и эти планы, он два месяца только об этом и говорил.

– Ну и что же дальше? – спокойно спросила Марина.

– Что дальше? – запальчиво подхватил Бенедиктин. А хотя бы то, что Великанов – научный руководитель института, а мы с тобой – просто научные работники. Наконец, – воодушевляясь еще больше, продолжал Бенедиктин, – ты должна учитывать, что осенью я собираюсь защищать диссертацию. Захар Николаевич, по всей вероятности, будет официальным оппонентом. Хотя моя диссертация несколько не соответствует его специальности, он обещал мне все это уладить. Он же будет подбирать и других оппонентов...

– Но какое отношение имеет все это к моим замечаниям по планам экспедиции? – не скрывая раздражения, которое все сильнее овладевало ею, спросила Марина.

Бенедиктин даже поперхнулся.

– Ты не прикидывайся, Марина, дурочкой. Ты все великолепно понимаешь. Тебе так же, как и мне, прекрасно известно, что все в жизни решают люди, а поскольку это так, надо уметь с людьми строить отношения.

– Извини! Пресмыкаться и угодничать перед Великановым я не буду! – выкрикнула Марина. Лицо ее пылало, обычно доверчивые и добрые глаза гневно искрились.

Бенедиктин старался не встречаться с ней взглядом.

– Ты, во-первых, успокойся и не кричи, – тихо произнес он.

– А ты не предлагай мне того, что не выносит моя душа, – перебила его Марина, порывисто сбрасывая с себя шляпу и шарф.

– Я предлагаю тебе только благоразумие... Благоразумие никогда не вредило людям...

– От твоего благоразумия один шаг до подхалимства.

– Но это же невыносимо! – закричал Бенедиктин. – Ты не имеешь никакого права бросать мне таких упреков! В конце концов я прошел жизненную школу не меньшую, чем ты, и не тебе учить меня поведению. Партия и фронт...

– Да брось ты, Григорий, кичиться своей партийностью и фронтом! – Марина, не глядя на мужа, стоявшего в позе неутомимого спорщика, вышла.

В кабинете она села в глубокое кресло, откинула голову на спинку и закрыла глаза. В висках тупо ныло.

Такой резкой стычки с мужем у нее никогда еще не было. Правда, это зависело только от нее, – в этом можно было теперь сознаться честно и прямо, не кривя душой перед собственной совестью.

С тех пор как Григорий вернулся из армии, он давал ей уже не один раз повод для ссоры. На днях в присутствии Софьи Великановой и профессора Рослова, пришедших вечером к Марине, чтобы обсудить положение Краюхина, Григорий бестактно влез в разговор. Не зная существа расхождений Краюхина с профессором Великановым, только услышав, что речь идет о происшествии в тайге, он безапелляционно заявил:

– Я не понимаю, чего вы носитесь с этим Краюхиным? Мне совершенно очевидно, что его потолок – сельская школа. Он не случайно выбрал себе этот удел.

Марина, сидевшая рядом, многозначительно посмотрела на мужа.

По ее рассказам он знал, что Софья любит Краюхина, но не захотел с этим посчитаться, хотя и догадался, что означал взгляд жены.

– Обладатель настоящего характера и подлинного интереса к науке так не поступит, – продолжал Бенедиктин. – Покинуть институт и уйти от такого научного руководителя, как Захар Николаевич, мог только неумный, самовлюбленный недоучка.

– О любезный коллега, – сказал тогда профессор Рослов, – Алексей Корнеич Краюхин – человек большого разума и редкой целеустремленности. Вы глубоко ошибаетесь...

– Нет и нет, – протестовал Бенедиктин. – Я тоже немало повидал людей в таких положениях, о которых вы здесь, в тылу, не имели даже представления. Это многому меня научило. И Краюхин мне ясен более, чем кому-либо.

После этих слов все замолчали. Софья до того была обижена за Алексея, что слезы навернулись на ее глаза. Профессор Рослов также не захотел продолжать спор.

Когда Софья и Рослов уехали, Марина, сдерживая возмущение, сказала:

– Зачем ты, Гриша, так резко отзывался о Краюхине? Я же тебе говорила, что Софья любит его, а Леонтий Иванович очень ценит.

– Видишь ли, Мариночка, я убежден, что легенде о Краюхине пора положить конец. Она вредит Софье Захаровне, и Рослову, и даже тебе...

Припоминая теперь все это, Марина говорила себе: «Во всем, во всем виновата моя непоследовательность. Сегодня на заседании ученого совета нужно было не отступать, а добиваться, чтоб мои предложения были рассмотрены. Ведь они справедливы... Безусловно, справедливы...»

У нее возникла мысль пойти посоветоваться с Максимом.

Марина подошла к столику, на котором стоял телефон, и набрала номер. Долго никто не отзывался, и Марина собралась уже положить трубку, как вдруг послышался детский голос. Говорила дочь Максима, двенадцатилетняя Ольга.

– Оленька, ласточка моя, папа приехал? – спросила Марина.

– Нет, папа прислал телеграмму, что задержится.

– А мама где?

– Мама улетела сегодня на санитарном самолете в Притаежное. Она так ужасно торопилась, что не смогла даже заехать к вам.

– А что, срочный случай?

– Нет, тетя Мариночка. Самолет повез лекарство на лесозаготовки, и мама решила, что лететь лучше, чем трястись на машине.

Девочка так точно воспроизвела не только слова, но и интонацию матери, что Марина рассмеялась.

– Ну, заходи ко мне, ласточка. Ты что сейчас делаешь?

– В своем шкафу с Сережей книги прибираю.

– Вот молодец!

– К нам приходите! – крикнула девочка.

Марина опустила трубку на рычаг и долго стояла, не снимая руки с аппарата. Разговор с племянницей наполнил душу новыми, тревожными и смутными чувствами. Как о постороннем человеке, Марина подумала о себе: «Еще год-два, а там рожать будет поздно, останусь, как говорила мама, пустоцветом».

На днях Марина спросила мужа, хочет ли он иметь ребенка. Григорий долго молчал, морщил лоб, потом сказал:

– И да и нет. Да – потому, что ребенок – живое воплощение нашей с тобой любви, а нет... «Нет» подсказывает благоразумие. Ты видишь, какая опять складывается международная обстановка. Едва ли долго удержится мир. А я же солдат... мое место на поле брани... Оставлять тебя одну с ребенком... Нет, это, кажется, не очень разумно...

«В его отношении ко мне слишком много рассудочности. Вот и сегодня, выступая на совете, он как будто руководствовался какой-то статьей или параграфом. С ним надо серьезно поговорить. Он идет не той дорогой», – подумала Марина, все еще стоя у телефона.

Напротив, на столе, в простенькой рамке стояла ее любимая фотография. Снимок был десятилетней давности. Она была тогда еще аспиранткой.

Однажды, гуляя по городу с Артемом и Максимом, они решили сфотографироваться. Позы получились простые, безыскусственные, и снимком этим особенно дорожили в их семьях.

«После смерти мамы нет у меня никого ближе их, – глядя на лица братьев, продолжала размышлять Марина. – Видимо, поэтому-то, когда мне горько и тяжело, я особенно хочу

видеть их. Артем... Артюша... отзывчивый характер, веселый, общительный нрав... Максим... И упрямый, и суровый, и сдержанный... Уж не написать ли им обо всем, что произошло? Ну конечно, написать! Кто же еще даст мне совет?..»

Она взяла лист бумаги, ручку, обмакнула ее в чернильницу и задумалась. О чем же она будет писать? О том, что по слабости своего характера она не настояла на обсуждении ученым советом своих предложений? Или о своей ссоре с Григорием? Или, может быть, о том смятении, которое сегодня вторглось в ее душу? Нет, писать пока было трудно. Ее чувства и мысли неслись бурным потоком, и сейчас еще невозможно было разобраться в них. «Писать подожду», – решила Марина. Она отодвинула от себя бумагу и, закрыв глаза, откинулась на спинку кресла.

Когда в дверь раздался стук, она открыла глаза, подняла голову и не могла понять: долго ли она так просидела? Вошел Бенедиктин тихо, робко. Черные волосы растрепаны, ворот рубахи небрежно расстегнут, в глазах сквозило смущение. Марина первый раз видела его таким. Оттого, что он был не подтянут, не причесан и весь его облик не выражал обычной самоуверенности, в ней шевельнулось сочувствие к нему: «Милый, он так страдает!» В нем было сейчас то, чего ему так не хватало раньше: простота обыкновенного человека. В эту минуту она готова была простить ему все ошибки.

– Ну что? Все дуешься на меня? – спросил Бенедиктин, не решаясь пройти вперед. Тон этих слов был заносчивый и сухой, и миг исчезло все то, что тронуло сердце Марины.

– Ах, Гриша! Ты думаешь, что я десятилетняя девочка? – вздохнула Марина и отвернулась.

– Ну вот, слушай, Мариночка, что я тебе скажу, – миролюбиво проговорил он, выходя на середину комнаты. – Пока ты сидела в кабинете, я припомнил все обстоятельства происшедшего. Я, конечно, виноват перед тобой и глубоко не прав. Мне, как видишь, не чуждо чувство самокритики. На совете я выступил зря. Великанов и совет и без меня разобрались бы в твоих предложениях. Ты меня прости. Я извлек из всего, что произошло сегодня, серьезный урок на будущее.

Бенедиктин прошелся по кабинету, остановился около Марины и посмотрел на нее долгим, упорным взглядом.

– Ты удовлетворена? – спросил он.

Его напористость не раз ошарашивала и обескураживала ее.

– Ты удовлетворена? – повторил он, и так, чтобы вызвать у нее ответную улыбку.

Губы Марины дрогнули. Это была не улыбка, а скорее судорога – отражение ее нестройных, противоречивых дум и чувств.

Но Бенедиктин не стал гадать об этом.

– Ну, вот и прекрасно, вот и замечательно! – воскликнул он. – Я знал, что ты не будешь мелочиться. Я верил, что ты останешься большим человеком!

Бенедиктин опустился перед ней на колени, забормотал что-то ласковое, невнятное, очень напоминая в этот момент мурлычущего кота. Марина сидела не двигаясь. Бенедиктин приподнялся, слегка толкнул ее головой. Он вызывал ее на ласки, и Марина поняла это. Она положила руку ему на голову, и Бенедиктин затих. Марина по-прежнему сидела спокойно, и пальцы ее руки не чувствовали его тепла, как будто лежали на неживом предмете.

Глава седьмая

1

Самолет, сделав круг над зеленой тайгой, опустился на продолговатую поляну, сжатую с двух сторон лесистыми холмами.

Из поселка со звучным названием Главная Гавань, расположенного в сосновом бору, бежали люди. Они размахивали руками, бросали вверх шапки, криками приветствовали пассажиров, вышедших из самолета. Его появление всегда было в этом таежном углу большим праздником. Самолет привозил газеты, письма, кинокартины; с ним прилетали из областного центра лекторы, представители треста и различных ведомств, новые работники на лесоучастки, разбросанные по всему верхнему течению реки Таежной.

Анастасия Федоровна вышла из самолета последней. Она задержалась, договариваясь с командиром экипажа о возвращении в город. Вылет намечался на утро. Этот срок вполне устраивал Анастасию Федоровну. Вечером она предполагала произвести медосмотр рабочих, направлявшихся на плоты в далекий рейс – в устье Таежной, снабдить их аптечками, популярными медицинскими брошюрами, наставлениями о мерах первой помощи, поинтересоваться работой фельдшерского пункта, а наутро вылететь домой. Правда, где-то здесь, в этом районе, находился Максим. Он был, вероятно, в Притаежном, у брата. Хорошо бы повидать мужа, Артема с Дуней, но до Притаежного было далеко, и Анастасия Федоровна старалась об этом не думать.

Когда она вышла из самолета, вокруг него собралась уже толпа. Над поляной стоял говор. Пассажиров сразу же окружили, горячо расспрашивали о жизни города. Окинув глазами людей, Анастасия Федоровна увидела в толпе худенького сутулого старичка с обвисшими украинскими усами. Это был местный фельдшер Галушко.

– Демьян Романыч! Милый! – кинулась к нему Анастасия Федоровна.

Разговаривая в самолете с командиром экипажа о вылете обратно, Анастасия Федоровна подумала: «Единственно, что меня может задержать, – это отсутствие Галушко», но фельдшер был на месте, и Анастасия Федоровна, увидев его, обрадовалась. Желание ее как можно скорее вернуться домой имело свои причины: на днях у детей должны были начаться экзамены. Хотя дочка училась хорошо и для тревог оснований не было, Анастасия Федоровна все-таки беспокоилась за нее. Учебу девочка начала в Новоюксинске, где все военные годы, вплоть до приезда Максима, Анастасия Федоровна работала заведующей райздравом.

Галушко знал Анастасию Федоровну не первый год. Много раз они встречались в области на совещании работников здравоохранения. Кроме того, в годы войны Галушко изредка навещал Анастасию Федоровну в Новоюксинске, зная, что запасливая, распорядительная заведующая райздравом может ссудить его кое-какими дефицитными лекарствами и материалами. И хотя Главная Гавань входила в другой район, Анастасия Федоровна помогала старику всем, чем могла.

Из приказов по облздравотделу Галушко уже знал, что доктор Анастасия Федоровна Соколовская-Строгова назначена инспектором лечебного сектора. Поэтому, увидев Анастасию Федоровну, старый фельдшер не удивился ее появлению и радостно пошел навстречу. На всю огромную таежную округу Галушко был единственный медик и, как всякий специалист, преданный своему делу, мучительно тосковал по разговорам на свои специальные темы. «Как хорошо, что она прилетела! Уж теперь я все свои вопросы и сомнения перед ней выложу», – подумал Галушко, приближаясь к Анастасии Федоровне.

– Милый Демьян Романыч! – торопливо заговорила Анастасия Федоровна. – Вы все такой же! Ни капельки не постарели, стали даже свежее! А ведь не видались мы два года.

Анастасия Федоровна крепко сжала жилистую, сухую руку фельдшера, задерживая ее в своей руке.

– Родная Анастасия Федоровна, бесконечно рад видеть вас! – воскликнул Демьян Романыч, снизу вверх заглядывая ей в лицо. – А вы еще больше расцвели и похорошели. И лет вам ваших никак не дать! Ну, прежде всего поздравляю с возвращением мужа...

Они направились к поселку. Когда аэродром и самолет скрылись за лесом, выяснилось, что улететь утром Анастасия Федоровна не сможет: три дня тому назад с верховий Таежной начался молевой сплав, и люди уже вышли в рейс.

– Как же это могло случиться, Демьян Романыч? В такой долгий путь рабочие ушли без медикаментов и медицинского осмотра, – обеспокоенно сказала Анастасия Федоровна.

– Осмотр был, – несколько обиженно ответил Галушко. – Я не зря получаю тут государственные деньги. А вот лекарствами снабдить людей я не смог. Задерживать отправку рабочих из-за лекарств я тоже не вправе. Люди вышли в плавание на пять дней раньше срока. У вас там, в области, не понимают, что ли, что люди сами вносят в жизнь серьезные поправки?

– Ах, Демьян Романыч, как вам только не стыдно говорить такие слова: «У вас там, в области»! Да я в области работаю, как вам известно, без году неделя, – рассмеялась Анастасия Федоровна.

– Вот потому-то я и говорю вам об этом. Вы свежий человек там, и вам легче учесть требования низов, – с улыбкой сказал Галушко и, вздохнув, добавил: – Будем верить, Анастасия Федоровна, в счастье людей, которые ушли в долгий путь. Это крепкие, отборные люди, выросшие в лесу и на воде, и да минует их горькая участь болящих!

– О нет, Демьян Романыч, в счастье «на авось» я не верю. Это самое непрочное счастье. Давайте думать, как и где перехватить нам сплавщиков и сделать все, что мы не сделали здесь.

Галушко посмотрел на Анастасию Федоровну с изумлением. Он многое слышал о ее настойчивости, по никак не предполагал, что Анастасия Федоровна не отступит и в этом случае.

Вместо того чтобы идти к маленькому аккуратному домику медпункта, она направилась в сплавную контору. Галушко последовал за ней. Спустя час они вновь оказались на улице поселка. Шли они быстрее прежнего и разговаривали озабоченно. Возле домика медпункта Галушко покинул Анастасию Федоровну, и та еще более торопливо направилась к почте. Тут она попросила у кассира бланк для телеграммы и поспешно, как давно обдуманное, написала:

«Высокоярсск областной, научно-исследовательский институт, Марине Строговой.

Неожиданно командировка затягивается. Отправилась в тайгу. Прошу последить экзамены Оли, не забыть Сережу. Целую. *Настя*».

2

К исходу дня Анастасия Федоровна с трудом передвигала ноги. Впереди устало вел коня за повод мешковатый Галушко. Конь был нагружен высокой пирамидой из коробок и ящиков с лекарствами.

– Очень длинные у вас, Демьян Романыч, километры, – сказала Анастасия Федоровна жалобно.

– Теперь уже скоро, – отозвался фельдшер. – А насчет длины таежных километров вы справедливо заметили. От Главной Гавани до стана Лисицына считается пятнадцать – восемнадцать километров, да только счет этот ведется не по затратам сил человека. Километр асфальта и километр тайги – это величины для пешеходов неравнозначные. Видели, какая дорожка тут! На каждом шагу колоды, кочки, чаща. Одно надо обойти, другое перешагнуть, третье взять

приступом, – ведь на все это нужны силы. Вот и выходит, что вместо пятнадцати километров мы прошли с вами по меньшей мере тридцать.

– Изнемогаю, Демьян Романыч, – чуть не плача, говорила Анастасия Федоровна, вытирая платочком потное лицо.

– А вы любуйтесь природой, любуйтесь, Анастасия Федоровна. Глядите, какая вокруг прелесть! Какие кедр! Я считаю, что нет прелестнее этого дерева. Охотники правы, назвав кедр «королем сибирских лесов». А посмотрите, какое сегодня небо: высокое, голубое...

Внезапно тайга огласилась громким лаем собаки.

– Ну вот мы и у цели! – бодро воскликнул фельдшер.

На тропу, тянувшуюся узкой полоской, с холмика навстречу им вышла девушка.

– Кто там, Уля? – послышался голос человека, скрытого за деревьями.

– Нет, тятя, не Алексей Корнеич, – упавшим голосом сказала девушка, разглядывая исподлобья незнакомцев.

Из всех дарований, присущих людям, Анастасия Федоровна обладала одним из самых ценных: она испытывала жгучий интерес ко всем, с кем сталкивала ее жизнь. И оттого, что она обладала жадой общения с другими, она сама становилась для них желанной и нужной.

Лисицын, увидев у себя на стане Анастасию Федоровну, насторожился. С первого взгляда он понял, что эта женщина из города и в тайгу ее привела какая-то крайняя необходимость. Об этом прежде всего говорила ее одежда: светлое пальто, перекинутое через руку, шелковое зеленое платье. Все, все было нездешнее – городское, непривычное для глаза таежника. Но зато в облике ее чувствовалось что-то такое, что невольно располагало к ней. Ее серо-синие глаза смотрели мягко, ласково и с приветливой пытливостью. Высокая грудь, яркий румянец, проступавший сквозь смуглую кожу лица, стремительные движения были признаком крепкого здоровья, которым обладала эта женщина.

– Здравствуйте, дядюшка, здравствуйте, милая девушка, принимайте незваных гостей, – торопливо, как человек очень занятый и спешащий по неотложному делу, сказала Анастасия Федоровна, сбрасывая с руки пальто на кучу дров, лежавших неподалеку от костра.

– Здравствуйте, хорошие люди! С доброй ли, с плохой ли вестью – садитесь. У нас всякий – гость, – пригласил Лисицын, про себя подумав: «Кто это такая? Уж не по Алешиному ли делу заявила? И где он сам-то затерялся?»

Увидев, что незнакомая женщина озирается, отыскивая место, где можно было бы сесть, Лисицын велел Ульяне принести из зимовья табуретку. Но женщина запротестовала, поспешно опустилась на чурбак и первым делом сбросила с ног туфли.

Галушко привязал лошадь к черемуховому кусту, росшему у самой кромки берега, и подошел к костру.

– Давайте знакомиться, – сказал он и подал Лисицыну руку. Хотя на ногах у Галушко были мягкие бродни, удобные для дальних дорог, но годы брали свое. Он потоптался и сел прямо на землю рядом с Анастасией Федоровной, чувствуя предельную усталость.

Лисицын нетерпеливо посматривал то на Галушко, то на женщину.

– Откуда и куда путь держите? – спросил он и, вытянув худую шею, замер в ожидании ответа.

– Сплавщики, дядюшка, мимо вас не проходили? – в свою очередь, спросила Анастасия Федоровна и даже приподнялась, обеспокоенная мыслью: «А вдруг скажет, что уже прошли?»

Лисицын понял, что прибывшие на его стан люди никакого отношения к делам Алексея не имеют.

– Да нет, пока лес не проходил. Уля вот, дочка моя, была поутру на Дальней курье, жерлицы осматривала, видела, как плотовщики по кольцам реки пробиваются. Ведь она, Таежная-то, в этих местах как пьяная: то в одну сторону бросится, петель навьет, то в другую кинется. От Главной Гавани до нашего стана не больше двадцати километров, а по реке в пол-

тораства не сложишь. Да еще перекааты да заломы. Тут рысью-то не проплывешь... А вам что сплавщики-то? Не плыть ли уж куда вздумали?

– Нет, плыть некуда, а встретить людей необходимо, – сказал Галушко, выпрямляя ноги и опираясь спиной на чурбак, на котором сидела Анастасия Федоровна. – Медики мы. Это вот доктор из города, я – заведующий медпунктом в Главной Гавани. Люди ушли в путь без лекарств, не было даже ваты и бинтов. А вчера вот на самолете докторша из города прилетела. Мы и кинулась, значит, сплавщикам наперерез.

Лисицын, выслушав фельдшера, украдкой взглянул на Анастасию Федорову и с почтением подумал про нее: «Ишь ты! По ухватке видно, что умна». Потом он перевел взгляд на Ульяну, многозначительно нахмурился и, понизив голос, произнес:

– Ульянушка, дочка, гости с дороги. Ты возьми ведро, сбегай к садку выбери стерлядь покрупнее.

Ульяна неотрывно смотрела на Анастасию Федоровну. Доктор. Из города... Полет на самолете... Погоня за сплавщиками... Это был совсем-совсем другой мир: далекий, таинственный, увлекательный. «Какая же она замечательная, смелая и красивая!» – думала Ульяна. Она не слышала, что ей говорил отец, но переспрашивать не стала: Ульяна и сама знала, что надо делать, когда на стан приходят гости.

Она взяла котелок, завороневший на смолевом дыму костра, длинный острый нож и быстро исчезла под яром. «Как же хорошо-то, что она пришла к нам! Дедушку полечит...» – пронеслось в мыслях Ульяны. Светлое чувство радости словно омывало ее душу. Ульяна понимала, что ей радостно не только потому, что доктор полечит дедушку, – что-то еще радовало ее.

Когда Ульяна через несколько минут возвратилась, Анастасия Федоровна сидела у костра одна. Отец и усатый фельдшер бережно снимали со спины лошади коробки и ящики и складывали их под навес на полку. Услышав шаги Ульяны, Анастасия Федоровна подняла голову, и Ульяна поймала ее взгляд. Как и при первой встрече, этот взгляд был такой пытливый и ласковый, что казалось, он проникал до самого сердца.

– Как же вас зовут, милая девушка? – спросила Анастасия Федоровна.

Ульяна мгновенно залилась краской, вся душа ее от этого проникновенного голоса незнакомой женщины встрепелась.

– Ульяной зовут меня, а больше все Улей, – давась словами, едва слышно ответила она.

– Очень хорошо! Я люблю простые русские имена. Может быть, потому, что меня тоже зовут просто: Анастасия, Настя...

– Батюшки! Вот уж как называли! – с искренним изумлением воскликнула Ульяна. Ей казалось, что эта женщина, поразившая ее своей внешностью, должна была носить какое-то исключительное имя. Такие имена нередко встречала она в старых романах: Цецилия, Клеопатра, Анжелика...

– А что, разве не подходит ко мне это имя? – с лукавством в голосе спросила Анастасия Федоровна.

– Ну, конечно, не подходит. Красивая и умная, а зовут по-простому: Настасья, – улыбаясь одними глазами, сказала Ульяна.

Анастасия Федоровна засмеялась:

– Вот Ульяна – тоже имя простое, а уж не красавица ли вы?

Ульяна зарделась, но оцепенение, которое сковало ее несколько минут тому назад, бесследно исчезло. Ей стало весело, и она рассмеялась звонко и непринужденно.

– Вы, Уля, чем же здесь занимаетесь? Готовите отцу обеды? – спросила Анастасия Федоровна.

– Что вы! Обеды – это между прочим. Охочусь я, рыбачу. Осенью по чернотропью добываю белок, колонков, куропаток, рябчиков.

Рассказывая, девушка проворно исполняла свое дело: повесила котел с рыбой на таган, подбросила дров в костер. Анастасия Федоровна наблюдала за Ульяной с удовольствием – та делала все быстро и ловко. Под ситцевым розовым платицем угадывалось гибкое, сильное тело, проступали мускулы рук и упругая грудь.

– Не скучно вам жить в тайге? – поинтересовалась Анастасия Федоровна.

– Да кто же из охотников скучает в тайге? Тут только с виду однообразно, а присмотришься, прислушаешься – такая кипит жизнь – удивление!

К костру подошли фельдшер и Лисицын.

– Анастасия Федоровна, – обратился к ней Лисицын, – вы не пользуетесь каким-нибудь снадобьем старика нашего?

– О ком вы говорите? – Анастасия Федоровна, недоумевая, осмотрелась вокруг.

– Старик тут с нами живет, Марей Гордеич. Он мне вроде родного отца. Да вот занемог...

Лисицын не успел договорить. Дверь избушки раскрылась, и все увидели Марея. Он был без фуражки, в длинной рубахе без пояса, в полушубке, накинутом на худые плечи. Анастасия Федоровна смотрела на старика, не отрывая глаз. Внешность этого человека поразила ее. Старик был красив той особенной красотой, которая выпадает в старости на долю немногих.

– А я уснул, Миша. И приснилось мне, будто на стан к нам пришли незнакомые люди. Очнулся, глаза открыл, слышу за стеной чужие голоса. Лежу и никак не могу понять: не то это сон продолжается, не то явь...

– Явь, Марей Гордеич, да еще какая! – воскликнул Лисицын. – Таких гостей у нас еще никогда на стану не бывало.

– Нет лучше гостя в свете, чем добрый человек, – промолвил старик и, сделав два шага, остановился. – Мир вам и благоденствие, добрые люди! – слегка поклонился он Анастасии Федоровне и Галушко.

Необычность приветствия тронула Анастасию Федоровну, она поднялась и тоже поклонилась старику.

– Здравствуйте! – произнесла она громко. Ей хотелось добавить к слову «здравствуйте» что-нибудь такое, что могло бы сделать ее приветствие более теплым и сердечным, но подходящих слов не нашлось. Имени и отчества старика она не запомнила, а назвать его просто «дедушкой» ей показалось неудобным. Старик не походил на тот тип старых мужчин, для которых домашнее прозвище «дедушка» было вполне уместным. Он скорее напоминал убежденного сединами путешественника-исследователя или мыслителя.

– Это доктора к нам приехали, Марей Гордеич, – сказал Лисицын.

Старик не удивился, а только посмотрел на Анастасию Федоровну и Галушко испытующим взглядом.

– Кого же лечить здесь будете?

– Вас начнем лечить, Марей Гордеич, а потом сплавщиков лекарствами снабжать будем.

– Душевно благодарен вам. В жизни редко приходилось мне бывать у докторов, чаще всего сам себе доктором был, – задумчиво произнес старик.

– Знобит вас? – спросила Анастасия Федоровна.

– Временами.

– Пройдемте в помещение, я выслушаю вас. – Анастасия Федоровна взяла портфель – там лежал стетоскоп.

Марей и Анастасия Федоровна долго не появлялись. Рыба почти сварилась, и Ульяна сдвинула котел с большого огня. Чайник с кипятком булькал, урчал, постукивал крышкой, как живой. Костер изредка потрескивал, разбрасывая пахучий смолевой дымок. Галушко щурил глаза от дыма и наконец тихо задремал, свесив голову. Лисицын, вытягивая, как журавль, худощавые ноги, направился к реке. Там, склонившись над самой водой, росла смородина. Он вернулся с пучком смородиновых веток.

– Подбрось-ка, Уля, в чайник для запашка, – сказал он вполголоса, боясь нарушить покой фельдшера.

Ульяна взяла смородинник, отделила одну веточку, с хрустом изломала ее на мелкие кусочки и бросила в чайник. Потом она принялась перетирать полотенцем посуду, стоявшую на полке под навесом.

Лисицын нетерпеливо поглядывал на дверь избушки, на спящего Галушко. Охотник вставал, садился, опять вставал, поправлял костер, хотя в огне уже надобности не было. Наконец терпение его иссякло. Он подошел к двери избушки, прислушался. Ну, так и есть: Марей что-то увлеченно рассказывал докторше о Синем озере! Лисицыну стало даже обидно. Он легонько постучал в дверь и, не дожидаясь, когда отзовутся, сказал:

– Кушать пожалуйста! Рыба готова, чай поспел.

– Идем, идем! – послышался голос Анастасии Федоровны.

Галушко очнулся и сконфуженно посматривал на Ульяну.

От резкого толчка дверь избушки пронзительно взвизгнула, и оттуда вышла Анастасия Федоровна.

– Что у него? – привычным тоном спросил Галушко.

– Грипп, и очень затяжной... Нужно побыстрее перевезти Марей Гордеича в село, – сказала Анастасия Федоровна, подойдя к Лисицыну.

– Я давно ему об этом толкую. Там и доктор и больница, да не сразу его уломаешь.

– А что, Михаил Семеныч, вы могли бы сводить меня на Синее озеро? – вдруг, меняя разговор, спросила Анастасия Федоровна.

Лисицын растерялся. «Уж не думает ли она начать какие-нибудь поиски на манер Алеши? Опередит парня, и тогда все пропало», – пронеслось у него в мыслях. Он задержался с ответом, обдумывая, как лучше поступить в этом случае.

– Я проведу вас к Синему озеру, – заметив колебания отца, предложила Ульяна.

– А что вас, извиняюсь, на Синее озеро потянуло? – скрывая под смешком тревогу, спросил Лисицын, подумав: «Неужели старик что-нибудь лишнее мог сказать?»

– Горячие ключи.

– Вон оно что! – с облегчением воскликнул Лисицын. – Нашу лечебницу от ревматизма захотели посмотреть? Доброе дело!

– Вы слышали об этих ключах, Демьян Романыч? – Анастасия Федоровна взглянула на фельдшера.

Галушко широко раскинул руки, закрыл глаза, и длинные усы его затряслись от смеха.

– А вы... вы их больше слушайте, они-то, охотнички, наврут вам с три короба. Горячие ключи!..

Лисицын сдвинул шапку набекрень, скосив глаза, неприязненно посмотрел на Галушко, грубовато сказал:

– Ты знаешь что, гражданин хороший, охотников не хули. Ты в нашем деле такой же тумак, как мы в твоём.

Анастасия Федоровна видела, что Лисицын задет до глубины души.

– А вы, Михаил Семеныч, не сердитесь на него. Уж такой он Фома-неверующий.

Ульяна командовала:

– Иди, тятя, неси скамейку. Перепреет рыба!

Лисицын пошел в избушку, виновато поглядывая на Анастасию Федоровну и уже раскаиваясь за свои резкие слова, сказанные фельдшеру.

3

Тайга наливалась соками жизни. Гривы и косогоры покрывались травой. На черемуховых и рябиновых кустах зеленела нежная листва. По шершавым стволам сосен, пихт и кедров текли струйки пахучей смолы. Воздух был насыщен запахом молодой земли: из логов, размытых ручьями, тянуло пресной сыростью суглинка, ранние цветы, пробившиеся у корней редких березок, источали приторную сладость, полусгнивший валежник испарял настой плесени, смоль разбрасывала щекотавшую ноздри горечь. Струйки свежего ветерка незримо перемешивали эти запахи, солнце согревало их, и они рассеивались по тайге терпким теплом весны.

Где-то в голубой выси неба над лесом плакал лебедь, оглашая тайгу своим надрывным зовом. Но здесь, на земле, никто не хотел внимать его тоскливой песне. Прячась в ветвях, дрозды, синицы, иволги, чечетки, рябчики, кедровки весело свистели, трещали, рассыпали дробь с такой яростью, будто хотели перекричать друг друга.

В этот лучистый день, радостно сиявший над омытой дождями тайгой, Анастасия Федоровна шла с Ульяной к Синему озеру. Ульяна шагала впереди, Анастасия Федоровна – вслед за ней. Она жила во власти запахов и звуков, чувствовала, как пробужденная солнцем земля будоражит ее кровь, наполняет душу неясным беспокойством. На плече Ульяны висело двустольное ружье, на спине – мешок с провиантом. Девушка была опоясана широким кожаным патронташем. Она шагала легко, свободно. Колоды и кочки она перепрыгивала без всякого напряжения, чуть взмахивая руками. Это движение гибких рук девушки всякий раз напоминало Анастасии Федоровне взмах крыльев птицы при взлете. Во всей фигуре Ульяны, в ее манере держать голову слегка приподнятой было что-то стремительное, как у ласточки, поднявшейся в просторы неба.

Они без умолку разговаривали. Часто оглядываясь, чтобы увидеть внимательное лицо и пытливые глаза Анастасии Федоровны, Ульяна рассказывала:

– А уж как радостно бывает возвращаться домой! Помню, один раз шла я из тайги с зимней охоты. Было это в начале марта. Под ногами свежий снежок, птички выпорхнули откуда-то из сугробов и трезвонили над головой. Солнце только поднялось. Подхожу к Мареевке и слышу: петухи поют, коровы мычат, повизгивают двери домов, на зерновом дворе гудит молотилка, перекликаются женщины... Ветерок тянет со стороны деревни, и я чувую, как пахнет дымом, горячим хлебом и теплом домашним. И так мне от всего этого стало хорошо, радостно, что я живу, вижу солнце, землю, лес!.. Не помню, в какую минуту это случилось, а только залилась я песней. Так и по деревне прошла, с песней в свой дом вступила. Мама смотрит на меня, смеется: «Ты что, Ульянушка, в такой радости? Или соболей добыла?» А у меня тогда, по правде сказать, и охота-то не очень удачной была.

Ульяна задумчиво помолчала, придерживая гибкую ветку крушины, передала ее в руки Анастасии Федоровны, говоря:

– Глаза берегите. У нас один охотник выстегнул себе глаз вот такой веткой.

Анастасия Федоровна приняла ветку, а Ульяна продолжала:

– Это уж всегда так: из тайги домой, как на крыльях, летишь. К деревне подходишь, а сердце колотится от радости. Я тут выросла. Каждую канавку знаю. А уж о людях и говорить не приходится: все тебе от мала до велика знакомы, да не просто знакомы, а вроде ты вместе с ними в одной семье выросла, и все они тебе самая близкая родня.

А только побудешь неделю-другую в тайге, вернешься в Мареевку – и все тебе в новинку. Подруги, с которыми росла, вместе в школе училась, и те такими желанными становятся, ровно ты их пять лет не видела. Идешь по улице – и каждый дом, кажется, смотрит на тебя и радуется. К клубу подходишь, а там уже собралась молодежь. Замрет тут сердце, и сама не знаешь, не то ты своими ногами поднялась на высокое крыльцо, не то тебя ветром туда занесло.

Поживешь так дома несколько деньков и чуешь, в душу тоска начинает стучаться. Утром проснешься, глаза не размыкаешь, лежишь, ловишь ухом каждый звук, и хочется, чтоб зашумел лес, чтоб зажурчали ручьи, чтоб птицы запели на все голоса.

Мама уж знает: раз не встаю с кровати сразу, ворочаюсь, значит в тайгу манит. «Ну, что тебе не спится?» – спрашивает меня. «Припас, говорю, готовь, завтра в тайгу пойду».

И вот идешь в тайгу. Знаешь тут на пути каждую тропку, каждый ручеек, каждое деревце, а всё тебе опять в новинку. Избушка на стану – и та кажется уютной, теплой. Ни на какие дворцы ее в этот час не променяешь!

Переночуешь, а утром, чуть забрезжит рассвет, ты уже на ногах. Тятя мой хоть и знает, что я не послушаюсь его, а все равно твердит: «Ты, егоза, далеко не ходи. Заблудишься, сгинешь. Нам тогда с матерью одна дорога: головами в омут!» Я успокаиваю его: «Ты не тревожься, тятюшка! Далеко я не пойду, а потом у меня же компас». А какое там «далеко не пойду». Об этом только и думаю! В том и жизни особая отрада, чтоб посмотреть места новые, невиданные...

Иной раз за день-то так умаешься, что на стан приходишь чуть живая. Думаешь: «Больше в такую даль калачами не заманишь. Пусть там хоть белки и колонки сами в мешок скачут. Не пойду – и все». Да только мысли эти такие... Сама думаешь и сама не веришь себе. Отдохнешь, придешь в себя, и опять в душе что-то забродит. Ружье – на плечо, если лежит снег – ноги на лыжи, – и только видели тебя!

Ульяна умолкла и долго шла с опущенной головой. Анастасия Федоровна не видела ее лица, но она была убеждена, что девушка тихо, застенчиво улыбается сама себе, щурит зоркие, всегда настороженные голубые глаза.

– Ой-ой! Чего я только не пережила в позапрошлом году, вспомнить страшно! – продолжала Уля. – Закончила я школу, учителя и говорят мне: «Надо в город, в университет ехать». Мне и самой хочется учиться дальше. Да только как подумаю, что придется тайгу и Мареевку из-за этого бросать, холодом меня с ног до головы окатывает. Но решила все-таки поступить на исторический факультет. Поехала в город, прожила там больше недели, экзамены вступительные сдала, а чувствую: нет у меня сил жить без тайги. Слез сколько пролила, сознаться совестно!

Сбежала я из города, непутевая! Приехала домой. Думаю: жить мне теперь опозоренной, отвернутся от меня и родители и подруги. А только зря так думала: мама с тятьей обрадовались. Скучали они без меня. Подруги тоже. Как-то иду по улице, откуда ни возьмись – председатель нашего колхоза Терентий Петрович Изотов. Я хотела убежать от него, да скрыться некуда было. Он остановил меня, говорит: «То, что из университета сбежала, – это плохо. А то, что родные места любишь, свою профессию дорого ценишь, – за это хвалю! Повышенный план добычи пушнины получил наш колхоз. Есть случай доказать, что ты не девчонка, а настоящий охотник». Дала я тут слово председателю, что постараюсь. И правда, в том году в тятиной бригаде я не хуже старых охотников промышляла.

Живу себе, охотничаю, а мысли меня точат: «Нехорошо, что учебу бросила, не дело это!» И стыдно мне от этих дум, и выхода найти не могу. А тут вдруг к тятю нагрянул его приятель, учитель из Притаежного, Алексей Корнейч Краюхин. Молодой он еще, а строгий. Боюсь я его... Как он зашел, так сердце у меня и оборвалось. Спрашивает: «Почему бросила учиться?» У меня язык будто присох. Тятя за меня объясняет: «К тайге, к охоте она приистрастилась». Он посмотрел на меня, говорит: «Прошло время, когда охотники неучами были. Учиться нужно непременно. И для этого вовсе не обязательно ехать в город. Поступай, Ульяна, на заочное отделение. Будешь ездить в город два раза год на зачетные сессии». «Ну, думаю, два-то раза почему бы не съездить?! И как это, думаю, я сама до сих пор этого не сообразила!» Написала я заявление, отдала его Алексею Корнейчу, вскоре получаю из университета ответ: «Зачисляем

вас согласно вашей просьбе. Экзамены сдавать не требуется, так как ваше дело о приеме на историко-филологический факультет отыскано и передано нам».

Вот так я и стала студенткой! Один раз зимой уже съездила в город. Наверное, скоро опять пригласят. Сколько забот мне теперь прибавилось!.. То надо письменную работу отсылать, то книг не хватает, надо в Притаежное в районную библиотеку ехать, то зачетной сессии срок подходит, надо готовиться... Даже в клубе стала меньше бывать. Девчонки сердятся на меня. А Изотов Терентий Петрович сказал нашему комсorgh Веселову: «Вот тебе, Веселов, партийная директива: Лисицыну Ульяну оберегай. Пусть учится».

Теперь у нас в Мареевке появились новые заочники... Ну и разболталась же я!.. – неожиданно прервав себя на полуслове, с сердечной непосредственностью воскликнула Ульяна и, вытерев концом платка раскрасневшееся лицо, сказала о себе как о постороннем человеке: – Сорока ты, балаболка!

Анастасия Федоровна понимала, что нужно что-то ответить девушке, но говорить сейчас она ничего не могла. Простодушный рассказ Ульяны заставил думать ее о себе, о своих делах и поступках.

Год тому назад Анастасии Федоровне исполнилось сорок лет. Она встретила эту дату с глубоким беспокойством. Сорок лет – это был конец большой и важной полосы жизни. Начался новый этап существования. Что в нем таилось? Анастасия Федоровна невольно присматривалась к сорокалетним женщинам, настороженно прислушивалась к самой себе, стараясь понять, какие новые, не изведенные еще чувства и мысли рождаются в ее душе. Вокруг немало говорили, что после сорока лет уменьшается радость жизни, блекнут ее краски, ничто уже не поражает и не захватывает, как в пору юности. Человеческий мир со всеми его страстями и многообразием уже изведен и достаточно познан. Говорили, что зрелость – это не что иное, как спокойное, осознанное отношение к жизни. «Но неужели впереди такое бесстрастное существование? – с тревогой и недоумением спрашивала себя Анастасия Федоровна. – Нет, нет. У многих деятелей науки и искусства расцвет начинался после сорока лет!.. Но при чем здесь ты? Ты просто успокаиваешь себя поисками достоинств твоего возраста. Пустая затея! Сорок лет для женщины – это перевал к старости...» Этот голосок, вдруг просыпавшийся в глубине ее сознания, точил ее, как точит червяк дерево, – упорно и неотступно, день за днем: «Максима-то все нет и нет. А тебе уже перевалило за сорок. Новые морщинки под глазами появились. Старешь!..»

А стареть-то ей как раз и не хотелось! Да и не чувствовала она никаких перемен в себе.

Но все-таки голосок делал свое дело: под его воздействием она изменяла своим желаниям, отступала от них, с жалостью сознавая, что время диктует новые, жесткие правила.

С юности у нее были свои страсти, большие и малые. Среди них были и такие, которые считались уместными в двадцать, даже в тридцать лет, но в сорок лет они могли вызвать у многих улыбку. Анастасия Федоровна любила танцевать. Она знала бесконечное число мазурок, полек, вальсов, народных плясок. При каждом удобном случае, на семейных или дружеских вечерах, она танцевала увлеченно, с упоением, испытывая истинное наслаждение. Но когда Анастасии Федоровне исполнилось сорок лет, она перестала танцевать. Правда, с приездом Максима она почувствовала себя вновь молодой, но прошло не более недели, и к ней вернулось прежнее состояние. Проявлялось оно не остро, даже скорее глухо, но противоборствовать ему она не могла. «Тебе же перевалило за сорок лет, какие же теперь танцы? Людей хочешь смешить?» – останавливал ее все тот же голосок, и она гасила в душе желание, повинаясь этому тихому голосу, бывшему, как казалось ей, голосом ее совести.

К моменту встречи с Ульяной Лисицыной Анастасия Федоровна жила уже по тем законам, которые диктовались установившимися неписаными «приличиями», имеющими в быту людей нередко силу непреложного устава. Это ее новое состояние Максим подметил в первые же дни, отнеся его исключительно за счет пережитой разлуки. «Ты стала без меня, Настенька,

подобранной и строгой, как бонна в русских классических романах», – с усмешкой сказал он однажды. Анастасия Федоровна не стала опровергать слов мужа.

– А ты думаешь, я не знаю об этом? Да что же делать? Сорок лет, дорогой друг! Воспринимать мир по-прежнему не только невозможно, но и стыдно.

– Почему стыдно? – не понимая хода ее мыслей, спросил Максим.

– Люди осудят. Людской суд жесток.

Он попытался расспросить ее, но она сказала:

– А ты меня не спрашивай, я сама ничего не знаю.

– Настенька, надо быть не моложе и не старше своих лет.

– Вот я и стараюсь.

– А тут стараться не нужно. Чувства сами подскажут. «Да как же доверять чувствам, когда они у меня дwoятся?» – хотела сказать она, но в комнату вошли Сережа и Ольга, и разговор прекратился. Возобновить его не удалось – не возникало больше подходящего повода.

Только теперь здесь, в тайге, слушая под мягкий и ласковый шум леса откровения Ульяны, Анастасия Федоровна вновь вспомнила о своем разговоре с мужем.

Пока Ульяна рассказывала, Анастасии Федоровне казалось, что все пережитое ее юной подругой происходит с нею самой. Это не Ульяна, а она, Анастасия Федоровна, идет из тайги в деревню в лучистое раннее утро марта. Это она, задыхаясь от волнения, не чувствуя под собой ног, подымается на высокое крыльцо клуба. Это она спешит в тайгу, покрывая огромные расстояния в два раза быстрее, чем остальные охотники. А молодой строгий учитель? Не инструктор ли он уездного комитета комсомола Максим Строгов?

Давно уже Анастасия Федоровна не воспринимала жизнь так трепетно. От блеска солнца, от обилия воздуха, а главное – от волнения, пробужденного в ней рассказом Ульяны, она чувствовала головокружение. «Максим прав: надо быть не старше своих лет, тогда душа всегда будет молодой», – думала она.

С первой минуты знакомства с Ульяной Анастасия Федоровна почувствовала к девушке глубокое расположение. Теперь Ульяна стала ей близкой и дорогой. Анастасия Федоровна чувствовала, что где бы ни жила, что бы с ней ни происходило, она не оставит Ульяну. Все, что будет совершаться в жизни Ульяны, все будет искренне ее занимать и трогать.

– Уля, когда вы будете приезжать в город на зачетные сессии, вы будете жить у меня. Хорошо, Уля? Мы с вами побываем в театрах, ходим в художественный музей.

– Ой, спасибо вам, большое спасибо, Анастасия Федоровна!

– Я познакомлю вас с моими ребятами и с мужем. А если захотите, научу бальным танцам. Вы не смотрите, что я такая большая, я легкая и подвижная, – простодушно похвасталась Анастасия Федоровна.

Рассказ Ульяны о себе пробудил в ней желание быть такой же откровенной и доверчивой, какой была перед ней девушка.

– Да я же вижу, какая вы! Вы... вы... как красавица артистка! Смотришь на вас, а душа ко всему хорошему и светлому рвется!

– А я с вами, Уля, моложе стала. Это оттого, что вы вся лучистая, как солнышко...

Они растерянно замолчали, слегка испуганные своими откровенными признаниями.

– Вот мы и объяснились с вами в любви, – нарушая молчание, сказала Анастасия Федоровна и засмеялась тихим счастливым смешком.

– Анастасия Федоровна! – горячо отозвалась Ульяна. – Называйте меня на «ты»...

– Ну хорошо! Пусть будет по-твоему, – согласилась Анастасия Федоровна.

4

Тропа, по которой они шли, змейкой взбежала на крутой холм, поросший редкими лиственными и густыми зарослями колючего шиповника. Когда они поднялись на гребень, перед ними открылась обширная долина. Она начиналась от холма узкой стометровой горловиной и постепенно разбегалась вширь. Окончание долины упиралось в озеро, которое лежало подковой между лесистыми холмами. Это и было Синее озеро, о котором рассказал Анастасии Федоровне старый Марей. Вокруг долины и за холмами, сжимавшими ее на многие десятки километров, тянулись леса: сосна с редкой примесью пихтача и ельника. Прибрежные холмы были покрыты темной кедровой шубой с белой березняковой оторочкой по подножью. Долина ярко зеленела. Трава здесь была гуще, чем в других местах Улуюльской тайги. Всюду виднелись завязи еще не распустившихся цветов. Анастасия Федоровна ступала осторожно, чувствуя, что шагает не по голой земле, а по мягкому коврику.

– Как тут красиво! – воскликнула она, окидывая взором то долину, то холмы, то изогнувшееся, синее, как небо, поблескивающее озеро. Ульяна молчала, улыбались одни глаза. Не было еще такого человека, который смог бы остаться равнодушным при виде Синего озера! Это Ульяна знала, но она знала что-то еще. В глазах ее метались золотистые искорки смеха, и лукавое выражение лица говорило: «Это еще не все!»

Они стали подниматься на холм. Ульяна ловко взбиралась на крутой увал, протягивала руку Анастасии Федоровне и помогала ей. Когда они поднялись наконец на вершину холма, Ульяна вывела Анастасию Федоровну к самому обрыву. Отсюда открывался вид на все Синее озеро.

– Прислушайтесь!

Но Анастасия Федоровна уже слышала, она только не могла понять, откуда доносятся эти необычные звуки. Тонкий непрерывный звон стлался над водой и лесом. Ветерок то ослаблял, то усиливал его. Анастасия Федоровна заглянула под яр в прозрачную воду озера и перевела взгляд, полный недоуменного восхищения, на Ульяну.

– Что это за оркестр, Уля? – тихо спросила она, боясь, что от ее голоса этот звон, ласкающий слух, может исчезнуть.

Ульяна посмотрела на нее, втайне испытывая наслаждение от недоумения Анастасии Федоровны, и загадочно сказала:

– А звенит наш оркестр без перерыва сотни лет.

Анастасия Федоровна опустила руки, и этот жест передал ее состояние: она не в силах была разгадать загадку.

– Это звенят, Анастасия Федоровна, ручьи. Они падают в озеро прямо с яра, и каждый из них несет с собой свою песню.

Анастасия Федоровна снова подошла к обрыву и заглянула под яр.

– Отсюда ничего не увидите, – предупредила Ульяна. – Лучше сделаем так: привал на ночевку у нас будет на этой площадке. Все вещи оставим тут. После отдыха можно пойти осмотреть берега озера.

– А ты очень устала? – спросила Анастасия Федоровна.

– Я-то? Что вы! Я о вас беспокоюсь!

– А мне не терпится, Уля, – сказала Анастасия Федоровна. – Не терпится! – повторила она.

– Пойдемте, – с готовностью предложила Ульяна.

Она сняла с плеч мешок и повесила его на сухой сучок кедра. На этот же сучок бросила свое пальто и Анастасия Федоровна.

– Ружье, пожалуй, возьму с собой. Звери эти места любят.

По той же тропинке они спустились с холма в распадок. Дальше шли очень медленно. Анастасия Федоровна останавливалась возле каждого ручейка, осматривала его, набирала в горсть воду, пробовала ее на вкус, смешно причмокивая языком. Особенно надолго они задержались у родников, сочившихся из земли. Родники пузырились, выбрасывали воду клубочками. Заболоченная поляна была покрыта ржавчиной.

Анастасия Федоровна, сбросив туфли, залезла в грязь. Грязь была вязкой, но чем сильнее ноги ее утопали в болоте, тем явственнее ощущала она тепло. Здесь, у этих родников, и лечились улюльские охотники и рыбаки от ревматизма.

В другом месте Анастасия Федоровна долго ковыряла дно ручейка палкой, а потом доставала из воды щепотку земли, обнюхивала ее и один раз даже лизнула. Она делала все это сосредоточенно, увлеченно, не сказав ни одного слова. Ульяна ничем не нарушала этого сосредоточенного состояния Анастасии Федоровны. Девушке минутами казалось, что та забывает о ее присутствии.

– Ты знаешь, Уля, какой у меня сегодня день? – заговорила Анастасия Федоровна, когда они направились к своему привалу. – Этот день может стать днем исполнения моей мечты. Мне кажется, что Синее озеро содержит радиоактивные грязи. Конечно, все это требуется еще изучить, но как бы это было замечательно! Мы открыли бы здесь курорт, свой курорт для лесозаготовителей, охотников, колхозников, учителей.

– Ой, как хорошо-то было бы! – заражаясь мечтой Анастасии Федоровны, воскликнула Ульяна.

Когда они, уставшие, обессиленные от длинной дороги и долгого хождения вокруг озера, пришли к месту привала, Ульяна спросила:

– Что будем готовить на ужин: дичь или рыбу?

Анастасия Федоровна недоверчиво покосилась на Ульяну, на ее полупустой мешок, висевший над их головами, подумала: «О какой дичи и рыбе она говорит? В мешке, кроме хлеба, ничего нет».

Ульяна поймала взгляд Анастасии Федоровны, усмехнулась и сказала:

– На мешок вы не смотрите. В тайгу я ношу в нем только хлеб, соль да сахар. Так что же будем есть?

– Я... Я всегда предпочитаю рыбу, – несколько растерянно оговорила Анастасия Федоровна.

– Ну, хорошо. Тогда вы разводите костер, а я с котелком схожу под яр в тальники. Там на блесну хорошо берутся окуни.

Ульяна вытащила из патронташа блесну, взяла котелок и, на ходу бросив Анастасии Федоровне коробку со спичками, исчезла за увалом.

Анастасия Федоровна наломала сучьев, собрала с земли сухую кедровую хвою и принялась разжигать костер. Удалось ей это не сразу. Ветерок словно преследовал ее и гасил пламя тотчас же, как только спичка загоралась. Стараясь отгородиться от ветерка, Анастасия Федоровна сгибалась, садилась на корточки, поворачивалась то в одну сторону, то в другую. Наконец она отчаялась, повернулась прямо на ветер и чиркнула. Спичка загорелась и не погасла. Анастасия Федоровна сунула ее в хвою, и костер задымил пахучим смолевым дымом. Вскоре подошла Ульяна. В котелке, наполненном водой, лежали уже вычищенные окуни.

– Быстро ты, Уля, наловила!

– Тайга – кормилица щедрая, – серьезно сказала Ульяна.

– Как для кого, – заметила Анастасия Федоровна.

– Это правда. Кто ее знает, того она кормит, а неопытного человека сама может сожрать. Ну, теперь будем отдыхать, – устроив котелок на таган, сказала Ульяна и села возле костра рядом с Анастасией Федоровной.

Приближались сумерки. Солнце уже опустилось за лес, но над холмами горел закат. Вода покрылась багрянцем, и озеро само светилось сейчас до рези в глазах, как солнце, сошедшее на землю. На темной лесистой одежде холмиков играли, бегали, пересекались яркие лучи; и оттого, что они беспрерывно двигались, казалось, что и деревья не стоят на одном месте, а, сцепившись ветвями, пляшут в живом хороводе.

Анастасия Федоровна вообразила на этих холмах белые корпуса курорта. Она представила себе их так ярко, словно корпуса стояли уже на самом деле, краснея крышами, белея стенами и сияя стеклами широких окон.

Ульяна сердцем поняла, о чем думает Анастасия Федоровна. Указав на противоположный берег, она проговорила:

– Там, по склону холма, есть ровные площадки. Природа будто знала, что люди курорт здесь будут строить.

Анастасия Федоровна откинула голову и громко рассмеялась.

– Ах ты, славненькая моя!.. Площадки... Да тут, может быть, и домов-то строить не придется.

– Придется!

– Придется? – в раздумье переспросила Анастасия Федоровна и, помолчав, продолжала: – И мне вот тоже верится, что придется. Хотя раз я уже обожглась.

Ульяна подняла голову, заинтересованно взглянула на Анастасию Федоровну.

– Когда я работала в Новоюксинске, я попыталась открыть там дом отдыха. Место нашлось, пожалуй, не хуже этого. Правда, не было озера. Облздравотдел откликнулся на нашу просьбу и послал специальную комиссию. Вот комиссия-то меня и провалила. Она изучила местность, где должен был разместиться дом отдыха, и оказалось, что неподалеку есть малярийное болото. Вся работа была свернута, а облздравотдел поднял большой шум по поводу непроизводительных расходов. Другая бы на этом и успокоилась, а я... я с тех пор ношусь по районам и селам, а сама все присматриваюсь к местам нашего края. Какая же красота у нас! Иной раз такое место отыщешь, что и на Кавказе не встретится. Да вот оно, Синее озеро! Смотри-ка, как пылает все!

Ульяна слушала Анастасию Федоровну, привстав на колени. То ли от костра, то ли от бликов заката в широко раскрытых глазах ее прыгали золотистые пятнышки, похожие на текущие огоньки.

– Это мечта вашей жизни? – спросила Ульяна, всматриваясь в лицо Анастасии Федоровны, освещенное пламенем и казавшееся ей в эту минуту особенно красивым и вдохновенным.

– Да, Уля, это моя мечта.

– Счастливая вы! У вас есть мечта жизни, а вот я стремлюсь, а все никак не могу свою мечту ухватить! – сокрушенно проговорила Ульяна.

– Придет еще твоя мечта, Уля, придет! Она сама о себе скажет. И уж тогда, хочешь или не хочешь, возьмет власть над твоей душой.

Уля задумалась. Текущие огоньки в ее глазах горели, как угольки в костре.

Ужинали не спеша и почти молча. Анастасия Федоровна поняла, что своими словами о мечте жизни она глубоко затронула Ульяну, настроила ее на раздумье.

Стемнело. Небо опустилось, и звезды вспыхнули над самыми макушками кедров. От озера потянуло прохладой. Звон ручьев стал отчетливее, но дневная мелодия этого звона исчезла. В глубине леса изредка пересвистывались птички, сторожа покой ночи.

Ульяна взяла котелок, сложила в него ложки, стряхнула туда же с белой салфетки крошки хлеба и пошла к озеру, чтобы вымыть посуду и принести воды для чая.

Анастасия Федоровна подбросила сучьев в костер и сидела, прислушиваясь к хрусту хвои под ногами Ульяны, к свисту птиц, к звону воды. Вот шаги затихли, и на миг Анастасии Федо-

ровне показалось, что она осталась одна во всей этой бескрайной тайге. Ей стало жутко. Она подняла голову, посмотрела в темноту, слившуюся с деревьями. Вдруг с озера донесся высокий чистый голос. Ульяна запела свободно, широко, без всяких усилий:

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его,
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Эхо подхватило ее сильный голос и отозвалось протяжным гулом, словно пение девушки сопровождал мощный хор из многих тысяч голосов.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,
Что так рвется ретивое
И терзается тоской.

В эти слова Ульяна вложила столько страстности, что Анастасии Федоровне почудилось в них и отчаяние, и слезы, и мольба. Охваченная вдруг смутной тревогой, ворвавшейся в ее душу со словами песни, она поднялась с земли, сделала несколько шагов к обрыву и замерла.

Теперь ей казалось, что все звуки, жившие в тайге, смолкли. Не свистели птицы, не звенели ручьи, не потрескивали пылавшие в огне сучья. Все, все смолкло, оцепенев, будто прислушиваясь к голосу девушки.

Анастасия Федоровна чувствовала, что какая-то сила поднимает ее, несет в просторный и радужный мир. На миг ей показалось, что все это – мерцающие звезды на небе, притихший могучий лес, тусклый блеск воды, песня, то струящаяся, то взлетающая, – все это сказка. Но вот Ульяна смолкла, оцепенение исчезло, тайга вновь ожила.

– Уля, где ты, Уля?! – крикнула Анастасия Федоровна, с радостным трепетом сознавая, что все случившееся сейчас было жизнью.

Глава восьмая

1

Максим и Артем осматривали Мареевку. Максим в юности бывал во многих селах и деревнях Улуюлья, но здесь бывать ему не приходилось. Они не спеша прошли по улице, потом свернули в другую, упирающуюся в кедровник. Возле одного дома братья остановились. Максим замер, любуясь чудом, которое сотворил на удивление людям безвестный мастер. Карнизы и наличники дома, калитка и ворота – все было в узорах, выпиленных из простого теса. С большой выразительностью мастер сделал фигуры зверей и птиц.

На воротах был развернут целый сюжет: две собаки стремительно гонятся за медведем. Медведь уже катится кубарем, но и собакам нелегко; из пастей высунулись длинные языки.

– Этот дом принадлежал скупщику пушнины Тихомирову, – сказал Артем.

Но не о Тихомирове думал сейчас Максим. Он живо представил себе мастера этих узоров, в руках которого были всего лишь долото, пила да топор. Это был самобытный талант, из числа тех, которые на удивление всей Европе умели подковать блоху. Наверняка мастер не имел не только своего дома, но и простой избы, кочевал из деревни в деревню, прозывался в народе «Завей горе веревочкой» и мечтал всю жизнь возвести город на загляденье всему миру. Он умер, этот мастер, бобылем, его хоронили «обществом», и только рослые гладкоствольные березы на тихом сельском кладбище оплакивали его одинокую могилу.

– Сельсовет? – спросил Максим.

– А вот видишь? – Артем показал на вывеску, исполненную золотом на черном, в палец толщиной, стекле: «Мареевский сельский Совет депутатов трудящихся».

Артем открыл калитку, и они вошли во двор. Половина двора была покрыта навесом из жести: крыша кое-где уже проржавела и зияла дырами. Когда-то у купчика Тихомирова под этим навесом зимовали телеги, летовали сани, хранились плуги, сенокосилки, стояли большие весы, на которых взвешивались мешки закупленного кедрового ореха. Теперь земля поросла ромашкой и лебедой. На том месте, где были весы, стоял длинный стол, а за ним тянулись три ряда крепких лиственничных скамеек. С весны и до холодов все собрания, созываемые сельским Советом, происходили здесь, на открытом воздухе, и мареевцы в шутку называли это место «летним залом заседаний».

Когда Артем и Максим вошли во двор, они увидели под навесом людей. По их непринужденным позам сразу можно было понять: они не заседают, а просто беседуют. Однако, окинув взглядом сидящих, Максим уловил, что говорят о чем-то серьезном, значительном и, по-видимому, не сошлись во мнениях.

– Здравствуйте, товарищи! – весело сказал Артем, увидев знакомых. – Мы вам не помешаем?

Послышался говорок: «Здравствуйте!», «Проходите!», «У нас секретов нет». В ту же минуту с крайней скамейки поднялся круглолицый бородатый человек и пошел навстречу Артему, обнажив в улыбке крепкие, желтые от табачного дыма зубы.

– А, Мирон Степаныч! Привет, дорогой! – воскликнул Артем, протягивая руку. – Ну, знакомьтесь. – Артем повернулся к брату. – Это товарищ Дегов, наше районное светило, а это представитель обкома партии.

Максим пожал руку Дегову, но его внимание привлек человек, сидевший на дальней скамейке с краю. Он был в броднях, серых просторных штанах и в такой же серой рубахе без пояса. На голове у него была шапка-ушанка. Он маленькими зоркими глазами осматривал Артема.

Когда Артем назвал Дегова «наше районное светило», человек вытянул шею и с усмешкой заметил:

– Ох, любит наше светило перед начальством хвостом покрутить!..

– Да будет тебе, дядя Миша! От зависти к его ордену несуразное говоришь, – вразумительно сказал кто-то.

– От зависти... – ворчливо ответил Лисицын и пристально посмотрел на Максима, как бы спрашивая его: «Ну, а ты что за птица?»

– О чем же у вас суды-пересуды были? – спросил Артем, обращаясь ко всем сразу.

– О земле, Артем Матвееч. С дружкой моим мы схлестнулись, – кивнув большой лохматой головой в сторону Лисицына, проговорил Дегов.

– Бирюк тебе дружок, – резко сдвинув шапку набок, бросил Лисицын.

– Да ты не сердись, Михаила, – с видом победителя произнес Дегов.

– А ты не думай, что на небе одна звезда, – ты, Мирон Дегов.

Льновод с ответом не нашелся и только всплеснул руками. Все засмеялись, и в этом смехе Максиму почудилось, что симпатии собравшихся здесь людей на стороне Лисицына.

– Тут речь шла о землях. Мирон Степапыч ищет новые площади под лен, – видя недоумение Артема, пояснил председатель сельсовета.

– Правильно делает, – сказал Артем, присаживаясь к столу.

– Спор идет, где лучше землю взять, – продолжал председатель. – Дегов предлагает раскорчевать участок возле Синего озера, а Лисицын возражает.

– Не возражаю, а протестую! – вскочив, крикнул Лисицын.

– Ты подожди, дядя Миша, не горячись, – посоветовал кто-то.

Максим прошел и присел на краешек скамейки.

– Дегов хотел, Артем Матвееч, за Орлиным озером осесть, да вода там глубоко, если колодец бить. Теперь он просит дать землю в районе Синего озера, – снова заговорил председатель сельсовета.

– Неужели у вас ближе земли нет? – спросил Артем.

– Земля есть, да не подходит: то заболоченная, то нераскорчеванная. А у Синего озера по долине хоть сейчас паши, – сказал Дегов.

– Ну а Лисицын почему против? Ты что, товарищ Лисицын, в этой долине гусей думаешь разводить? – взглянув на охотника, с усмешкой спросил Артем.

Но усмешка секретаря райкома не осталась незамеченной, и кто-то сказал:

– А гуси, товарищ Строгов, тут ни при чем.

– Я не хотел обидеть Лисицына, к слову пришлось, – слегка смутился Артем.

Лисицын вышел к столу. Все напряженно смотрели на него, опасаясь, что охотник может выкинуть какое-нибудь коленце. Но он уже «перекипел» и был совершенно спокоен.

– Про гусей вы правду сказали, – заговорил Лисицын. – Там можно разводить не одних гусей. В Синеозерской тайге все звери и птицы паруются. Я давно своим начальникам говорю: «Наложите запрет на это место. Пусть спокойно плодится тут вся наша таежная живность». Да только выходит: кричала баба на лугу, да луг-то пустой был...

– Я ж тебе говорил, Михаила Семеныч, – с раздражением в голосе сказал председатель, – не можем мы этого вопроса сами решить! Не в нашей это власти! Синеозерская тайга только до озер наша, от озер и дальше хозяин ей – государство.

– Ну а государство – оно чужое или рабочих и крестьян? – шурясь, с ехидцей в голосе спросил Лисицын.

– Знаешь что, Михаила Семеныч, – заволновался председатель сельсовета, – ты мне экзамена по политграмоте не устраивай. Я еще в сорок втором году в боях на Волге политшколу прошел.

– Ты, Тихон Савельич, меня не кори. Я за Советскую власть воевал, когда тебя еще мать кашей кормила.

– Не о том вы, мужики, речь завели, – тоном осуждения сказал кто-то.

Послышались отовсюду голоса:

– Справедливо говорит Лисицын! За охотничьими угодьями тоже догляд нужен.

– Об этом у нас догадаются, когда зверя и птицу переведут!

– Я думаю, Севастьянов, – обратился Артем к председателю сельсовета, – вам следует этот вопрос подработать покрепче. Надо сделать так, чтобы Мирон Степаныч получил все условия. Орден Ленина он заработал. Это хорошо. Теперь он должен стать Героем Социалистического Труда.

– Так задачу и понимаем, Артем Матвеич. В воскресенье сессию сельского Совета по льну проводим, – сказал Севастьянов. – Тут у нас и беседа-то возникла в порядке подготовки вопроса.

– Учтите, что спрашивать с вас за лен будем строго. Понял, Севастьянов?

– Как не понять!

Некоторые участники беседы, увидев, что прежний разговор больше не возобновится, поднялись со своих мест.

Дегов подошел к Артему, пригласил его вместе с представителем обкома к себе на чашку чая. Артем, вспомнив свое обещание Максиму поближе познакомиться с Деговым, согласился:

– Можно, Мирон Степанович, побывать у вас, время есть. – Он направился к Максиму, чтобы передать тому приглашение льновода. Но пока Артем разговаривал с председателем, Максим подошел к Лисицыну и теперь о чем-то заинтересованно расспрашивал его.

– Ты иди, Артем, пока один, а я скоро подойду. У меня ряд вопросов имеется к товарищу Лисицыну, – произнес Максим, когда Артем передал приглашение Дегова.

Артем рассказал брату, как найти дом льновода, и ушел.

Лисицын, проводив взглядом Дегова и секретаря райкома, посмотрел на Максима веселыми глазами.

– Пойдемте, товарищ представитель, ко мне. Вы ловушками интересуетесь. Кое-что у меня есть дома. Покажу.

По голосу Лисицына Максим почувствовал, что охотнику очень хочется, чтоб «представитель обкома» посетил его. Правда, Максима ловушки интересовали меньше всего. Ему важно было расспросить охотника, что он думает о запрете на Синеозерскую тайгу и какие выгоды, по его расчетам, может принести этот запрет.

– Ну что же, пойдемте. Вы далеко живете?

– А мы огородами. Близехонько.

Лисицын так ловко перескакивал через изгороди, что Максим едва успевал за ним. Охотник широко расставлял руки, опирался на них, легко подпрыгивал, и ноги его описывали полукруг. Им пришлось преодолеть не менее десятка изгородей и заборов, пока они вошли в огород Лисицыных. Максим с улыбкой подумал: «Охотники, как птицы, кривых дорог не любят».

Максим не знал, что Лисицын повел его огородами с тайным умыслом. Путь к его дому улицей лежал мимо усадьбы Дегова. Льновод, завидев представителя обкома, чего доброго, зазвал бы его к себе раньше времени. А ведь не часто в Мареевку наезжали руководители из области, да тем более такие, у которых пробуждался интерес к промысловым делам.

Не доходя нескольких шагов до калитки, соединявшей огород Лисицына с двором, Максим на мгновение остановился: в полуоткрытой калитке промелькнула женщина в пестрой косынке и в зеленом платье, как у жены. «Тоскую... Утром о ней дважды вспоминал», – подумал он и пожалел, что Настенька далеко. В этот ясный день, на таком просторе хотелось побыть вместе.

2

Войдя во двор, Максим остоленел. На крыльце рядом с высокой русой девушкой стояла его жена. Рукава ее зеленого платья были засучены. В одной руке она держала нож, а в другой – остроносую желтобрюхую стерлядку. Анастасия Федоровна и девушка о чем-то разговаривали, пересмеиваясь и переглядываясь. Женщины были увлечены своим делом и на появление во дворе Лисицына и Максима не обратили внимания.

Максим остановился на нижней ступеньке, шутливо подбоченился и громко сказал:

– Что это: привидение, мираж? Откуда ты взялась?

Анастасия Федоровна подняла голову и кинулась к Максиму.

– Максим! Ты так нужен, я о тебе только что вспоминала!

Лисицын и Ульяна стояли в полном недоумении.

– Уленька, Михаил Семенович, знакомьтесь – это мой муж, Максим Матвеевич. – Анастасия Федоровна была счастлива и счастья своего не скрывала.

– Да мы уж знакомы! Но для порядка можно познакомиться еще раз, – усмехнулся Лисицын и подал руку Максиму.

– Где вы его зацепили, Михаил Семенович? – спросила Анастасия Федоровна.

– Сказать вернее, он меня зацепил. Мы в сельсовете в «летнем зале» спор о землях вели. А они с секретарем райкома в этот час и подъехали. Ну, того, конечно, кум мой, Мирон Дегов, сразу в полон взял. А Максим Матвеевич подошел ко мне, спрашивать стал о наших таежных делах... Уля, где мать-то? Надо стряпню-то пошевеливать.

– Знаем, тятя, без команды, что делать, – лукаво взглянув на отца, отозвалась Ульяна.

– Это Максим, подружка моя, Уля. Охотница, студентка, певица и, как видишь, красавица, – сказала Анастасия Федоровна, когда Максим поднялся на крыльцо.

– Вы уж наговорите, Анастасия Федоровна! – зарделась Ульяна.

– Садитесь, Максим Матвеевич, – пригласил Лисицын, вынося из дому окрашенную в голубой цвет табуретку.

Максим ласково посмотрел на жену.

– Ну, встреча!.. Не ожидал, Настенька, не ожидал...

– А у меня, знаешь, Максим, сегодня с утра сердце екало. Мы с Улей слышали, как машина прошумела. Я даже к воротам побежала посмотреть, да было уже поздно.

– Судьба! От судьбы не уйдешь, – поглядывая то на Максима, то на Анастасию Федоровну и разводя руками, произнес Лисицын.

– Судьба? – засмеялся Максим.

– По моим соображениям, – многозначительно посмотрев на Лисицына, сказала Анастасия Федоровна, – это хорошая примета, и сулит она нашим делам полную удачу.

– Уж это так! – поддержал Лисицын.

– Да у вас заговор какой-то! Что же делать нам с Улей? – засмеялся Максим.

– Улю не трогай. Она в союзе с нами, а вот о себе подумай, – сказала Анастасия Федоровна.

– Ты загадками говоришь, Настенька.

– Это все шутки, Максим, а если всерьез, то у нас с Михаилом Семеновичем есть предложение, – помолчав, заговорила Анастасия Федоровна. Она отложила нож и отодвинула от себя разделанную рыбу. – Ты что-нибудь о Синеозерской тайге знаешь?

– Кое-что слышал.

– А я только сегодня оттуда, Максим. Более красивых мест я не встречала!

– Мест красивых много, Анастасия Федоровна, – вступил в разговор Лисицын. – Есть по Улюлюю места не хуже Синего озера, а вот таких же обильных мест больше нету. С молодости

я заметил, что плодиться и зверь и птица собираются в эту тайгу. Вначале никак я не мог понять, за что живность любит Синеозерскую тайгу, а потом раскумекал: тишь, глушь, богатые корма и местность отменная. Все тут есть: и вода, и травянистый дуг, и чащоба, и разнолесье. Молодь, как появится на белый свет, обучится тут житейской премудрости и потом уж – айда кто куда хочет! Раньше, еще при старом режиме, мы как охотились? Бей, стреляй. Ты не убьешь зверька – другой его пристрелит. А по нынешним временам так охотиться нельзя. Зверь и птица счет имеют. Начни их выбивать без оглядки, на нет переведешь. Нынче охотишься, а сам думай: а кого тебе придется на будущий год добывать?

Лисицын передохнул, вытащил из кармана широких серых штанов записную книжку в затертых корочках и, полистав ее, начал выкладывать свои подсчеты прироста «таежной живности» в случае, если Синеозерскую тайгу сделать заповедной.

Максим слушал Лисицына, всматриваясь в его облик. Наверное, охотник многим казался бы человеком примитивным. Но это было не так. Лисицын говорил уверенно, и Максим чувствовал, что все его мысли выстраданы за долгие годы большой и трудной жизни, все он не раз подсчитал, взвесил в часы долгих раздумий. Вспомнился лесообъездчик Чернышев. У того тоже была своя горячая мечта.

– Что же вы, Михаил Семенович, обращались куда-нибудь со своими соображениями? – спросил Максим, когда Лисицын высказал все доказательства до конца.

– Дальше сельсовета и района, Максим Матвееч, не стучался.

– Ну и как?

– Сами видели, – невесело засмеялся Лисицын.

«Что же это Артем-то?» – подумал Максим.

– А теперь я тебе, Максим, доложу. Слушай-ка, – сказала Анастасия Федоровна и, сев напротив мужа, рассказала о встрече с Мареем, о посещении Синего озера, о своих предположениях относительно целебных свойств родников.

– А люди, которые действительно излечивали на Синем озере ревматизм, известны тебе? – спросил Максим.

– Известны! – ответила Анастасия Федоровна.

– Кто они и где они?

– Вот, например, Михаил Семенович Лисицын, – кивнула она на охотника, молча раскуривавшего трубку.

Максим посмотрел на жену, и взгляд его серых глаз был ей дороже всяких слов. «Да, тебя сразу не собьешь! Молодец, вооружайся фактами, без них не победишь!» Так поняла она этот взгляд и знала, что поняла правильно.

– Два года, Максим Матвееч, я сиднем сидел, думал: ну, конец, отходил свое! – заговорил Лисицын. – А потом Уля с Ариной посадили меня в лодку и увезли к Синему озеру. Через месяц в Мареевку своими ногами пришел. В прошлом году праздновали пятидесятилетие нашего колхоза, так я в клубе всех молодых переплясал.

Лисицын засмеялся, проворно прошелся по крыльцу, притопывая ногами, повертывая ступни туда-сюда.

– Носят! Носят, любезные!.. А все Синее озеро. Без него наш брат, рыбак да плотовщик, давно бы окочурился.

В дверь выглянула Ульяна. Убрав вычищенную рыбу в погреб, она поспешила в дом на помощь матери. В горнице накрыла белой скатертью широкий стол, разместила на нем закуски, посуду, поставила графины с настойками и пошла звать гостей.

Арина Васильевна хлопотала в кути². В печи поспевали на обширных жестяных листах большие пироги с нельмой.

² Куть – отгороженная часть избы, где готовится пища.

Лисицын взял Максима и Анастасию Федоровну под руки и торжественно повел в дом. Тут он первым делом вызвал Арину Васильевну из кути и представил ее Максиму.

Арина Васильевна вышла сконфуженная, с лицом, запачканным мукой, и с укором поглядела на мужа, затеявшего преждевременное знакомство.

Лисицын засуетился около стола: переставлял посуду, с шутками разливал вино по рюмкам и стаканчикам.

За столом пожалели, что не может сесть вместе со всеми Марей Гордеевич. По настоянию Анастасии Федоровны его привезли к Лисицыным, и он лежал сейчас на кровати, отгороженной тесовой побеленной переборкой.

Когда Лисицын наполнил рюмки, Ульяна, переглянувшись с Анастасией Федоровной, сказала:

– Давайте выпьем за то, чтоб все задуманное исполнилось.

– Это как понять? – спросил ее отец.

– А так, тятя: задумал ты Синеозерскую тайгу заповедной сделать – пусть сбудется. Задумала Анастасия Федоровна курорт открыть – пусть это случится...

– Хорошо, Уля! Хорошо! – закричал Лисицын. – Это ж прямо в самую точку!

Подняла свою рюмку и Анастасия Федоровна. Только Максим продолжал сидеть с опущенной рукой. Все посмотрели на него, как бы говоря: «Ну, что же, ждем!»

– Да-а... – протянул Максим и взглянул на девушку. – Задали вы мне, Уля, задачу! Вот какое дело, товарищи, есть решение облисполкома об отводе Синеозерской тайги под вырубку...

Ульяна тихо охнула, а Лисицын быстро поставил рюмку на стол, расплескав вино.

– Под вырубку?! – хрипло переспросил он, словно кто-то стиснул ему горло. – Не будет этого! Советская власть не допустит! Ни за что не допустит!

3

В этот же день, под вечер, Максим направился вместе с Артемом, который отыскал его у Лисицына, в гости к Миرونу Степановичу Дегову. Льновод жил в большом крестовом доме, срубленном из отборных листовенных бревен. Стоял дом неподалеку от обрывистого берега.

Пока они неторопливо шли по Мареевке, Артем то и дело заглядывал Максиму в лицо, без умолку говорил негромким доверчивым голосом:

– Когда у меня выпадают свободные часы, люблю я читать в журналах критические статьи о книгах наших писателей. Временами дельные вещи попадают. Иной раз читаешь про одну какую-нибудь книгу, а мысленно охватываешь взором и свою жизнь, и жизнь знакомых людей. Нелегкая это штука – написать о нашем современном человеке сущую правду. Вот возьми, к примеру, Дегова. Передовой человек, новатор сельскохозяйственного производства, а присмотришься к нему – и многое в нем поразит тебя.

Недавно был у меня его старший сын, просил, чтобы повлиял я на отца. Не хочет старик отпускать его из семьи, держит всех под своей властью. Пытался я разговаривать с отцом. «Не пора ли, говорю, Мирон Степанович, сыновей из-под своего крыла выпускать?» Так ты понимаешь, Максим, он и слушать не хочет. «Нас, говорит, у отца было не три, а пять сыновей, и все вместе жили. Двадцать семь человек за стол садились. Вот какая семейка была! И ничего! Люди с сумой по миру ходили, а мы всегда свой хлеб ели».

Я пытался убеждать его, что теперь, мол, другая жизнь, не обязательно всем сыновьям и внукам в одном доме тесниться. Он и на это свои доводы имеет. «Оттого, говорит, что Деговы большим семейством живут, колхозному делу и Советскому государству только польза одна. В своем семействе я сам за каждым догляд имею. Недаром же никто еще из Деговых не слышал попреков от колхозного правления или бригадиров». В разговоре со мной старик пустился в

такую философию, что я, по правде сказать, немножко растерялся. Дегов считает, что в будущем, при коммунизме, люди будут жить большими семьями.

– Что же, это вполне возможно, – произнес Максим, с интересом слушавший все, что говорил Артем. – Конечно, семья, как первичная ячейка разумного человеческого общества, получит большое развитие. Материальные условия общества и высокий уровень сознания людей помогут этому.

– Это все так, – согласился Артем. – Но Дегов считает, что во главе таких семей будут стоять своего рода старейшины.

– Ну, это уж он приспособливает свои теоретические представления к собственной практике, – весело рассмеялся Максим.

Братья подошли к дому Дегова. Старик встретил их у ворот. Он был одет по-праздничному: в хромовых сапогах, суконных брюках, в длинной вышитой рубаше под черным крученым пояском. Окладистая борода «лопатой» и длинные волосы на голове были тщательно расчесаны и слегка помазаны маслом.

– Здравствуйте, Максим Матвеич, здравствуйте, – заговорил Дегов неторопливым, степенным голосом, каким говорят люди старые, опытные, понимающие свое превосходство над более молодыми. – Вот уж не думал, что вы единокровный брат Артема Матвеича, – продолжал Дегов, крепко, по-молодому сжимая руку Максима. – Давеча, когда увидел вас обоих во дворе сельсовета, решил: с разных кустов ягоды. А теперь вижу: только масть не совпадает, а в облики много схожего. Глаза вон у одного цвета черной смородины, у другого – как небо, а смотрят почти одинаково. Кто же у вас удался в мамашу, а кто в папашу?

– Артем в мать, а я в отца, – сказал Максим, про себя удивляясь вниманию Дегова к внешнему облику людей.

– Пойдемте в дом, что ж возле ворот стоять? – пригласил Дегов, берясь за кольцо тесовой калитки.

Двор Дегова был опрятен и уютен. От ворот до самого крыльца в густой траве был проложен узкий, в три стесанные жерди, тротуарчик; к амбару, стоявшему в дальнем углу продолговатого двора, обнесенного высоким бревенчатым забором, тянулась дорожка, посыпанная песком и пестрой галькой. Рубленное из плах некрашеное крыльцо сияло чистотой и свежестью. Ступеньки были выскоблены, а точеные фигурные перила чисто вымыты.

– Здесь всегда так аккуратно? – тихо спросил Максим брата, пользуясь тем, что Дегов шел на несколько шагов впереди них.

– Беспорядка никогда не видел, хотя бываю часто, – ответил Артем.

Дегов услышал разговор и, не оборачиваясь, сказал:

– При колхозной жизни, Максим Матвеич, наши крестьянские дворы совсем стали другими. Прежде мы в грязи и навозе утопали. Теперь скот большей частью на фермах содержится, за селом. Дух-то у нас во дворах куда здоровее стал, опять же и мух поубавилось.

– И еще одна причина есть, Мирон Степаныч: у хороших хозяев в колхозах навоз цену приобрел, – заметил Артем.

– Истинная правда, Артем Матвеич. К примеру сказать, куриный помет. Я у хозяек его слезно выпрашиваю. До шести центнеров на гектар мне его требуется. Да по десять тонн перегноя, по восемь центнеров золы на каждый гектар закладываю. Сильно-то таким добром разбрасываться не станешь. А если вздумаешь без этого обойтись, то и урожая не получишь.

– Правильно, Мирон Степаныч! – горячо воскликнул Артем, про себя подумав: «Вот бы каждый колхозник был с таким сознанием! В два-три года мы бы все довоенные успехи в сельском хозяйстве превзошли».

В доме Деговых было так же уютно, чисто, как и во дворе. Даже не верилось, что в этом доме живет семейство из восемнадцати человек, среди которых есть и старики и малолетние.

Дегов провел Максима и Артема в крайнюю комнату. Она была меблирована по-городскому: полумягкие дубовые стулья, книжный шкаф со стеклянными дверцами, широкая кровать с никелированными шарами на спинках, фабричный коврик на полу.

Весь простенок между окон, выходивших к реке, был занят большим листом белой бумаги, на которой были наклеены портреты Дегова, вырезанные из газет, почетные грамоты от районных и областных организаций, указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Трудового Красного Знамени и орденом Ленина.

Заметив, что Максим присматривается к этому листу с вырезками и грамотами, Дегов смущенно сказал:

– Внуков проделки. Пусть, говорят, дедушка, знают все, какой ты у нас герой.

– А где же ваше семейство? – спросил Максим. – Пусто в доме.

– На работе все. Как раз нынче подкормку льна производим. За домом доглядывает сноха – жена старшего сына. Сам я уж пять лет как овдовел.

– А внуки, Мирон Степаныч? И их что-то не слышно, – заметил Артем.

– Я велю, Артем Матвеич, и внуков на поля возить. Не для работы, конечно, а так, чтоб с малолетства к нашему крестьянскому труду приглядывались и полевым воздухом дышали. Мой-то родитель чуть не с пеленок меня на пашню возил.

– Правильно делаешь, Мирон Степаныч! – опять горячо воскликнул Артем.

– Верю я, Артем, что вырастут у Мирона Степановича внуки настоящими земледельцами, – сказал Максим, продолжая осматривать строгое убранство дома Деговых.

– А как же иначе, Максим Матвеич! Нам крестьянское занятие от дедов и прадедов перешло. И любить мы его должны пуще всего на свете. Я сам-то про себя иной раз так думаю: не было б для меня кары большей, чем оторвать от земли. Погиб бы я без крестьянской работы, как рыба на берегу... Ксюша! Ксюша! – вдруг громко позвал Дегов.

В дверях появилась миловидная женщина в ситцевом опрятном платье, в фартуке, повязанная платком. Она поздоровалась с Максимом легким наклоном головы и обратилась к Дегову:

– Вы звали меня, папаша?

– Звал, Ксюша. Ладно ли, что мы гостей одними речами потчует? – добродушно усмехаясь, спросил Дегов.

Максим понял, что Ксюша и есть жена старшего сына Дегова и что порядок и чистота в этом доме созданы ее заботливыми руками. «Какая прилежная», – подумал он.

– Проходите, папаша, – сказала она, – все на столе. – И пригласила Артема: – Проходите, Артем Матвеич, проходите с товарищем.

– Это, Ксения Платоновна, не товарищ, а мой родной брат – Максим Матвеевич.

– А я сразу поняла, – улыбнулась Ксюша, – что вы не чужие, только спросить постеснялась.

Когда братья сели за стол вместе с Деговым, Максим вспомнил о споре, происходившем во дворе сельсовета.

– Спор этот не новый, Максим Матвеич, – начал рассказывать Дегов. – До колхозной жизни мы с Михайлой Лисицыным были в такой дружбе, что водой не разольешь. А теперь вот как сойдемся вместе, так и пошло!.. Я – слово, он – два, я – десять, он – двадцать! Еще такой человек на свете не живет, который его мог бы переговорить. Да не слова, а дело красит человека.

– На язык Лисицын остер, это верно, Мирон Степаныч, а только и дела у него неплохи. Немалую он прибыль дает колхозу своим промыслом, – сказал Артем.

– Звону больше того, Артем Матвеич. Любит Михайло на кустах таежную живность подсчитывать. А ей, живности-то, соли на хвост не насыплешь. Орехи и ягоды не уродились, она

вспорхнула с дерева – только ее и видели. Я и сам охотой пробовал заниматься, да, слава богу, не успела она меня затянуть навечно.

– Недороды, милейший Мирон Степаныч, и в сельском хозяйстве, к сожалению, бывают, – покачал головой Артем.

– Согласен. А только я смотрю на дело, Артем Матвеич, так: если власть над землей твоя – всегда свое возьмешь. Вспомни-ка, какая в прошлом году сухая весна была, а я обещал по шесть центнеров семян и по двадцать семь центнеров тресты с гектара снять – и снял!

– Теперь, Мирон Степаныч, – дело прошлое, могу признаться – вся душа у меня за тебя изболелась. Думал я, не вытянешь своего обязательства. Секретарь обкома Ефремов как-то позвонил, спрашивает: «Как Дегов?» – «Штатается, говорю, Иван Федорович!»

– Работал до упаду, Артем Матвеич. Сам не спал и другим отдыха не давал. Три раза только прикатывание остроребрым катком по посевам проводил, чтоб прошел через сухую корку земли воздух к проросткам.

Дегов, что называется, сел на любимого конька. Он принялся подробно рассказывать братьям о всех трудностях, которые пришлось преодолеть, чтобы наконец получить высокий урожай.

Максим слушал Дегова с большим вниманием. Он слабо представлял, как выращивается лен. Артем хотя и знал технологию льноводства и все, что пришлось пережить и перечувствовать Дегову, но так любил и почитал его, что слушал рассказ старика с тем наслаждением, с каким слушают любимую песню, если даже ее исполняют в сотый раз.

Артем смотрел на Дегова ласковыми внимательными глазами, и сухощавое смуглое лицо его становилось то строгим и сосредоточенным, то задумчивым, то сердитым, то озарялось сдержанной, умной улыбкой.

Пока говорил Дегов, Артем не произнес ни одного слова, но и без этого, лишь по выражению лица Максим мог понять мысли и чувства, которые владели братом. Когда Дегов закончил свой рассказ, Артем, сидевший напротив Максима, оживленно заговорил:

– Чем не повесть, Максим? Тут один писатель приезжал из Высокоярска записать рассказы Мирона Степаныча. Обещал в областном альманахе опубликовать. Ждем. Пока что нету.

– Ты бы ему, писателю-то, лучше посоветовал лето на полях вместе с Мироном Степановичем поработать.

– Предлагал. «Не могу, говорит, творческие планы не позволяют». Вот как альманах появится, обяжу всех секретарей партийных организаций читку на полях с колхозниками провести. Пусть опыт перенимают. А тебя, Максим, по-братски прошу заинтересоваться в обкоме моей докладной.

– Докладной? О чем?

– На имя Ефремова докладную записку написал. Ставлю вопрос о подъеме сельского хозяйства Улуюлья. Прошу триста семей переселенцев, опытную льноводческую станцию, одну МТС, льномолотильные и льнотеребильные машины.

– Еще бы, Артем Матвеич, минеральных удобрений попросить. Хороша для наших земель аммиачная селитра, – вставил Дегов.

– И об этом в докладной есть.

– Насчет переселенцев и машин – это ты совершенно правильно. А где ты думаешь переселенцев размещать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.